

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

Санкт-Петербургский Государственный Университет
Восточный факультет

ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Материалы XIV Международной научной конференции

Москва, 23–24 ноября 2020 г.

LESEWA

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2020

УДК 811(5-012+6-15)(082)
ББК 81.2(255)(58)(63)я43
Я41

Ответственный редактор – А.Ю. Вихрова, Институт стран Азии и Африки

Языки стран Дальнего Востока, Юго–Восточной Азии и Западной Африки :
Я41 материалы XIV Международной научной конференции, Москва, 23–24 ноября 2020 г. /
Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, С.-Петербург. гос. ун-т,
Вост. фак. ; отв. ред. А. Ю. Вихрова. – Москва : Ключ-С, 2020. – 140 с.

ISBN 978-5-6045244-4-2.

Тематика конференции сфокусирована на значимом параллелизме в морфосинтаксических и семантических структурах языков Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки который не может быть объяснен ни генеалогическим родством языков, ни ареальными факторами: так, например, для языков этих ареалов характерно использование тонов как смысловозначительного фактора, преобладание аналитической модели в грамматике, общее тяготение к «изолирующему типу».

Результаты, полученные в ходе анализа конкретных языков, а также оригинальных изысканий в области типологии и универсальной грамматики, имеют первостепенное значение для раскрытия внутренней логики строения и развития языка как такового. В последние годы тематический спектр конференции расширился путем включения проблем сравнительно-исторического языкознания, социолингвистики, этнолингвистики и обогатился за счет применения к описанию языков Юго-Западной Азии и Западной Африки типологического и терминологического аппарата современной функциональной и типологической лингвистики.

Конференция 2020 года посвящена памяти Марка Ильича Каплуна, известного ученого африканиста, фонетиста, специалиста по языку йоруба, покинувшего нас в октябре 2019 года.

УДК 811(5-012+6-15)(082)
ББК 81.2(255)(58)(63)я43

ISBN ISBN 978-5-6045244-4-2

© Институт стран Азии и Африки,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Восточный факультет, 2020
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

К.В. АНТОНЯН Результативная конструкция в древнекитайском и среднекитайском языке	5
И.Н. КОМАРОВА Категория падежа в грамматической системе тибетского языка	8
С.Ю. ДМИТРЕНКО, М.В. СТАНЮКОВИЧ Заметки о бетельной терминологии в языках Юго-Восточной Азии	13
М.А. КОСОГОРОВА Грамматикализация адлогов в гвинейском пулар	17
М.Б. КОНОШЕНКО Локативные имена в гвинейском кпелле	22
Е.С. ТРЕТЯКОВА Analysis of Difficulties in English for Japanese EFL learners related to Noun Countability	26
Д.А. САПАРОВА Нестандартное отрицание в кхмерском языке	33
С.А. БЫКОВА Диалектальные стереотипы и «виртуальные» диалекты японского языка	38
Р.Г. ЖАМСАРАНОВА Параллелизм в исторической антропонимии: субстрат или заимствование?	42
Н.В. МАКЕЕВА Формантная картина и вариативность гласных языка акебу (ква)	45
А.С. ПАНИНА Коллокации с названиями эмоций в японском языке	51
PENGLIN WANG The Turkic Influence on Kitan: Kitan Bori (the Name for an Evil Person) and Old Turkic Bōri 'Wolf'	55
CHINGDUANG YURAYONG, PUI YIU SZETO A parallelism in the postverbal auxiliary verb constructions in languages of Northeast and Southeast Asia	60
В.А. АНДРЕЕВА Особенности вьетнамского молодежного сленга	67
В.Н. ГЛИНСКАЯ Пространственный дейксис в современном китайском языке	70
Н.Г. РУМАК Двойственная природа лексемы мина/минна «все» (на основе корпусных данных японского языка)	76
Н. КРНЕТА О разграничении повелительного и желательного наклонений в японском языке	81

П.О. КИСЕЛЬ	
Опыт семантического подхода к анализу комбинаторики раздельно-слитных слов лихэцы в современном китайском языке	86
Е.Н. КОЛПАЧКОВА	
Валентностные классы прилагательных в современном китайском языке	92
Н.В. КУТАФЬЕВА	
Оппозиция «свой-чужой» на примере зооморфной метафоры японского и русского языков.....	96
Н.М. СПАТАРЬ	
Пассивные конструкции в кхмерском языке	100
С.Г. КРАМАРОВА	
Категория отрицания в балийском языке.....	103
Е.Г. ФРОЛОВА	
Синтаксические показатели в сложных предложениях тагальского языка	109
А.Н. АЛЕКСАХИН	
Инспирированные гласные в вокализме мзяньского и шанхайского диалектов и их диахронические генетические корреспонденты ретрофлексные гласные в вокализме китайского языка Путунхуа	112
С.В. ЧИРОНОВ	
Японские коннекторы логического развития	115
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ, Ю.Г. СУЕТИНА	
Язык хауса в типологической перспективе лингвистики и филологии	120
Hausa Language from a Typological Perspective of Linguistics and Philology	
В.А. БОГУШЕВСКАЯ (Victoria Bogushevskaya)	
Что скрывают китайские палиндромы	124
S. ROS	
Senegalese sabar – Is it a drum language?	132
Е.Ч. ДЫЖИТОВА	
Лексическое значение и семантическая интерпретация личных имен хори-бурят Цаганского рода (Сагаанууд).....	135
С.С. ХРОМОВ	
М.И. Каплун о тонах в языке Йоруба	138

РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ И СРЕДНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

The paper analyzes the history of the development of verb-complement construction in Late Classical and Middle Chinese. Morphosyntactically, the history of the development of a verb-complement compound is a history of a transition from a two-clausal sentence through serial verb construction to the compound. The process of compounding was reinforced by the spread of *ba*- and *bei*-constructions in Middle Chinese: the components of construction started being placed in contact more often than earlier. And the compounding itself formed the conditions for grammaticalization of the complement.

Результативная конструкция (РК) занимает важное место в грамматической системе китайского языка. Она служит базой для формирования целого ряда грамматических конструкций и категорий, таких как категория вида, ориентации, наклонения (т.н. формы потенциального наклонения).

Результативные конструкции представляют собой чрезвычайно интересный объект исследования, поскольку в ходе их анализа лингвист сталкивается с целым рядом важнейших противопоставлений: противопоставление слова и словосочетания, инвентарных и синтезируемых единиц языка, знаменательных и служебных единиц языка.

Предложения со сказуемым-РК исторически развились из предложений с двумя сказуемыми, каждое из которых имело собственные зависимые члены.

В классическом древнекитайском языке современным РК соответствовали предложения с двумя сказуемыми, соединенными союзом *er*. Ср. *Gongshi de da mu, ze wang xi, yiwei neng sheng qi ren ye; jiangren zhuo er xiao zhi, ze wang nu, yiwei bu sheng qi ren yi* 'Если производитель работ найдет большие бревна [для строительства], ван обрадуется, решив, что тот знает свое дело; если же плотники будут их слишком сильно обтесывать (букв. 'обрубив, уменьшат их'), ван рассердится, решив, что тот не в состоянии справиться с задачей' (Мэн-цзы; пример взят из Wang Li 1989: 262).

В одной из частей этого сложного предложения, а именно

<i>jiangren</i>	<i>zhuo</i>	<i>er</i>	<i>xiao</i>	<i>zhi</i>
плотники	рубить	союз	уменьшить	их,

представлено два сказуемых: *zhuo* 'рубить' и *xiao* 'уменьшить', соединенных союзом *er*. Их общий актанта – объект действия ('бревна') выражен стоящим после второго сказуемого местоимением *zhi*.

В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) появились употребления, в которых союз *er* отсутствовал. Такие предложения встречаются уже в «Ши цзи» Сыма Цяня (II-I в. до н.э.). В языке III-V вв., который исследователи рассматривают либо как поздний древнекитайский (Яхонтов 1965), либо как переходный от древнекитайского к среднекитайскому, союз *er* в подобных предложениях вообще не употреблялся (Гуревич 1974: 72). В результате исчезновения союза фактически получились предложения со сказуемым, выраженным сериальной глагольной конструкцией (СГК), то есть цепочкой соединенных бессоюзной связью предикативов (второй компонент мог быть выражен как глаголом, так и прилагательным), имеющих по крайней мере один общий актанта.

Отметим, что некоторые китайские языковеды, например, Гао Минкай, рассматривают предложения современного китайского языка со сказуемым-РК как предложения с сериаль-

ным глагольным сказуемым (*liandongshi*). РК рассматриваются как разновидность сериальной глагольной конструкции также в работах некоторых авторов, посвященных изучению типологии полипредикативных связей.

Однако, в отличие от компонентов современных РК, компоненты сериального глагольного сказуемого могли располагаться дистантно. Их могло разделять дополнение. Ср. *Wo jin mianmao, duanzheng ru ci, he gu wei ta chi jiang qu shui, ji da jiang po* `Я так красива, почему я должна кувшином таскать для других воду? И тут же она разбила кувшин' («Сутра ста притч», 492 г.; пример взят из Гуревич 1974: 89).

В последней части этого сложного предложения

<i>ji</i>	<i>da</i>	<i>jiang</i>	<i>po</i>
тут же	бить	кувшин	разбить

сказуемое представлено сериальной глагольной конструкцией. Общее для первого и второго компонентов дополнение *jiang* `кувшин' стоит между ними.

Интересно, что в этом же памятнике встречается другой синтаксический вариант этой же конструкции – с контактным расположением компонентов (в названии притчи):

<i>Yi</i>	<i>li</i>	<i>da</i>	<i>po</i>	<i>tou</i>	<i>yu</i>
предлог	груша	бить	разбить	голова	притча

«Притча о том, как грушей разбили голову».

Уже в классическом древнекитайском можно встретить употребления, в которых общий объект действия был выражен дважды: дополнением, стоящим между первым и вторым компонентами, и местоимением *zhi*, стоящим после второго компонента. Ср. следующий пример из «Ши цзи» Сыма Цяня:

<i>gong</i>	<i>Zheng</i>	<i>bai</i>	<i>zhi</i>
напасть	Чжэн	разбить	его

...напал на Чжэн и разбил его (Zhu Minche 1958: 6, Гуревич 1974: 93).

Существовали, однако, и такие употребления, в которых оба компонента располагались контактно. Ср. *Jin zhuhou wang jie tui gao guaren, jiang he yi chu zhi zai?* `Ныне чжухоу и ваны возвышают меня, что же с этим поделаешь?' («Хань шу», I в. н.э.; пример взят из Wang Li 1989: 263).

В первой части предложения

<i>jin</i>	<i>zhuhou</i>	<i>wang jie</i>	<i>tui</i>	<i>gao</i>	<i>guaren</i>
ныне	чжухоу	ваны все	толкать	высокий	недостойный (я)

Дополнение *guaren* `недостойный' (то есть `я') располагается после второго компонента СГК; компоненты СГК *tui* `толкать' и *gao* `высокий' расположены контактно.

Число СГК с контактным расположением компонентов резко возросло во время династии Тан (618-907 гг.); в раннем среднекитайском языке. Это связано с появлением и распространением двух синтаксических конструкций: *ba*-предложений (предложений, в которых дополнение оформляется предлогом *ba* и выносится в препозицию) и *bei*-предложений (пассивных предложений, в которых именная группа, обозначающая производителя действия, вводится с помощью предлога *bei*). (Li & Thompson 1976). Эти два типа предложений объединяет то, что общий объект выражен либо препозитивным дополнением, либо подлежащим; таким образом, глагольные компоненты СГК оказываются ничем не разделенными.

Однако возможность дистантного расположения компонентов СГК сохранялась вплоть до конца династии Сун (960-1279 гг.). Отдельные примеры таких употреблений обнаруживаются даже в романе «Речные заводы» (памятник литературного языка XIV-XVI вв). Ср.

Wang po shoushi fang- li ganjing le.
Ван тетушка убирать дом в чистый МЧ
Тетушка Ван чисто убрала дом (Wang Li 1989: 264).

В настоящее время способность к дистантному расположению компонентов сохраняется только у РК со вторым компонентом – составным глаголом направления движения. Прочие же РК утратили употребления с дистантным расположением компонентов, превратившись, таким образом, в грамматические слова.

В грамматиках современного китайского языка РК практически во всех случаях (кроме РК со вторым компонентом – глаголом движения и следующим за ним дополнением места) рассматривается как единый член предложения, аналогичный простому глаголу. Однако компоненты РК во всех случаях продолжают сохранять свои собственные семантические связи (кроме полностью грамматикализованных вторых компонентов РК), что, собственно, является «наследием» того времени, когда оба компонента были самостоятельными сказуемыми.

Литература

1. Гуревич И.С. Очерк грамматики китайского языка III-V веков. М., 1974.
2. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М., 1965.
3. Li C.N., Thompson S.A. *Development of the causative in Mandarin Chinese: Interaction of diachronic processes in syntax // Syntax and semantics: The grammar of causative constructions. Vol. 6. Ed. by M. Shibatani. N.Y./San Francisco/London: Academic press, 1976.*
4. Wang Li. *Hanyu yufa shi. Beijing, 1989.* (Ван Ли. История грамматической системы китайского языка. Пекин, 1989).
5. Zhu Minche. *Xian Qin Liang Han shiqi de dongci buyu // Yuyanxue luncong. Shanghai. 1958. № 2.* (Чжу Миньчэ. Дополнительный элемент к глаголу в доцинское время и в период династии Хань // Сборник статей по языкознанию. Шанхай. 1958. № 2).

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

This research work presents syntactic relations in a (SOV) sentences of the Tibetan language and the nominal morphology with the case system.

But another point of view belongs to the Chinese scientists:
they consider case units as auxiliary words.

В трудах отечественных и зарубежных тибетологов в настоящее время отсутствует единое мнение относительно именной морфологии тибетского языка. Это вызвало немало размышлений о тибетской падежной парадигме имени существительного.

Как известно, тибетский язык входит в тибето-бирманскую группу китайско-тибетской семьи языков, в составе которой выступает китайский язык, обладая исключительным признаком изоляции, не предполагающей в рамках словопорядка SVO в предложении синтаксической связи слов с другими словами.

Длительное эволюционное развитие фонетической и грамматической систем тибетского языка, обладавшего значительными элементами изолирующих языков, способствовало образованию в современном лхасском диалекте таких значительных тенденций, как агглютинация и флексия.

В процессе исследования основного распределения падежных показателей тибетского имени существительного особое значение приобрело выявление особенностей типологических черт, присущих агглютинативным тюркским и кавказским языкам по схеме словопорядка SVO в предложении. Ср. образование местного падежа имени существительного тибетского и узбекского языков:

тиб. *lop¹ khang¹* ‘аудитория’ – *lop¹ khang¹la* (афф. *la*) ‘в аудитории’; узб. *мактаб* ‘школа’ – *мактабда* ‘в школе’ (афф. *да*).

Итак, парадигмы склонения имен существительных отличаются необычным своеобразием использования агглютинативного или флективного способов образования падежных форм. Агглютинативный или флективный способы выражения категорий падежей имен существительных находятся в прямой зависимости от консонантного или вокального исхода корневой морфемы.

При консонантном исходе слова присоединение падежных показателей осуществляется агглютинативным способом. Синтаксические показатели при этом характеризуются четкой выделительностью, автономностью и моносемантичностью. При вокальном исходе слова – синтаксические показатели, фузионно сливаясь с предшествующим словом, образуют единый «слиток». Таким образом в рамках падежной парадигматики выделяются две разновидности именного склонения в тибетском языке: первое склонение и второе склонение. Следует отметить, что парадигмы склонения таких частей речи, как прилагательные, местоимения (личные, указательные, притяжательные, вопросительные) сходны с парадигмами склонения имен существительных.

Первое склонение.

В современном тибетском языке падежные показатели и их варианты, именуемые «ладон», в тибетских грамматиках с корневой морфемой *la²*, *na²*, *thu²*, *su¹*, *tu²*, зависящие от

конкретного качества конечного консонантного элемента слова, имеют агглютинативную технику соединения.

Различные грамматические формы слов образуются путем последовательного прибавления к корню падежных показателей. Приведем примеры релятивных показателей: эргативный показатель *khi*²³ (его варианты *kyhi*²³, *kyi*²³), атрибутивный показатель *khi*² (его варианты *kyi*², *kyhi*²); *khong*¹ *ki*²³ ‘он’, эргатив, субъект действия при переходном глаголе; / *khong*¹ номинатив, показатель эргатива *khi*²³ / *khong*¹*khi*¹, ‘его’ / *khong*¹ ‘он’ номинатив, показатель атрибутива *khi*²/.

Обратимся к таблице основных синтактико-семантических падежей и падежных показателей имени.

Граммемные значения	Падежные показатели	Основные семантически-синтаксические характеристики падежей
Номинатив	не имеет падежных аффиксов	Субъект действия или носитель состояния при непереходном глаголе, прямой объект переходного глагола – название лица, предмета или явления, номинатив может выступать в качестве предиката, характеризуя субъект по трудовой деятельности, национальному, интеллектуальному признаку.
Эргатив (byed sgra) <i>ge</i> ² <i>zha</i> ¹	<i>sa</i> ¹ , <i>yi</i> ²³ , <i>khi</i> ²³ , <i>kyhi</i> ²³ , <i>kyi</i> ²⁴	Субъект действия при переходном глаголе
Инструментатив (byed sgra) <i>ge</i> ² <i>zha</i> ¹	<i>sa</i> ¹ , <i>yi</i> ²³ , <i>khi</i> ²³ , <i>kyhi</i> ²³ , <i>kyi</i> ²⁴	Орудие действия или средство, при помощи которого производится действие; причины совершения действия
Атрибутив (‘abrel sgra) <i>zhe</i> ² <i>zha</i> ¹	<i>khi</i> ² , <i>khi</i> ¹ , <i>kyhi</i> ²² , <i>i</i> ² , <i>yi</i> ²	Предметная принадлежность, определительное значение наличия признака, меры и степени
Аккузатив (la don) <i>la</i> ² <i>tøn</i> ¹	<i>la</i> ² , <i>ra</i> ² , <i>ru</i> ² , <i>su</i> ¹ , <i>thu</i> ² , <i>tu</i> ¹	Прямой объект, его функционирование зависит от семантических потенций предиката.
Адрессив (la don) <i>la</i> ² <i>tøn</i> ¹	<i>la</i> ² , <i>ra</i> ² , <i>ru</i> ² , <i>su</i> ¹ , <i>thu</i> ² , <i>tu</i> ¹	Предоставление кому-либо что-либо; цель действия: лицо или предмет, которому что-либо сообщается, приказывается; лицо или предмет, к которому направлено движение, действие.
Локатив (la don) <i>la</i> ² <i>tøn</i> ¹	<i>la</i> ² , <i>su</i> ¹ , <i>ra</i> ² , <i>ru</i> ² , <i>thu</i> ² , <i>tu</i> ¹ , <i>na</i> ²	Местоимение: где?, в чем? нечто имеется, находится, время совершения действия.
Аблатив	<i>ne</i> ²³ , <i>le</i> ²³	Пространство, от которого исходит действие: откуда? от кого? время совершения действия с какого времени?

Второе склонение.

Относительно флексии при словоизменении Дж. Гринберг отмечал, что «если в языке глагол следует за именным субъектом, и такой порядок является доминирующим, то язык почти всегда имеет падежную флексию» (Гринберг – 1970).

Если падежные показатели имеют агглютинативную технику соединения, морфологические границы слов предельно ясны и прозрачны: *khong*¹ *ki*²³ ‘он’ эрг., *khong*¹ *ki*² ‘его’, атр. В таких же словоформах – «слитках», как *nge*²³ ‘я’, эрг.; *nge*²: ‘мой’ атр. морфемное членение невозможно, так как произошло слияние исходных слов с падежными показателями (эргатива в первом случае и атрибутива – во втором). Образовавшиеся звуковые комплексы рассматриваются как одна словоформа.

Приведем примеры слияния релятивных показателей с предшествующей корневой морфемой: *nge*²³ ‘я’, эргатив, субъект действия при переходном глаголе, транслитерационная запись слова *ngas* (*nga*² ‘я’ номинатив, падежный показатель эргатива *sa*¹ сливается с предшествующей морфемой), произошло чередование гласных /a – ε/, /II – III/, второго восходя-

щего тона с нисходяще-восходящим тоном; *ngɛ:²* ‘мой’, транслитерационная запись слова *nga'i* (*nga²* ‘я’ ‘падежный показатель атрибутива’ *i* слился с предшествующей морфемой), наблюдаем качественное изменение гласных /a – ε:/.

Исходные слова, в свою очередь, подверглись фонологическим и тонематическим изменениям. Происходят вокальные чередования, которые могут быть четырех видов:

1) вокальные количественные (долгота – краткость): /a – a:/, /u – u:/, /o – o:/, /i – i:/, /e – e:/, 2) вокальные качественные и количественные: /a – ε:/, /o – ø:/, /u – y:/, 3) консонантные и тоновые. Приведем примеры: вокальные количественные чередования:

/o/ – /o:/: *tɛ:²mɔ¹* ‘представление’ – *tɛ:²mɔ¹*: ‘на представлении’, лок.;

/a/ – /a:/: *nga²* ‘я’ – *nga:²* ‘у меня’, лок.;

вокальные качественные и количественные чередования:

/a/ – /ε:/: *jin²zha¹* ‘институт’ – *jin²zhɛ:¹* ‘институтский’, атр.;

/ø/ – /ø:/: *tɔ²* ‘год’ – *tɔ:²* ‘года’, атр.;

вокальные качественные изменения: /o/ – /ø/, /u/ – /y/;

тоновые чередования: II тон – III тон, I тон – IV тон.

I тон – IV тон: *kha¹* ‘рот’ – *khɛ²⁴* ‘ртом’, INSTR.

II тон – III тон: *zhu²* ‘грязь’ – *zhy²³* ‘грязью’, INSTR.

Как показывают приведенные примеры, в одной и той же словоформе могут быть от одного до трех видов чередований:

/a/ – /a:/: один вид чередования: *nga²* ‘я’ – *nga:²* ‘у меня’

/o/ – /ø:/: три вида чередований: *ko²* ‘голова’ – *kø²³* ‘головой’.

/0/ нуль звука – ?/: /II тон – III тон/.

При этом наблюдается мена фонем и тоном в различных формах одного и того же слова. Чаще встречается мена гласных. Необходимо особо подчеркнуть, что вокалические альтернации, представляющие чередования гласных заднего ряда с соответствующими гласными переднего ряда, отличаются регулярным и систематическим характером:

1) чередование по признаку ряда: задний – передний: /a/ – /ε/, /o/ – /ø/, /u/ – /y/;

2) чередование по признаку долготы – краткости: /a/ – /a:/, /o/ – /o:/, /u/ – /u:/;

3) одновременное чередование по признаку ряда и по признаку долготы – краткости: /a/ – /ε:/, /o/ – /ø:/, /u/ – /y:/; задний – передний /a/ – /ε/, /o/ – /ø:/, /u/ – /y:/;

4) тоновые чередования по признаку ровный – нисходящий /I тон – IV тон/; восходящий – восходяще-нисходящий /II тон – III тон/.

Следует отметить существенные фузионные явления: падежные показатели могут сливаться непосредственно с корневой морфемой, если слово односложное, непроемное, либо с суффиксальной морфемой, если слово двусложное, производное.

Приведем примеры слияния падежных показателей с корневой морфемой и проявление «внутренней флексии»:

/a/ – /a:/: (*rnga*) *nga¹* ‘барабан’ – (*rngar*) *nga:¹* ‘на барабане’, лок.

/u/ – /u:/: (*chu*) *gu¹* ‘вода’ – (*chu'i*) *gu:¹* ‘водный’, атр.

/o/ – /ø:/: (*krung-go*) *zhung¹ko¹* ‘Китай’ – (*krung¹gos*) *zhung¹kø²⁴* ‘Китай’, эрг.

/u/ – /y/: (*mthu*) *thu¹* ‘сила’ – (*mthus*) *thy²⁴* ‘силой’, INSTR.

Приведем примеры слияния падежных показателей с суффиксальной морфемой и проявления «внешней флексии»:

/a/ – /ε/: (*nya-pa*) *nya²pa¹* ‘рыбак’ – (*nya-pas*) *nya²pe²⁴* ‘рыбак’, эрг.

/a/ – /ε/: (*rnga-ma*) *nga¹ma¹* ‘барабан’ – (*rnga-mas*) *nga¹me²⁴* ‘барабаном’, INSTR.

/a/ – /ε:/: (*stag-pa*) *tak¹pa¹* ‘береза’ – (*stag-pa'i*) *tak¹pe:¹* ‘березы’, атр.

При групповом оформлении членов именной группы вокалические альтернации наблюдаются только в крайнем справа члене синтагмы:

lak²pa¹yøn²pa¹ ‘левая рука’, номинатив

lak²pa¹yøn²pa:¹: ‘в левой руке’, (букв. рука, левой), лок.

Описанные выше факты непосредственного слияния синтаксических показателей с предшествующим словом позволяют сделать вывод о наличии флективного способа соединения морфем в словоформах тибетского языка посредством внутренней и внешней флексии. Флективный способ соединения морфем в словоформах в составе предложения наблюдается при выражении эргатива, атрибутивных, временных, пространственных, адрессивных, посессивных и инструментальных отношений. Приведем примеры:

- 1) при выражении эргатива: *the*² ‘это’ номинатив – *te*²³ ‘это’, эргатив; *khø*²³ ‘он’, эргатив;
- 2) при выражении атрибутива: *kho*¹ ‘он’ – *khø*¹: ‘его’,
*zung*¹ *ko*¹ ‘Китай’ – *zung*¹ *kø*¹: ‘Китая’;
- 3) при выражении локатива: *ri*² ‘гора’ – *ri*:² ‘в горах’
*zung*¹ *ko*¹ ‘Китай’ – *zung*¹ *kø*:¹ ‘в Китае’;
- 4) при выражении посессивных отношений *nga*² ‘я’ – *nga*:² ‘у меня’
*kho*¹ ‘он’ – *kho*:¹ ‘у него’,
- 5) при выражении инструментатива: *ko*² ‘голова’ – *kø*²³ ‘головой’,
*ga*¹ *ma*¹ ‘веник’ – *ga*¹ *me*²⁴ ‘веником’.

Ниже представлены типы флексий в составе падежных парадигм существительных *nyu*²*pa*¹ ‘рыбак’, *chok*²*mo*¹ ‘подруга’.

Граммемные значения \ Типы флексий	<i>nyu</i> ² <i>pa</i> ¹ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> ¹ ‘подруга’
Номинатив	<i>nyu</i> ² <i>pa</i> ¹ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> ¹ ‘подруга’
Эргатив	<i>nyu</i> ² <i>pe</i> ²⁴ ‘рыбак’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> ²⁴ ‘подруга’
Атрибутив	<i>nyu</i> ² <i>pe</i> ¹ ‘рыбака’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> : ¹ ‘подруги’
Адрессив	<i>nyu</i> ² <i>pa</i> : ¹ ‘рыбаку’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> : ¹ ‘подруге’
Инструментатив	<i>nyu</i> ² <i>pe</i> ²⁴ ‘рыбаком’	<i>chok</i> ² <i>mø</i> ²⁴ ‘подругой’
Локатив	<i>nyu</i> ² <i>pa</i> : ¹ ‘в рыбаке’	<i>chok</i> ² <i>mo</i> : ¹ ‘в подруге’

Как показывают наблюдения, перечень флексийных морфем существительных *nyu*²*pa*¹ ‘рыбак’ и *chok*²*mo*¹ ‘подруга’ имеет сравнительно ограниченный инвентарь – всего четыре флексии, что непосредственно зависит от состава гласных и согласных фонем словоформ, т.е. в данном случае от суффиксальных морфем.

Существенный вклад в исследование падежной системы внесли работы известных российских и индийских ученых, воплотившие богатейшее наследие тибетской исторической, религиозной и лингвистической мысли: выдающегося ученого Ю.Н. Рериха, имевшего мировую известность главным образом благодаря фундаментальному десятитомному «Тибетско-Русско-Английскому Словарю с санскритскими параллелями (1983-1993), Я. Шмидта, а также популярных тибетологов Сарат Чандра Гупты и Пема Чхондэра.

Ю.Н. Рерих и И.Я. Шмидт полагали, что система тибетской именной морфологии содержит восемь падежей (тиб. *nam-dbye brgyad*):

Именительный или первый падеж (тиб. *nam-dbye dan-po*, санскр. *prathhama vibhaktih*).

Винительный или второй падеж (тиб. *nam-dbye gñis-pa*, санскр. *dvītiyā vibhaktih*).

Орудный или третий падеж (тиб. *nam-dbye gsum-pa*, санскр. *ṭṛtīya vibhaktih*).

Дательный или четвертый падеж (тиб. *nam-dbye bñi-pa*, санскр. *saturthi vibhaktih*).

Исходный или пятый падеж (тиб. *nam-dbye lña-ba*, санскр. *pañcamī vibhaktih*).

Родительный или шестой падеж (тиб. *nam-dbye drug-pa*, санскр. *ṣaṣṭhī vibhaktih*).

Местный или седьмой падеж (тиб. *nam-dbye bgun-pa*, санскр. *saptamī vibhaktih*).

Звательный или восьмой падеж (тиб. *nam-dbye brgyad-pa*) означает обращение и образуется при помощи препозиционных частиц *kye*, *kwa-ye*: *kye ngal-po* ‘О, царь!’.

Сарат Чандра Дас и Пема Чхондёр имели все основания считать, что в тибетском языке имеется восемь падежей:

Номинатив (тиб. *nam-dbye dan-po*),
Аккузатив (тиб. *nam-dbye gnis-pa*),
Агентив (тиб. *nam-dbye sum-pa*),
Датив (тиб. *nam-dbye bai-pa*),
Аблатив (тиб. *nam-dbye lnga-pa*),
Генитив (тиб. *nam-dbye drag-pa*),
Локатив (тиб. *nam-dbye bdun-pa*),
Вокатив (тиб. *nam-dbye brgyad-pa*),

Китайские исследователи, включая проф. Цзинь Пэна, избегают признавать наличие падежной системы в именной морфологии, называя падежные показатели служебными словами, которые осуществляют синтаксическую связь между словами в предложении. При этом Цзинь Пэн признает происходящие различные фонетические изменения корневой морфемы с гласным исходом: а – ε, о – ø, и – у.

Хотя тибетскому языку издревле был присущ эргативный статус, в настоящее время при именном и местоименном словоизменении отчетливо прослеживается следующая тенденция: субъект действия лишается эргативного падежного показателя *sa*.

Рассмотрим для сравнения два примера:

1) В первом примере местоимение *nga*² ‘я’ в роли субъекта действия эргативного члена предложения употребляется с падежным показателем *sa* (транслитерация *ngas*).

*nge*²³ (трансл. *ngas*) *yi*²*ke*¹*chi*²*ki* *yø*²³.

Я письмо читаю.

2) Во втором примере местоимение *nga*² ‘я’ в роли субъекта выступает в номинативе без надлежащей прежде формы эргатива *sa*.

*nga*² *yi*²*ke*¹*chi*²*ki* *yø*²³.

Я письмо читаю.

Второй пример с использованием субъекта именного падежа заимствован из «Учебника разговорного языка лхасского диалекта» (Пекин, 1986, с. 26).

Таким образом, в современном тибетском языке для выражения синтаксических отношений слов в предложении имеется два типа именного склонения на основе моделей падежных словоформ: наряду с агглютативным способом соединения морфем в словоформе используется и флективный способ, представленный внутренней и внешней флексией.

Литература

1. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // *Новое в лингвистике*, вып. V, М., 1970, с. 141.
2. Рерих Ю.Н. *Тибетский язык*. Москва, Изд-во восточной литературы, 1961, с. 59.
3. Шмидт Я. *Грамматика тибетского языка*. Изданная Императорской Академией наук. Санкт-Петербург, 1839, 229 с.
4. Das G.Ch. *An Introduction to the Grammar of the Tibetan Language with the texts of Situh I Sumrtags*. Darjeeling. Darjeeling branch Press, 1915, p. 20.
5. Pema Chhinjor. *New Plan. Tibetan Grammar and Translation*. Department of Central Asian Studies. Panjab University. Chandigar. India, 1993, p. 67.
6. Zang yu jianzhi. *Jin Peng zhubian*. Minzu chubanshe. 1983, p. 74. (на кит. яз.) *Очерк Тибетский язык*. Гл. редактор Цзинь Пэн. Изд-во литературы на языках нацменьшинств. Пекин, 1983.

ЗАМЕТКИ О БЕТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЯЗЫКАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

1. Предварительные замечания. В докладе рассматривается семантическое поле термина, обозначающего один из основных компонентов бетельной жвачки в ряде языков Юго-Восточной Азии. Обычай жевания бетеля относится к древнейшим культурным практикам этого региона, он бытовал во всех слоях общества и был включен в повседневный этикет, в медицинские и магические практики, ритуал. В настоящей публикации пойдет речь о термине, обозначающем гашеную известь. Наряду с листом бетеля и плодами арековой пальмы это один из обязательных ингредиентов жвачки: известь обеспечивает высвобождение ареколина и других алколоидов из бетельного «ореха», которые и дают искомый стимулирующий/релаксирующий эффект.

Несмотря на борьбу с обычаем жевания бетеля, начатую европейскими колонизаторами в некоторых из стран ЮВА (в первую очередь миссионерами) еще пять веков назад, бетель до сих пор не утратил полностью свое символическое значение и остается важным компонентом ритуалов. С нашей точки зрения, сопоставительное изучение «бетельного словаря» языков материковой и островной Юго-Восточной Азии (равным образом, как и изучение лексики, связанной с культивированием риса, изготовлением и распитием рисовой браги, использованием гонгов и бронзовых барабанов, жертвоприношением буйвола) является важной частью исследования древних связей между народами Юго-Восточной Азии, необходимым условием реконструкции этнокультурной истории данного ареала; см. об этом же (Thierry 1969: 1, 19–21; Zumbroich 2007–2008: 91).

2. Гашеная известь. Древнейшие письменные свидетельства, касающиеся использования гашеной извести на территории материковой Юго-Восточной Азии обнаруживаются в древнекхмерских надписях. Так, начиная с конца IX в. в текстах встречаются формы *kampura*, *kampur*, *kampūr*, *kampor*. Например, в надписи (K.329:20) из храма Лолей (территория древнекхмерского города Харихаралайя) в списке выделяемого королевским двором ежегодного довольствия упомянуты 110 горшков (?) извести (*kampor señ 110*) (Pou 2001: 76). Упомянуты они в одном ряду с рисом (обрушенным и необрушенным), соленьями (вероятно, ферментированной рыбой и/или овощами), солью. Во всех остальных случаях это слово появляется в эпиграфических памятниках только в качестве антропонима (прозвища рабов): мужского *gho kampur* (K. 878:13) и женского: *tai kampur* (K.713:6), *si kampur* (K.270S:18).

Родственное древнекхмерскому слово, обозначающее гашеную известь, есть в текстах на среднемонском языке, где эта лексема выглядит как *gapuiw*. Так, в надписи конца XV в. имеется фраза: *(k)wom phalā suim sablu bī gapuiw* ‘плоды ареки вместе с бетелем и сосудом с известью’ (Shorto 1971: 73). Для изучаемой нами темы интерес также представляет использующееся здесь слово *sablu* ‘бетель’. Его очевидным когнатом является слово *caplu*: в современном кхмерском, которое обозначает не бетель *Piper betle* L., а родственное ему растение лолот (*Piper lolot*), называемое также «диким бетелем» (считается, что в кхмер-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского Фонда фундаментальных исследований. Проект № 20-012-00325 – «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии».

ском это название является заимствованием из тайского, где оно, в свою очередь, может быть остатком монского субстрата (протомонская реконструкция этого слова, предложенная Дж. Диффлотом, выглядит как **[s]a-bluu?*); с другой стороны, среднемонское *sablu*, безусловно связано с древнекхмерским *aṃlo/aṃlū* > совр. *mlu*: ‘бетель’, не исключено также, что монская и связанные с ней формы восходят к конструкциям «двандва»: ср., например, кхмер. *sla: mlu*: ‘арека (и) бетель’). Лолот – растение, напоминающее бетель внешне, но его листья лишены характерного жгучего вкуса. Оно достаточно широко используется в кулинарии (например, вьетнамской и кхмерской), а в составе бетельной жвачки может применяться только в крайнем случае: при отсутствии ее основного ингредиента.

Электронная база SEAlang Mon-Khmer Etymological Dictionary (<http://sealang.net/monkhmer/dictionary/>) позволяет составить достаточно большой список когнатов термина для гашеной извести в языках большинства австроазиатских (мон-кхмерских) групп.

Вьетская группа: **aru:l* арем, *po:l'* мыонг, *bo:n'* мыонг (пров. Тханьхоа), *karu:l'* тхавунг, чхут, рук, *pu:n* понг, *karu:u'* малиенг; ср. протовьетскую реконструкцию *k-pu:r*, предложенную М. Ферлюссом.

Катуическая группа: *ʔapoor* со, *mpʰɔ:r* куи, *kipoor* бру, *kapoor/ka.pu:r*) пакох, *ka(m)bo:r* нгек; ср. протокаатуическую реконструкцию **kmboor* П. Сидвелла.

Кхмерская группа: *kṃbaō* стандартный кхмерский (транслитерация выглядит как *kampor*, что соответствует древнекхмерской форме, о которой шла речь выше), *kmɔ:r* суринский кхмерский.

Бахнарическая группа: *kabɔ:r* лавен, *kapo:l/sapo:l* куа, *po:n* няхьян, *kat po:l* су, *kətiɔ:r* стиенг (Shorto 2006: 432), реконструкция П. Сидвелла для западнобахнарической подгруппы выглядит как **kpo:r*.

Палаунгическая группа: *pu:n* пхонг, *pú:n* камму йуан, однако в этих языках речь, вероятно, идет речь о заимствованиях из тайских языков.

Протомонкхмерская реконструкция Х. Л. Шорто имеет вид **knpur* (Shorto 2006 432).

Приведенные слова мон-кхмерских языков демонстрируют очевидные параллели с материалом австронезийских языков. Так древнеяванский термин для извести выглядят как *apū/hapū/apuh*. Ему соответствует современные яванское и малайское слова *kapur* ‘известь, мел’ (в малайском оно обозначает также камфору, см. об этом ниже), тямское *kapu*, балийское *haruh* ‘известь’, а также обширный кластер когнатов в филиппинских языках: маранао *apor*, илокано *ápug*, ифугао *ápul*, йогад *afug*, тагалог *ápog* (с тем же значением) и др.

Все перечисленные австронезийские лексемы восходят к протоавстронезийской форме **qapuR* ‘известь’ [https://www.trussel2.com/ACD/acd-hw_q.htm]. Можно предположить, что протомонкхмерское название гашеной извести было заимствовано из одного из древних австронезийских языков. Аналогичной точки зрения придерживался и Х. Л. Шорто (Shorto 2006 432). Отметим, что в Этимологическом словаре австронезийских языков Р. Бласта приводится также протоавстронезийская форма **apuR* ‘бетельная жвачка’ (https://www.trussel2.com/ACD/acd-hw_a1.htm).

Весьма вероятно здесь также связь с протоавстронезийским **qabu* ‘пепел’ (https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_q.htm#27554). Полисемия ‘известь’ – ‘пепел’ засвидетельствована, в частности, в языке пайвань (лексема *qavu*). Такая полисемия ожидаема, если учесть, что гашеную известь в ЮВА в большинстве случаев получают путем пережигания раковин моллюсков и известняка.

Данные мон-кхмерских и австронезийских языков можно дополнить материалом нескольких юго-западных тайских языков, где для обозначения гашеной извести используются лексемы типа лаосского/тайского *pu:n*, дай лы *pun'*. В данном случае (по крайней мере, если говорить о тайском и лаосском) вероятно заимствование из древнекхмерского (чередование терминалей *r > n* является стандартным при заимствовании из кхмерского в тайский, равно как и отпадение пресиллаба, таким образом древнекхмерскому *kampūr* должно соответствовать тайское *pu:n*). Также следует учесть, что имеются и другие прецеденты за-

имствований бетельной лексики из древнекхмерского в тайский. Ср. случай тайского *phlu*: ‘бетель’, представляющий собой древнекхмерское заимствование (< древнекхм. *'amlū*) (Varasarin 1984: 202, 240). В старых тайских текстах фигурирует также название ареки *slā*, заимствованное из древнекхмерского (Varasarin 1984: 240) (при стандартном тайском *mà:k*).

3. Камфора. Ряд исследователей уже обращали внимание на явное сходство австронезийских слов, обозначающих гашеную известь, со словами, обозначающими камфору. Здесь может наблюдаться и полисемия: лексема обозначает одновременно как камфору, так и гашеную известь – например в малайском, где оба значения фиксируются у лексемы *kapur* или в фиджийском – у лексемы *dravu*.² В работе (Mahdi 1999) название камфоры (в частности, малайское) прямо возводится все к тому же протоавстронезийскому корню **qaruR* ‘известь’.

Принято считать, что санскритское *karpūra* ‘камфора’, впервые появляющееся в «Сушрута-самхите» и «Панчатантре» (Mahdi 1999: 215), представляет собой австронезийское заимствование (возможно, не напрямую в санскрит, а через пракриты), что исторически объяснимо: основным источником камфоры в древнем мире был город Барус на Суматре, а ее поставщиками – малайские торговцы (там же: 165, 215).

В древнекхмерском слово *karpūra* ‘камфора’ попало уже из санскрита: с VIII в. оно присутствует в текстах как антропоним (мужской и женский) в формах *karpūra* и *karpur* (первое употребление – надпись К.904В:8).

Распространение термина для гашеной извести на камфору представляется вполне естественным. Известь и кристаллическая камфора совпадают с нескольких точек зрения: 1) как белое сыпучее вещество, «белая зола», 2) как ингредиент бетельной жвачки (во многих традициях камфора была дополнительным компонентом-ароматизатором жвачки (Thierry 1969: 12)), 3) камфора, как и «сок бетеля» (то есть красная слюна, которая вырабатывается в процессе жевания) использовалась в ряде культур для бальзамирования тел умерших.

4. Контейнер для хранения гашеной извести. Слова, обозначающие контейнер для гашеной извести (далее – КДИ) можно разделить на три группы.

а) Аффиксальные дериваты от корня «известь», характерные для австронезийских языков. Это, например, филиппинские термины, образованные от **qaruR* (известь), рефлексы протоформ **qaruR-an*, **paR-qaruR-an*, **raŋ-qaruR-an*: *pin-apúl-an*, ифугао; *pag-apúg-an*, илокан; *raŋ-aríx-ān*, итауис. Множество подобных примеров есть и в языках Океании, Индонезии и др. (см. примеры в https://www.trussel2.com/acd/acd-ak_1.htm#li).

б) Словосочетания типа «емкость для извести», более характерные для австроазиатских языков, но встречающиеся и в австронезийских, например, себуанское *sudlanan sa apog* (контейнер, емкость+показатель прямого дополнения+известь). Австроазиатские примеры: ньякур (диалект нам лао) *táw mbóol* (контейнер+известь), кхмерский *prəʔp kəmbao* (коробочка+известь).

с) Названия наиболее распространенных предметов, используемых с древности как контейнеры для извести (i) и производные от этих названий (ii).

(i) Среди множества материалов, из которых изготавливали КДИ (в их числе раковины, рог, дерево, на поздних этапах – медь, бронза, серебро и керамика) наиболее распространенными были колена бамбука и высушенная тыква-горлянка. Термины, их обозначающие, в ряде языков стали названиями КДИ. Так, производные от протоавстронезийской формы **tabayaR* (тыква-горлянка, *Lagenaria leucantha*) служат для обозначения этого растения в одних филиппинских языках и КДИ – в других. Например, в ифугао для КДИ, сделанных как правило из бамбука или из дерева, наряду с *pin-apúl-an* бытует термин *tabayag* (а сама тыква называется иначе), в то время как в себуано это слово имеет значение ‘тыква-гор-

² За пределами австронезийской семьи аналогичная ситуация наблюдается в австроазиатском языке семан (язык аслийской группы), где *kor* обозначает гашеную известь и камфору.

лянка', а КДИ называется *sudlanan sa apog* (контейнер, емкость + известь). (https://www.trussel2.com/ACD/acd-hw_t.htm).

В лаосском и тайском языках КДИ называется словосочетанием *bɔːk pu:n* (лао) или *kraʔbɔːk pu:n* (тайский), где второй компонент – 'гашеная известь', а первый *bɔːk/kraʔbɔːk* обозначает колено бамбука или любой предмет цилиндрической формы (также используется в качестве классификаторов для подобных предметов). Последнее объяснимо, поскольку изначально КДИ представлял собой именно колено бамбука или тыкву-горлянку.³

Кхмерское название КДИ – *ʔv:k kɔmbao* не поддается, кажется, полному объяснению, если рассматривать его «изнутри» мон-кхмерских языков. С другой стороны, «проблемный» компонент *ʔv:k* можно связать с лаосским *bɔːk*, хотя объяснить переход *b > ʔ* в процессе заимствования довольно сложно. Следует обратить внимание, что при толковании *ʔv:k kɔmbao* в классическом словаре кхмерского языка Тюан Ната используется слово *ប្រព្រាញ* 'трубка, цилиндр, бамбуковое колено'.

Классические образцы ангорских и постангорских кхмерских КДИ сферической или приближающейся к ней зооморфной формы, по-видимому, восходят к тыквам-горлянкам (при этом, кажется, КДИ в виде тыкв-горлянок отсутствуют, зато имеется много образцов КДИ в форме обычной тыквы), см., например, [Thierry 1969: 235–248].

Цилиндрические КДИ (эту форму С. Тьерри соотносит с формой урны для праха умерших) из сплава меди или серебра с закругленной крышкой, часто имевшей вид бутона лотоса (эта крышка применяется также в медиумических практиках), преобладавшие в последние столетия, появляются в более позднее время, возможно под тайским влиянием.

Литература

1. Mahdi W. *Linguistic and philological data towards a chronology of Austronesian activity in India and Sri Lanka // Archaeology and Language IV. London & New York: Routledge, 1999. P. 160–242.*
2. Martin M.A. *Introduction a l'ethnobotanique du Cambodge. Paris: Edition de CNRS, 1971.*
3. Pou Saveros. *Nouvelles inscriptions du Cambodge. Vol. II & III. Paris: EFEO, 2001.*
4. Shorto H.L. *A Dictionary of the Mon Inscriptions: From the Sixth to the Sixteenth Centuries. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1971.*
5. Thierry S. *Le Bétel. I. Inde et Asie du Sud-Est. Paris: Muséum National d'histoire naturelle, 1969.*
6. Varasarin U. *Les Eléments khmers dans la formation de la langue Siamoise. Paris: SELAF, 1984.*
7. Zumbroich T. J. *The origin and diffusion of betel chewing: a synthesis of evidence from South Asia, Southeast Asia and beyond // eJournal of Indian Medicine Volume 1 (2007–2008). P. 87–140.*

Summary

Some notes on “betel lexicon” in South-East Asian languages

The report considers the semantic field of the term 'lime' denoting one of the basic components of betel quid. An analysis of lexemes meaning 'lime' in a range of Austro-Asian, Austronesian, and Thai languages proves Austronesian origins of the term and traces its links to the reconstructed Proto-Austronesian 'ashes'. The modern term 'camphor' also goes back to the same ancient root; it is even denoted by the same word as 'lime' in a number of modern languages. In conclusion, the report considers terms for lime containers and shows that in some cases they can be traceable to words standing for 'gourd' or 'section of bamboo'.

³ Аналогичным образом устроено название КДИ и в центральном диалекте ньякур (австроазиатский язык монской группы) *hnáŋ mbóor* (колено бамбука + известь). При этом в северном диалекте КДИ называют *hmɔ̀ɔ̀ mbóow* (камень+известь). Следы номинации КДИ, связанные с коленом бамбука, обнаруживаются и в катуческом языке куи, где имеется любопытная пара (*i*)*lu:t* 'цилиндрический контейнер для извести' – *huut tuut* 'бамбуковая флейта'.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ АДЛОГОВ В ГВИНЕЙСКОМ ПУЛАР

Аннотация

Большинство адлогов в гвинейском пулар (фула) являются результатом грамматикализации разных частей речи. В статье рассматриваются адлоги и их источники, а также механизмы их трансформации. Также рассматриваются вопросы, являются ли адлоги отдельной частью речи, какие из них требуют участия вспомогательных элементов, а также насколько завершён в каждом случае процесс грамматикализации.

Ключевые слова: пулар, фула, синтаксис, грамматикализация, адлог.

Гвинейский пулар – это один из идиомов западноатлантического макроязыка пулар-фульфульде (также известного как фула), распространённого на обширной территории Африки южнее Сахары, от Сенегала до (по некоторым данным) Сомали. Несмотря на весьма дисперсную природу ареала пулар-фульфульде, его идиомы являются, в общем, взаимопонимаемыми; различия между ними наблюдаются в основном областях контактного влияния местных языков.

Тема адлогов в пулар подробно не изучена ни в одном из опубликованных источников, поскольку основной интерес исследователей-фуланистов до сих пор был сосредоточен в других областях, таких, как глагольная и именная система, а также лексическая картина языка. Система адлогов в пулар является довольно строгой и ограниченной, однако представляет интерес с точки зрения происхождения адлогов: абсолютное большинство из них (точнее, все, кроме двух) – это в разной степени результаты грамматикализации других частей речи. Это влечёт за собой закономерный вопрос поставленный нами в исследовании: достаточна ли степень грамматикализации для того, чтобы считать адлоги отдельной частью речи.

Классические параметры и процессы грамматикализации описаны в (Hopper, Traugott 1993, Вубее 1998 и Lehmann 2015), большинство грамматикализованных адлогов в пулар соответствуют приведённым описаниям процессов. Ниже, в таблице 1, приведён полный список рассмотренных в исследовании⁴ адлогов. В него вошло более полутора тысяч контекстных примеров, в неравномерной степени иллюстрирующих большинство адлогов пулар; к сожалению, некоторые адлоги (три) встретились в исследуемых источниках лишь по одному-два раза и не могут быть учтены в достоверной статистике. Также необходимо отметить, что адлоги в фулар-фульфульде имеют исключительно предложную форму.

Классическая схема грамматикализации локативных предлогов, встречающаяся во многих языках мира, не обошла стороной и пулар. Образование предлогов *yeeso* ‘перед’, *baawo* ‘за’ и *hoore* ‘на’ стало результатом грамматикализации соответствующих существительных в полной форме, с сохранением классного показателя (см. примеры 1-3). Поскольку генитивная группа в пулар строится по беспредложному принципу, исключительно с помощью порядка слов, необходимо отметить, что при исследовании часть речи лексемы проверялась особо, с учётом управления каждого глагола, поскольку некоторые лексемы могут нести трёхзначную омонимию – имя, предлог и наречие; такова, например, лексема *yeeso* (см. пример а-с). Также необходимо обратить внимание, что в языковых данных, использованных в исследовании, предлог *hoore* встретился лишь в составе предложной группы, сопровождаемый вспомогательными предлогами *e* и *ka* (подробнее о локативных конструк-

⁴ Исследование поддержано грантом РНФ № 17-78-20071

циях с *e* и *ka* в пулар см. (Косогорова 2015)). Они не несут специальной семантики, но указывают, что процесс грамматикализации в данном случае не завершён. Однако есть основания считать *hoore* предлогом наравне с *yeeso* и *baawo*, поскольку данные, не включённые в исследование (устные источники, в противоположность опубликованным), указывают на возможность использования *hoore* и без вспомогательных элементов.

Таблица 1

Список единиц, грамматикализованных в адлоги в пулар

Форма	Значение	Буквальное значение
баawo	за	спина < N
binde	рядом с	край < N
dow	над	наверху < Adv
fewndo	возле	на одном уровне < Adv
gila	начиная с	начинать < V
hakkunde	среди	середина < N
hoore	на	голова < N
ittude	начиная с	происходить < V
iwi	из	выходить < V
ley	под	земля < N
nder	внутри	внутри < Adj
rewi	через	пересекать < V
takko	около	возле < Adv
yeeso	перед	лицо < N

(1) a.

o wall- in- i mo yeeso makko
3Sg лежать- Caus- Act.Pfv.w DO.3SgO Prep IO.3SgO

Она положила его перед собой.

b.

o loot i yeeso makko
3SgO мыть- Act-Pfv.w лицо.SgNGO Poss.3SgO

Она помыла себе лицо.

c.

o wubb- i yeeso
3.SgO бросаться- Act.Pfv.w вперёд

Он бросился вперёд.

(2) a.

pa:kun an no ar- a baawo don
ребёнок.SgKUN Poss.1Sg Cop* идти- Act.Pot* {*Prog} Prep там

Мой ребенок идет позади.

b.

o loot- i baawo makko
3SgO мыть- Act-Pfv.w спина.SgNGO Poss.3SgO

Он помыл себе спину.

(3) a.

ndu diw i e hoore Sari
3.SgNDU прыгать- Act.Pfv.w Prep Prep заяц

Она [гиена] прыгнула на зайца.

b.

o loot- i hoore makko
3SgO мыть- Act-Pfv.w голова.SgNDE Poss.3SgO

Он помыл себе голову.

Аналогичным образом образованы предлоги *hakkunde* ‘среди’ и *binde* ‘рядом’, с той разницей (см. примеры 4 и 5), что грамматикализации в их случае подверглись не части тела, а другие существительные. Впрочем, если *binde* имеет свойства, сходные с *yeeso*, то есть, омонимичные формы для полнофункционального существительного, наречия и предлога, различающиеся только с помощью контекста, то ситуация с *hakkunde* имеет ряд отличий: явно заимствованное происхождение существительного обусловило его нестандартное поведение с точки зрения образования классов (наращивание показателей поверх базового), а также отсутствие наречия с деривированным значением. Из этих предлогов *binde* должен находиться в составе предложной группы, а *hakkunde* – нет, хотя отметим, что количество контекстов с предлогом *binde* весьма ограничено, и то может свидетельствовать как о непопулярности предлога в целом (язык имеет ряд возможностей заменить его другим предлогом), так и, ввиду недостаточности данных, о невозможности уверенно постулировать обязательность предложной группы для него.

(4)

dĩmmal	ngal	ko	«stop» ka	binde	date	cele
второй.SgNGAL	Def.SgNGAL	Cop	“stop” Prep	Prep	дорога.PI'DE	поворот.PI'DE

Второй знак «стоп» поставлен рядом с перекрестком.

(5)

sub-	u	hakkunde	biɓbe	maa	tato
выбирать-	Imp.Sg	Prep	дети.PI'BE	Poss.2Sg	три.Pers

Выбирай между своими тремя детьми.

Отдельно следует отметить предлог *ley* ‘под’, также образованный от существительного, но в процессе грамматикализации физически утративший свой классный показатель. Таким образом, этот адлог соответствует всем четырём параметрам грамматикализации, указанным в (Heine 2011: 697), включая эрозию, нехарактерную для адлогов пулар. Про *ley* также можно с уверенностью сказать, что он всегда требует вспомогательного элемента *e* либо *ka*.

(6)

o	inn-	i	jooni	non	won-	ee	ka	ley	danki
3.SgO	говорить-	Act.Pfv.w	теперь	вот	быть-	Imp.Pl	Prep	Prep	кровать.SgKI

Он сказал: «теперь будьте под кроватью».

Следующий класс предлогов – это грамматикализованные наречия. Наречия сами по себе являются довольно узким подмножеством лексем в пулар, и наличие значимого, по меркам этого подмножества, количества случаев грамматикализации весьма показательно. К таким предлогам относятся *dow* ‘над’, *fewndo* ‘во время’ и *takko* ‘около’.

(7)

Saara	no	jood-	ii	dow	ton
Саара	Cop*	сидеть-	Act.Pfv*{*St}	Prep	там

Саара сел на это.

(8)

hino	dar-	ii	fewndo	dambugal	hoggo
3Sg.Cop*	стоять-Md.Pfv*{*St}	Prep	Prep	вход.SgNGAL	хижина.SgNGO

Он остановился возле входа в дом.

(9)

nde	jood-	ii	takko	nyaam-oo-	be	ben
3Sg.NDE	сидеть-	Md.Pfv.w	Prep	есть- Act.Pot-	PI'BE	Def.PI'BE

Он сел рядом с евшими.

Отдельно от наречных предлогов стоит предлог *nder* ‘внутри’. Он единственный представляет собой грамматикализованный адъектив, причём, как и в случае с *ley*, утративший циркумфиксный показатель класса (аффиксальная часть физически утрачена, а анлаут застыл в смычно-преназализованной ступени).

Если углубляться в диахронические процессы, стоящие за предлогами, образованными от наречий и прилагательных, то можно отметить, что все эти лексемы являются, фактически, второй производной от имён существительных, застывших в определённой форме. Так, про *nder* можно сказать, что он с большой долей очевидности был образован от имени *reedu* ‘живот’, с использованием ныне утратившего продуктивность чередования анлаутов *r-/d-/nd-* и, по-видимому, далее подвергся фонетическому расподоблению.

(10)

moodi	mun	won-	i	ka	nder	poorewal
муж.SgO	Poss	быть-	Act.Pfv.w	Prep	Prep	сумка.SgNGAL

Её муж был в мешке.

И наконец, часть предлогов в пулар оказалась грамматикализованными предикатами, что встречается в языках мира, но не является повсеместным. К таким предлогам относятся *iwi* ‘из’ < *iwude* ‘выходить’, *rewi* ‘через’ < *rewude* ‘пересекать’, *gila* ‘начиная с’ < *gilude* ‘начинать’ и *ittude* также ‘начиная с’ < *ittude* ‘убирать’. Все эти предлоги внешне представляют собой застывшие глагольные формы, причём разные. В случае с *iwi* и *rewi* это финитная форма слабого перфектива, *gila* является финитной формой слабого потенциалиса (имперфектива), а *ittude* – инфинитивом. Отметим, что все эти предлоги встречаются в пулар довольно редко; это, а также отсутствие определённой формы предиката, подвергающейся грамматикализации, указывает на возможную незавершённость этого процесса. Более того, в определённых контекстах (см. пример 11 b-c) формы *iwi* и *rewi* могут быть проанализированы двояко, хотя интерпретация *iwi* как предлога скорее требовала бы причастной формы.

(11) a.

ko	teren	iwi	Konaakiri
Praed	поезд.SgO	Prep	Конакри

Это поезд из Конакри.

b.

Mohammadu	y'ett-	i	ndiyan	iwi	suudu
Мохаммад	брать-	Act.Pfv.w	вода.SgDAN	Prep	дом.SgNDU

Мохаммад взял воду из дома.

c.

Mohammadu	y'ett-	i	ndiyan	iw-	i	suudu
Мохаммад	брать-	Act.Pfv.w	вода.SgDAN	выходить-	Act.Pfv.w	дом.SgNDU

Мохаммад взял воду и вышел из дома.

(12)

ngol	laawol	naб-	i	mo	rewi	buruure
Dem.SgNGOL	путь.SgNGOL	уводить-	Act.Pfv.w	DO.3.SgO	Prep	лес.SgNDE

Та дорога провела его через лес.

(13)

ko	gila	nden	nyannde	hay-gooto
Foc	Prep	Dem.SgNDE	день.SgNDE	никто
wi`-	ataa	yi`-	ii	jinnaaru
говорить-	Act.Pot.Neg	видеть-	Act.Pfv.s	джинн.SgNDU

С того дня никто не скажет, что видел джинна.

(14)

hino goll- a don ittude septamburu
3Sg.Cop* работать- Act.Pot*{*Prog} тут Prep сентябрь
Он работает тут с сентября.

Рассмотрев, таким образом, все адлоги пулар, являющиеся результатом грамматикализации, мы можем предложить решение задачи, обозначенной в начале статьи, касающейся определения предлога в пулар. Дело в том, что ни один рассмотренный нами контекст грамматикализованных единиц в функции адлога не допускает трактовки этого элемента как другой части речи, поскольку это противоречит синтаксису языка. И напротив, необходимость предлога во всех контекстах обусловлена управлением предиката. Оба этих фактора указывают на то, что грамматикализованные единицы в данных контекстах являются именно адлогами и не могут считаться другими частями речи даже с учётом внешнего и (частично) функционального сходства.

Список сокращений:

1 – 1 лицо; 3 – 3 лицо; Act – активный залог; Caus – каузатив; Cop – копула; Def – определённый артикль; Dem – демонстратив; DO – прямообъектное местоимение; Imp – императив; IO – непрямообъектное местоимение; Md – медиальный залог; Neg – отрицание; O – лично-сингулярный именной класс; KI DAN KUN NDE NDU NGAL NGOL NGO – нелично-сингулярный именной класс; BE DE – плюральные именные классы; Pers – личное числительное; Pfv – перфектив; Pl – множественное число; Poss – посессивное местоимение; Pot – потенциалис; Prep – предлог; Prog – прогрессив; s – сильный подвид; St – статив; Sg – единственное число; w – слабый подвид.

Литература

1. Bybee, Joan L. A Functionalist Approach to Grammar and Its Evolution. Evolution of Communication, Volume 2, Issue 2, John Benjamins, 1998. С. 249 –278.
2. Heine, Bernard. Grammaticalization in African languages // The Oxford Handbook of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2011.
3. Lehmann, Christian. Thoughts on grammaticalization. 3rd edition. (Classics in Linguistics 1). Berlin: Language Science Press, 2015.
4. Paul J. Hopper, Elizabeth Closs Traugott. Grammaticalization. New York: Cambridge University Press, 2015.
5. Косогорова М.А. Предложные локативные конструкции в пулар: распределение оборотов с e и ka // Культурно-языковые процессы в Африке. Москва: “Ключ-С”, 2015. С. 87–100.

ЛОКАТИВНЫЕ ИМЕНА В ГВИНЕЙСКОМ КПЕЛЛЕ

1. Введение

Доклад посвящен описанию фрагмента именной грамматики гвинейского кпелле (юго-западные манде, Западная Африка), в частности, двух диахронически связанных между собой подклассов имён существительных с пространственным значением: релятивных пространственных имен и слитных локативных имен. Материалы для анализа были собраны в ходе экспедиций в Республику Гвинея в 2018-2020 гг.

Как и в большинстве других языков манде, в кпелле выделяются два семантико-синтаксических подкласса имен существительных: автосемантические (free) и релятивные (relative) имена [Welmers 1969, Коношенко 2017]. Релятивными являются, прежде всего, существительные, обозначающие части тела и термины родства, а также близкие к ним по значению имена, семантически определяемые через другой объект, например, ‘мать (X-a)’, ‘друг (X-a)’ либо обладающие свойством неотчуждаемой принадлежности: ‘рука (X-a)’, ‘голос (Xa)’. С синтаксической точки зрения, релятивные имена обязательно употребляются с посессором.

В кпелле выделяются три типа посессивных конструкций. Автосемантические имена употребляются в конструкции с значением отчуждаемой принадлежности, где между обладателем и обладаемым стоит посессивный показатель, изменяющийся по лицу и числу (1).

- (1) Hɛni ɲwɔ mɔ̀bɪlɪ
Хени 3SG.POSS машина
‘машина Хени’

В посессивных конструкциях с названиями терминов родства обладаемое присоединяет полифункциональный местоименный префикс, согласующийся по числу и лицу с обладателем (2).

- (2) nɛ́ɲpɛ̀lɛɛ di-lɛɛ
DEF\ребенок.PL 3PL-мать
‘мать детей’

Посессивные конструкции с названиями частей тела образуются простым соположением (3).

- (3) Hɛni hɪɲɔ
Хени нос
‘нос Хени’

2. Релятивные пространственные имена

Одним из подклассов релятивных имен в гвинейском кпелле являются т.н. релятивные пространственные имена (далее РПИ), называемые также “locative names” в [Welmers 1969: 82] применительно к либерийскому кпелле. Такие имена обозначают части объектов (‘передняя часть’, ‘пространство под’, ‘внутренность’ и т.д.) и синтаксически ведут себя как названия частей тела, т.е. образуют посессивные именные группы с существительными-ориентирами путем соположения (4-5).

- (4) pɛ̀lɛ kwɛ̀lɛ
дом рядом
‘терраса’, ‘пространство рядом с домом’
(5) pɛ̀lɛ pɪ̀lɪ
дом задняя.часть
‘задняя часть дома’

В общем случае, именные группы могут занимать в гвинейском кпелле позицию подлежащего (6), прямого дополнения перед глаголом (7), а также зависеть от другого имени или именной группы, ср. (1-3) выше.

(6) [ɲwɔɔ mɔ̀bɪlii] àá kàla
 1SG.POSS машина 3SG.RES ломаться
 ‘Моя машина сломалась’

(7) ɲàa [ɲwɔɔ mɔ̀bɪlii] ↓wólo
 1SG.RES 1SG.POSS машина разбивать
 ‘Я разбил машину’

Характерная особенность РПИ состоит в том, что посессивные именные группы, вершинами которых являются РПИ, обладают более широкой синтаксической дистрибуцией, чем другие именные группы. Они могут занимать позицию подлежащего (8), прямого дополнения (9), но также употребляются и в заглагольной позиции, где РПИ выполняет, таким образом, функцию послелогов (10-11).

(8) [kúwɔɔ pɛ̀le púlú] ↓kéneé-i
 1PL.EXCL.POSS дом задняя.часть быть.большим-PRED
 ‘Задняя часть нашего дома большая’

(9) ɲàa [ɲwɔɔ mɔ̀bɪlii] ↓ɲéi tɔ̀ɣɔ] wólo
 1SG.RES 1SG.POSS машина лицо передняя.часть разбивать
 ‘Я разбил переднюю часть машины’

(10) gáa mɔ̀tɔ̀ ↓púlú
 1SG\быть DEF\мотоцикл задняя.часть
 ‘Я за мотоциклом’

(11) gáa mɔ̀tɔ̀ tɔ̀ɣɔ
 1SG\быть DEF\мотоцикл передняя.часть
 ‘Я перед мотоциклом’

У большинства пространственных локативных имен форма не меняется в зависимости от синтаксической позиции: *tɔ̀ɣɔ* ‘передняя часть, спереди’, *púlú* ‘задняя часть, спина, сзади’, *pɛ̀le* ‘направление в сторону’, *ɲá* ‘поверхность (плоская и большая), на’, *mɛ́* ‘верхняя часть, сверху, на’, *lɔ̀wai* ‘пространство между’, *lá* ‘отверстие, рот’, *pɔ̀* ‘след, к’.

В то же время, у некоторых высокочастотных пространственных единиц различаются предглагольная и заглагольная формы:

Таблица 1

Формы некоторых пространственных имен

Заглагольная позиция	Остальные позиции	Семантика
mù	mǔ	‘низ, под’
hù	hǔ	‘внутренность, в’
bà	mǎa	‘бок, поверхность сбоку’

Указанные различия можно интерпретировать как отдельные падежные формы у подкласса высокочастотных пространственных существительных, ср. [Welmets 1969 : 80], одновременно с этой интерпретацией можно констатировать постепенное возникновение синтаксического класса послелогов, формально отличных от пространственных имён.

3. Слитные локативные имена

В гвинейском кпелле также существует небольшой класс (чуть больше 20) субстантивных единиц, которые мы называем здесь «слитные локативные имена». Диахронически они возникли в результате фузии между высокочастотными существительными-ориентирами

(автосемантическими и релятивными) с релятивными пространственными именами *hũ* ‘внутренность’, *mĩ* ‘низ’ и *ɲá* ‘поверхность’, обсуждавшимися в разделе 2 (12-14), ср. также [Vydrin 2011] об аналогичных «локативных именах» в дан-гуэта (южные манде).

(12) *pěle* ‘дорога’+ *hũ* ‘внутренность’ à *pèlèi* ‘в пути’

(13) *pěle* ‘дом’+*mĩ* ‘низ’ à *pèlèŋ* ‘в доме’

(14) *kóʒo* ‘нога’+ *ɲá* ‘поверхность’ à *kwɛan* ‘ступня’

Слитные локативные имена, как следует из названия, имеют, прежде всего, пространственную семантику и относятся к трем основным семантическим типам: базовые локации (‘в деревне’, ‘в доме’, ‘в лесу’), части тела (‘в руке’, ‘на голове’) и среды (‘в воде’, ‘на огне’).

Слитные локативные имена могут употребляться в любой синтаксической позиции, в т.ч. заглагольной, как и их диахронический источник – посессивные сочетания имен-ориентиров с РПИ, обсуждавшиеся в разделе 2. В примере (15) слитное локативное имя *bɛlɛŋ* ‘в доме’ стоит в позиции прямого дополнения, в (16) – в заглагольной позиции.

(15) *yáá* *bɛlɛŋ* *ŋwáa?*
2SG.RES DEF\ДОМ.LOC мыть
‘Ты вымыла пол в доме?’

(16) *lɔ́* *bɛlɛŋ*
входить DEF\ДОМ.LOC
‘Заходи в дом’

Слитные локативные имена не могут присоединять зависимые справа (17). При наличии зависимого вместо слитного имени используется посессивное сочетание имени-ориентира с полным РПИ (18).

(17) *gáa* *li-í* *tàái* /^o(*tàa* *hũ*)
1SG\быть идти-INF деревня.LOC деревня внутренность
‘Я еду в деревню’

(18) *gáa* *li-í* [*tàá* *tà* *hũ*]
1SG\быть идти-INF деревня один внутренность
‘Я еду в одну деревню’

В то же время, слитные локативные имена могут присоединять зависимое (группу посессора) слева. Слитные имена, образованные от релятивных ориентиров (*kɔo* ‘живот’, *yéé* ‘рука’, *kóʒo* ‘нога’), присоединяют посессора путем соположения (19-20).

(19) *Pépèè kwèi* *nɛɛ-i*
Пепе живот.LOC быть.приятным.STAT-PRED
‘Пепе доволен’

(20) *mɔ́bilíi* *ɔ́kàa* *Pépèè yéi*
машина быть Пепе рука.LOC
‘У Пепе есть машина’

Отчуждаемые слитные локативные имена присоединяют особые посессивные показатели *yéi* (сам по себе являющийся слитным локативным именем, образованным от существительного *yéé* ‘рука’, 22) и *pɔ́* (23), в отличие от показателя *wóo* у обычных отчуждаемых существительных (21):

(21) *kú-wóo* *pěle-i* *kɛnɛ-i*
1PL.EXCL-POSS дом-ART быть.большим-PRED
‘наш дом большой’ (общая форма, **bɛlɛi*)

(22) *kú-yéi* *bɛlɛŋ* *ɔ́gɛnɛ-i*
1PL.EXCL-рука.LOC DEF-дом.LOC быть.большим-PRED
‘наш дом просторный (внутри)’ / ‘наша семья большая’, **pɛlɛŋ*

(23) *hwó* *tá* [*kú* *pɔ́* *tàái*] *káa-li*
2SG.NEG однажды 1PL.EXCL POSS.LOC деревня.LOC видеть-STAT.NEG
‘Ты никогда не видел нашу деревню’

Как и у сочетаний с неслитными РПИ (24), для слитных локативных имён характерны метафорические употребления (25), которые требуют дальнейшего исследования.

(24) gáa [gíli nɛ́] hié-i ↓yɛ́
 1SG\быть 1SG\разум поверхность ходить-INF 2SG.на
 ‘Я думаю о тебе’

(25) é-yéi nɛ́ɛ̀i
 2SG-рука.LOC быть.приятным.STAT-PRED
 ‘У тебя есть талант’

Таким образом, слитные имена, очевидно, представляют собой результат морфологического переосмысления и фонетического слияния синтаксических сочетаний имен-ориентиров с РПИ, с сохранением их синтаксических и семантических особенностей. На промежуточной стадии между двумя этими состояниями находятся некоторые существительные, которые употребляются только вместе РПИ, образуя лексикализованные сочетания, но не подвергаются фузии (26-27):

(26) áá nòŋ zée gáláŋ ↓nɛ́
 3SG.RES DEF\ребенок садиться 3SG\плечо поверхность
 ‘Он посадил ребенка к себе на плечи’

(27) gáláŋ ↓nɛ́ káa ŋwána-a-i
 1SG\плечо на быть 1SG\болеть-STAT-PRED
 ‘У меня болит плечо’

4. Заключение

В работе были кратко рассмотрены т.н. релятивные пространственные имена в гвинейском кпелле и образованные от них слитные локативные имена. Очевидно, для продолжения исследования потребуется более подробное семантическое описание конкретных сочетаний имен-ориентиров с РПИ и слитных имен, а также синтаксический анализ посессивных сочетаний со слитными именами.

Сокращения

рпи – релятивное пространственное имя
 ART – артикль
 DEF – определенная форма
 EXCL – эксклюзивная форма
 INF – инфинитив
 LOC – локативная форма
 NEG – отрицание
 RES – результатив
 PL – множественное число
 POSS – посессивный показатель
 PRED – предикативный суффикс
 SG – единственное число
 STAT – статив

Литература

1. Коношенко М.Б. Язык кпелле // В.Ф. Выдрин, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус. *Языки мира. Языки манде*. СПб: Нестор История, 2017. 284—342.
2. Vydrin, Valentin. Déclinaison nominale en dan-gwèetaa (groupe mandé-sud, Côte-d'Ivoire). *Faits de langues*, 3, 2011, 233-258.
3. Welmers, William. The morphology of Kpelle nominals. *Journal of African Languages* 8:2, 1969. 73-101.

ANALYSIS OF DIFFICULTIES IN ENGLISH FOR JAPANESE EFL LEARNERS RELATED TO NOUN COUNTABILITY

Abstract

The purpose of this article is to investigate the issue of Japanese speakers having difficulties with noun countability in English.

The article describes typical errors of Japanese EFL (English as a Foreign Language) learners, mostly focusing on the problem of the countable and uncountable nouns. Based on the findings of previous studies that abstract nouns are perceived as uncountable, the author analyzed essays of the Japanese subcorpus of ICNALE (International Corpus Network of Asian Learners of English) and examined the errors there.

The author looked for indicators that Japanese EFL learners are prone to make more mistakes concerning abstract nouns compared to concrete nouns, due to the differences in noun countability in both English and Japanese and different ways of how the nouns are perceived. This study can serve as the basis for further developments in the field of teaching English to Japanese speakers.

1. Introduction

Recently in Japan the number of people wanting to learn English has been growing rapidly, partially due to the Olympic Games that were supposed to be held in Tokyo in 2020. However, methods of teaching English as a foreign language (EFL) have not changed since the 1950's, despite the appearance of new linguistic theories. Cho and Kawase summarized that grammar has been considered a fixed set of rules for a long time (Cho & Kawase – 2011). According to EF English Proficiency Index of 2017, the level of English proficiency by Japanese EFL learners was ranked 35th among a total of 72 countries⁵.

1.1. Literature review / Theoretical background

In the second language acquisition field of linguistics, while it is agreed that morpheme acquisition is an imposing task for L2 learners, there are two opposing arguments for L2 morphosyntactic acquisition. Some researchers consider that L2 learners are limited in their inherent ability to acquire and process a second language, and as a result, ultimate attainment of L2 morphosyntax is unlikely. Others claim that if a learner can achieve a good command of a foreign language, he can acquire morphemes of L2 equally to native speakers.

Depending on the level of the EFL learner, he might (or might not) make typical mistakes. Bryant distinguishes several kinds of errors in English which Japanese students and/or speakers repeatedly make: 1) interlingual (i.e., mother-tongue, or L1) errors; and 2) intralingual (or L2) errors, which are usually the result of misinterpretation and of syntactic-overgeneralization. While most errors committed are L2 errors, it is the L1 errors which most hinder communication. Based on a survey of L1 and L2 errors contained in some 200 English essays written by Japanese ESL (English as a Second Language) students, his study sought to identify those English structures (morphological, syntactic, semantic and stylistic) which present special difficulties for Japanese ESL students. Some of the interlingual errors include: (a) omission of definite and indefinite articles, (b) no singular/plural differentiation, (c) incorrect inflection of the verb, (d) incorrect

⁵ *Tsuboya-Newell I.* Why do Japanese people have troubles learning English? // *The Japan Times*. Available at <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/10/29/commentary/japan-commentary/japanese-trouble-learning-english/#.XkxMEygzZPY> (accessed 04 June 2020), 2017

verbal aspect, (e) incorrect use of impersonal *it*, (f) omission of locative preposition, (g) incorrect subjective complement. Intralingual errors are: (a) incorrect verb tense, and (b) incorrect use of the *s*-genitive (Bryant – 1984). The current paper focuses on the errors appearing because of the absence of singular-plural differentiation in the Japanese language.

Much research shows that Japanese learners of English have great difficulty in understanding English noun countability (Takahashi – 2013). The fact that English has obligatory plural morphology and Japanese does not is an instance of the well-known typological split on number marking that has been studied long time⁶. Since no counterpart of *-s* exists in non-number-marking languages, Japanese, for example, is said to be *incongruent* with respect to plural *-s*, whereas a number marking language like Russian is said to be *congruent* (Mansbridge & Tamaoka – 2018). However, it might not only be the congruency that makes countability so difficult to process.

Even though it might appear obvious what countable and uncountable nouns are, there is still more than one definition in the linguistics. Murphy and Smalzer, for example, describe these nouns as follows: ‘A countable noun can be singular (banana) or plural (bananas). Countable nouns are things we can count. An uncountable noun has only one form, and uncountable nouns are things we cannot count.’⁷. Other linguists are connecting the countability of nouns with their ‘atomicity’. One type of analysis assumes that mass nouns like the Japanese word *ase* ‘sweat’ have ‘atom-less’ denotations⁸ (Sudo – 2017). On the other hand, Chierchia puts forward a different type of analysis, where the denotations of mass nouns have atoms but their atomicity is inherently vague, unlike the atoms in the denotations of count nouns. Crucially, atomic mass nouns display several properties that do not align with prototypical mass nouns (i.e., whose denotations do not have salient atomic structures) (Chierchia – 2010, as cited in Sudo – 2017).

1.2. Cognitive approach

Some researchers have discussed the theoretical and practical aspects of adapting a cognitive approach in teaching countable and uncountable nouns to Japanese learners of English (Cho & Kawase – 2011). Cognitive linguistics claims that the issue of countability and uncountability overlaps two areas that are often considered separate: morphology and semantics or, more specifically, grammar and lexicon⁹.

Langacker, one of the representatives of the cognitive approach, argues that the differences between countable and uncountable nouns represent a basic conceptual distinction. The following examples demonstrate how countability relates to our recognition.

- (1) I want two lemonades and *a water*.
- (2) By mashing a dozen potatoes, you get enough *potato* for this recipe¹⁰.

Langacker explains that the same word can be both countable and uncountable based on our recognition, a phenomenon Langacker calls *construal*. If we recognize something as a bounded entity, we can use the word as a countable noun as in (1) even though ‘water’ is usually uncountable. In (2), the first instance of ‘potato’ is a countable noun, but the second instance of ‘potato’ is uncountable. Based on Langacker’s work, Cho and Kawase developed a new teaching method using a cognitive approach and created a worksheet that junior and senior high school teachers can theoretically use without difficulties in teaching countable and uncountable nouns.

⁶ Greenberg J. – 1972; Chierchia G. – 1998; Corbett G. – 2000; Doetjes J. – 2012

⁷ Murphy R., Smalzer W.R. Grammar in use intermediate. Cambridge, 2000.

⁸ Sudo Y. Countable nouns in Japanese // Proceedings of the 11th Workshop on Altaic Formal Linguistics. Cambridge (Massachusetts), 2017.

⁹ Drozd G. Metonymic Extension as the Process Underlying the Change of Count and Mass Properties of Nouns // Extension and its Limits, 2014.

¹⁰ Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford, 2008.

Using this method and worksheet, their paper then investigated the effectiveness of a cognitive linguistic approach to teaching English countable and uncountable nouns.

A total of 80 Japanese college students participated in the study of Cho and Kawase. They were divided into two groups. The first group experienced the traditional approach, so the teacher taught countable and uncountable nouns using a regular worksheet and grammar book aimed at high school students. The second group received instruction using a cognitive approach. The worksheet that was used for the second group was designed in order to the participants to identify the differences between countable and uncountable nouns by themselves. The worksheet was composed of three parts. The first part was designed to help participants become aware of cognitive differences among entities. Some entities are easy to draw on the worksheet and others are not. This difference comes from the characteristic of boundedness. In the second part, the participants translated Japanese words into English, paying attention to whether each noun required an article. The last part summarized what the participants learned through the activities. As a result of using the worksheet, the participants were able to verbalize what they had learned and successfully identify the difference between countable and uncountable nouns. To investigate the effects of different styles of instruction on retention, their study administered two tests at different times, one week before and eight weeks after the instruction. These data indicate that the participants made significant gains in their learning when a cognitive approach was used for teaching countable and uncountable nouns and that the cognitive approach was more effective than the traditional approach (Cho & Kawase – 2011).

1.3. Corpus-based studies

At the center of Second Language Acquisition studies in the 1970s and early 1980s there was Error Analysis¹¹. Kobayashi analyzed the subcorpus of ICLE (International Corpus of Learner English) that included over 200,000 words, of which 50,000 were randomly selected. Errors that were found there were divided into several categories like style errors or punctuation errors etc. (Kobayashi – 2008). For this study we are only interested in errors regarding countability of nouns. These were of three types: A: Sample errors using an uncountable noun as a countable noun; B: Sample errors using a countable noun as an uncountable noun; C: Sample errors when deciding between countable and uncountable nouns based on context. Kobayashi mentioned that Japanese speakers ‘tend to have a fixed notion that specific nouns, especially abstract nouns, are uncountable’ (Kobayashi – 2008). With regard to the definition of abstract and concrete nouns, Declerck stated that ‘concrete nouns denote physical entities (persons, animals or things) that can be seen and touched; the abstract nouns denote notions that cannot be thus perceived because they have no physical shape’ (Declerck – 1991, as cited in Kobayashi – 2008). According to Kobayashi’s paper, Japanese learners of English are prone to perceive abstract nouns as uncountable nouns.

Based on Kobayashi’s findings, Takahashi identified two tendencies among Japanese learners in judging noun countability (Takahashi – 2013). First, Japanese learners depend on memorized chunks and collocation to judge countability. Secondly, Japanese learners tend to regard English noun countability as fixed, and regard concrete or visualisable entities as countable, and abstract, non-specific nouns as uncountable.

Using Kobayashi’s work as a starting point, the author formulated the hypothesis of this paper: Japanese EFL learners are prone to make more mistakes concerning abstract nouns compared to concrete nouns, due to the differences in noun countability in both languages. The goal of the paper, then, is to look for indicators that could prove that hypothesis. Method-wise the author will, however, attempt to go a different way compared to Kobayashi. The reasons for this will be discussed later in the paper.

¹¹ Abe M. A Corpus-Based Investigation of Errors Across Proficiency Levels in L2 Spoken Production // JACET Journal, 44, 2007.

2. Method

Based on the ideas of Kobayashi's paper, the author used a different corpus – ICNALE (International Corpus Network of Asian Learners of English), a corpus that includes more than 10,000 topic-controlled speeches and essays produced by college students in ten countries in Asia as well as English native speakers. It has become one of the largest learner corpora publicly available and it can be downloaded from the official website¹². The version of the corpus used by Kobayashi (ICLE) was from 2002, while ICNALE contains more recent student essays, as it started in 2007, and was last updated in 2018.

The author analyzed a Japanese subcorpus consisting of 400 essays (200-300 words each) that cover the topic: 'It is important for college students to have a part-time job'. The level of the Japanese students who wrote the essays varied from beginner to intermediate (154 essays of A2 level students, 228 essays of B1 level students, 18 essays of B2 level students). It has to be noted that the author refrained from looking at the texts from different proficiency levels separately on purpose. Because B2 only included 18 essays it would have been difficult to receive reliable results.

With a help of WordSmith tool the author was able to build several concordances ('job', 'student' etc.). Using TextAnalyzer, the software that allows to find the most frequent phrases and frequencies of words, a list of the most frequent nouns in the subcorpus was created.

Next, a number of abstract and concrete nouns was taken from that sample. As for criteria of abstractness/concreteness, there are several approaches towards the definition of it. The Cambridge dictionary gives a definition of an abstract noun as 'a noun that refers to a thing that does not exist as a material object', and a concrete noun is the one referring to a real physical object¹³. However, the definitions and approaches to this matter vary. For instance, Gonzalez describes abstract nouns as 'non-observable, non-measurable'. However, she also mentions that an abstract noun might not be observable from the material perspective, but it is perfectly observable and understandable semantically, syntactically and even lexically¹⁴. According to Hartmann and Stork, a concrete noun is a noun that refers to what is viewed as a material entity, and an abstract noun is a noun that denotes something viewed as a nonmaterial referent. An abstract noun is frequently treated as a mass noun¹⁵. Based on all the definitions mentioned above, the author came up with a set of criteria for this particular study. We can say a noun X is concrete if it passes either of the frames below.

- a. I touched the/a ... X.
- b. Do you see the/a ... X over there?

All nouns that cannot be put into these frames, thus, non-touchable and non-visible, are considered as abstract ones in this paper.

The most frequent nouns in the subcorpus were 'job' and 'money'. The author conducted the analysis of 873 sentences including the word 'job' (abstract) and 466 sentences containing the noun 'money' (concrete) (the total amount of the sentences in the essays was 3062).

Furthermore, from the list of other most frequent nouns (that appeared in the text not less than 150 times – this was to ensure relevant results for this paper) the author randomly selected six other abstract nouns ('company', 'knowledge', 'chance', 'year', 'manner', 'skill') and six concrete nouns ('shop', 'book', 'customer', 'restaurant', 'teacher', 'member') (Table 1).

¹² ICNALE: The International Corpus Network of Asian Learners of English <http://language.sakura.ne.jp/icnale/download.html> (accessed 29 June 2020)

¹³ Cambridge dictionary. Abstract Noun, Available at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abstract-noun> (accessed 01 March 2020);

Cambridge dictionary. Concrete Noun, Available at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/concrete-noun> (accessed 01 March 2020);

¹⁴ González C.E. Abstract or Concrete Nouns: Relevant Variables in the Selection of Relative Pronouns // *Revista Española de Lingüística Aplicada/Spanish Journal of Applied Linguistics*, 19, 2006.

¹⁵ Hartman R.R.K., Stork F.C. *Dictionary of Language and Linguistics*, Essex, 1972.

Below there are some examples of the errors with these nouns Japanese EFL learners made (with the original spelling):

- 1) First, college students can learn a lot of things which they don't study at collage through working. For example, *relationship*, *skill* and *manner*.
- 2) To working part time job we can get *many knowledge* and we are still students we can have much experience of various sort of job.
- 3) So it is interrupt my study to have too *much jobs*.
- 4) To work with various persons is certainly improved student's communication *skill*.
- 5) When they become a *member* of society, they are responsible for their job.
- 6) For example, the person who belongs a company must communicate his *costomar* and *colleague* every day.

3. Results

The counted results were as below.

Table 1

Results					
Noun	Con/Abst	total	correct	incorrect	incorrect (%)
job	Abst	1009	859	150	14,87%
money	Con	586	584	2	0,34%
company	Abst	190	160	30	15,79%
knowledge	Abst	210	200	10	5,00%
shop	Con	200	200	0	0,00%
book	Con	240	240	0	0,00%
customer	Con	240	200	40	16,60%
chance	Abst	270	220	50	18,52%
year	Abst	300	300	0	0,00%
restaurant	Con	330	330	0	0,00%
teacher	Con	370	360	10	2,70%
manner	Abst	400	300	100	25,00%
skill	Abst	450	390	60	13,33%
member	Con	590	500	90	15,25%

The results show a tendency towards mistakes in regards to abstract nouns, compared to concrete ones. Although the essays reviewed did contain no or only few mistakes with two abstract nouns ('year', 'knowledge'), the five others ('job', 'company', 'chance', 'manner', 'skill') had an error frequency over ten percent. On the other hand, with only two exceptions ('member', 'customer'), all concrete nouns had no or only little mistakes.

The majority of the errors Japanese speakers made in regards to number could be classified as treating an abstract word as a concrete one, thus making it a countable noun. This was the case with words 'manner', 'skill', 'chance', and 'company'. For instance, in example 5) of the previous section, the noun 'manner' was used as a countable one, which led to a mistake.

The author's judgments were confirmed once more by a native English speaker.

4. Discussion

This paper used the research done by Kobayashi as a starting point, but tried to utilize a different approach. While she in the first part also looked at different types of grammatical mistakes, here the focus lied solely on the usage of concrete and abstract nouns. Kobayashi's sample was based on randomly selected words. Even though the sample would account for about a quarter of the total number of words, it is still possible that data that might have otherwise influenced the results

was lost. In this paper not all essays by Japanese students available in ICNALE were used, but rather the complete collection regarding one topic, as a case study.

Since in the more recent corpus compared to ICLE there is still a discrepancy concerning mistakes made with concrete and abstract nouns, it can be concluded that even though English has been increasingly important generally speaking, no or at least no impactful changes in the English education system have been made in the recent years prior to this study. The author understands, nonetheless, that there is a necessity to look at other corpora to get a bigger picture, and conduct further linguistic experiments. Thus, this particular study can be considered as preliminary groundwork for future research and additional experiments.

In either case, it has to be understood that due to the essays being limited in topic and quantity, they might merely be seen as an indicator of existing EFL learners' difficulties rather than the actual proficiency of its writers. It has also to be understood that aside of these corpora it is difficult to obtain comparable data representing every age, educational, social etc. group of Japanese people, thus here it can only be focused on students. However, since a majority of Japanese people receives university education, the author believes that students can be considered a valid indicator for a large part of the country's population.

The results of the current study showed a higher frequency of errors concerning abstract nouns. Thus, the papers' hypothesis that abstract nouns are more difficult to use compared to concrete ones for the Japanese speakers, appears to be correct. Since the average percentage of mistakes is around 15%, the results have to be taken into account, but can only be taken as a tendency indicator. Leaving aside the previously mentioned difficulties in obtaining all-representing data, this number is too low to be able to attest a general problem of all Japanese EFL learners.

It has to be mentioned that the results for 'member' and 'customer' had about the same percentage of mistakes as abstract nouns, even though they had been classified as concrete. Using the definition this paper is based on, it can both be said "I can see a member over there" and "I can see a customer over there", thus both would be physical entities. However, our findings seem to indicate that the essays' writers perceived them as abstract. Some nouns appear to have both abstract and concrete notions, which would lead to further difficulties in finding effective measures to obtain language proficiency accordingly.

The main idea of this paper was to look at the issue of countability from a linguistic perspective. That is why the focus of the current study was on the corpus studies. However, the author intended to connect the results of the corpus study to cognitive approach to teaching. If the cognitive approach is believed to be better than the traditional one, then the teachers can use it to teach the noun countability.

5. Conclusion

This paper falls into the category of second language acquisition and focuses on corpus studies. Based on Kobayashi's findings, the author examined errors made by Japanese EFL learners in ICNALE essays while trying to find a new methodological approach.

The results of this paper seem to agree with the hypothesis mentioned earlier, i.e. that they show a tendency towards mistakes of Japanese speakers in regards to abstract nouns compared to concrete ones. However, to be able to make a general assessment of Japanese EFL learners' proficiency a larger amount of data has to be looked at, which the author is planning to do in the future studies.

Since errors provide information on the current state of learners' language development, it remains essential for language teachers to understand learners' errors. This is what is intended to be done in the future studies as well. Cognitive approach to teaching, as discussed previously in the paper, appeared to be more effective than the traditional one. The author's suggestion is thus to conduct further experiments in order to gain additional data proving the positive effects of the cognitive approach. Then, when teaching English nouns to Japanese people, the teachers would pay more attention to abstract nouns.

References

1. Bryant W.H. Typical errors in English made by Japanese ESL students // JALT Journal, 6, 1984.
2. Cho K., Kawase Y. Effects of a Cognitive Linguistic Approach to Teaching Countable and Uncountable English Nouns to Japanese Learners of English // Annual Review of English Language Education in Japan, 22, 2011.
3. Kobayashi T. Usage of Countable and Uncountable Nouns by Japanese Learners of English // Gakuen, 816, 2008.
4. Mansbridge M.P., Tamaoka, K. The (in) sensitivity of plural -s by Japanese learners of English // Open Journal of Modern Linguistics, 8, 2018.
5. Takahashi T. Japanese Learners 'Criteria to Judge English Nouns' Countability // International Journal of Curriculum Development and Practice, 15 (1), 2013.

НЕСТАНДАРТНОЕ ОТРИЦАНИЕ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ¹⁶

This article is devoted to the non-standard negation in Khmer. Non-standard negation is understood the negation in non-verbal prediction, prohibitive and caritive. The article discusses the DNA principle in non-verbal prediction in the Khmer language. The difference of the expression of caritive in affirmative and negated sentences is discussed. Also, the expression of a prohibitive with a special prohibitive marker is considered.

Ключевые слова: кхмерский язык, отрицание, нестандартное отрицание.

1. Введение

Кхмерский язык принадлежит к мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи, образуя в ней отдельную группу.

Данное исследование основано на корпусных данных¹⁷ и на текстовых интернет-ресурсах, собранных с помощью поисковой системы Google. Также велась работа с информантами методом элицитации.

Согласно (Miestamo 2005: 42), конструкция стандартного отрицания – это конструкция, функция которой отрицать глагольные декларативные главные клаузы и это одно из продуктивных средств, которое язык использует для выполнения этой функции. Таким образом, всё остальное можно отнести к нестандартному отрицанию. Согласно (Miestamo 2005: 45), нестандартное отрицание включает отрицательные императивы (прохибитивы), отрицание экзистенциальных и неглагольных клауз и отрицание зависимых предложений.

В настоящей работе рассматривается отрицание при неглагольной предикации, каритив и прохибитив.

2. Показатели отрицания в кхмерском языке

В современном кхмерском языке значение отрицания может быть выражено четырьмя препозитивными показателями (*min*, *ʔat*, *pum* and *ʔət*), к которым также может добавляться факультативный показатель конца клаузы *te*:

- (1) ខ្ញុំមិន/អត់/ពុំ/គត់ចេះនិយាយភាសារុស្សីទេ
kɲom min/ ^{OK}ʔat/ ^{OK}pum/ ^{OK}ʔət ceh niʔjiaj phiesa: ruhsi (te:)
1SG NEG1 NEG2 NEG3 NEG4 знать говорить язык русский NEG.FINAL
'Я не говорю по-русски'.

Согласно (Bisang 2014: 491), одним из различий в использовании маркеров является стиль. Маркер *ʔat* используется главным образом в разговорных устных текстах, в то время как *min*, вероятно, является самой основной формой, встречающейся одинаково часто в устных и письменных текстах. Частица *pum* используется в основном в письменных текстах. Маркер *ʔət* появляется в письменных текстах с архаичными элементами.

В кхмерском языке также есть особая отрицательная форма глагола *miən* «иметь, существовать», которая образована с помощью префикса *k-* (*k-miən*).

- (2) គ្មានមនុស្សទេ
k-miən mənuh te:
NEG-иметь человек NEG.FINAL
'Людей нет'.

¹⁶ Благодарю за помощь в настоящем исследовании С. Ю. Дмитренко и М. А. Холодилову.

¹⁷ <http://sealang.net>, <http://sealang.net/khmer/bitext.htm>

Форма *k-miən* встречается довольно редко, и одно из ее основных применений в современном кхмерском языке – это каритивные конструкции. В контексте стандартного отрицания глагол *miən* чаще используется с препозитивными частицами.

- (3) ខ្ញុំមិន/អត់/ពុំ/ឥតមានប៉ាកទីដូចគេទេ
kjɔm min / ʔat / pum / ʔət miən pakti: do:c ke: te:
 1SG NEG1 NEG2 NEG3 NEG4 иметь близкие.отношения как 3PL NEG.FINAL
 ‘У меня нет близких отношений, как у других’.

3. Неглагольная предикация

Как отмечено в (Haiman 2011: 212) в кхмерском языке есть четкое противопоставление глагольных, которые не употребляются с копулой, локативных, которые употребляются с глаголом *niv* и именных предикатов, которые употребляются со связкой *cie*.

- (4) ជ្រូកនៅ/*ជាក្រោមផ្ទះ
*cru:k niv / *cie kraom pteah*
 свиньянаходиться COP под дом
 ‘Свинья под домом’. (Haiman 2011: 212)

- (5) ខ្លាជាសត្វឆោត
kla: cie sat chaot
 тигр COP животное глупый
 ‘Тигр – это глупое животное’. (Sealang Bitext)

Далее я не буду рассматривать локативную предикацию, поскольку глагол *niv* ведет себя как «обычный» глагол при стандартном отрицании.

В кхмерском есть еще одна копула, которая звучит как *ki* (គឺ).

- (6) នេះគឺផ្កាថ្ម
nih ki: pka: tma:
 этот FOC цветок камень
 ‘Это коралл’. (Jacob 1968:141)

Далее показатель *ki* не будет рассматриваться, поскольку он не может употребляться при отрицании.

В некоторых контекстах (обычно в устной разговорной речи), возможна неглагольная предикация без копулы.

- (7) គាត់មេម៉ាយ
koat me:-ma:j
 3 вдова
 ‘Она – вдова’. (Jacob 1968: 141)

Отрицание при неглагольной предикации в кхмерском языке обычно выражается конструкцией *min¹⁸ mɛ:n cie* (មិនមែនជា)

- (8) គាត់មិនមែនជាវេជ្ជបណ្ឌិតទេ
koat min mɛ:n cie viceaʔbandit te:
 он NEG1 правда COP врач NEG.FINAL
 ‘Он не врач’.

Видно, что в этой конструкции отрицается не сам предикат, а явное подтверждение истинности предиката. В (Eriksen 2011) этот принцип назван как избегание прямого отрицания (Direct Negation Avoidance (DNA)). То есть, это значит, что неглагольная предикация избегает быть напрямую под сферой действия отрицания.

Как видно из примеров, кхмерский язык использует стратегию отрицательной верификации («negated verification strategy»). Как утверждает Эриксен, «в стратегии отрицательной

¹⁸ Другой препозитивный маркер отрицания не может быть употреблен.

верификации DNA достигается путем отрицания подтверждения истинности предиката, т.е. ‘Это неправда, что $y(x)$ ’»¹⁹.

- (9) ប៊ិចនេះមិនមែនជារបស់អ្នកទេ
bic nih min mɛ:n cie rɔbah neak te:
 ручка этот NEG1 правда COP POSS 2/3 NEG.FINAL
 ‘Эта ручка не твоя’.

Данная стратегия также встречается и в других языках Юго-Восточной Азии.

- (10) ТАЙСКИЙ
kháw mâu chây phɯ̀an
 3 NEG правда друг
 ‘He’s not a friend’.
 (Eriksen 2011: 280)

- (11) ВЬЕТНАМСКИЙ
tôi không phải là ngu’ời Na Uy
 1SG NEG правда быть человек Норвегия
 ‘Я не норвежец’.
 (Eriksen 2011: 280)

Также, как отмечено в (Горгониев 1966: 106), иногда в устной речи копула *ciə* может опускаться при отрицании:

- (12) វាមិនមែនចោរទេ
vie min mɛ:n cao te:
 3 NEG1 правда бандит NEG.FINAL
 ‘He is not a bandit’.

4. Каритив

Еще одно значение из зоны отрицания – каритив. В первом приближении каритив – это грамматическая категория, которая выражает значение отсутствия, которое в русском языке выражается предлогом *без* и в английском предлогом *without*.

Согласно (Оскольская, Федотов 2019), «[к]аритив описывает невовлеченность (в частном случае отсутствие) в ситуацию некоторого участника (абсенса), при этом предикация невовлеченности является семантическим модификатором этой ситуации или участника некоторой другой ситуации (ориентира)».

Согласно моим данным, базовая²⁰ каритивная конструкция в кхмерском языке – это *kmian* (ក្រាន), см. пример (13)

- (13) អាងគ្មានទឹក
ʔa:ŋ k-miən tik
 бассейн NEG-иметь вода
 ‘бассейн без воды’.

В некоторых контекстах также возможна форма *daoj kmian* (ដោយគ្មាន). У маркера *daoj* много различных функций. Кажется, что в каритивных контекстах данный маркер функционирует как единица отрицательной полярности (NPI), поскольку употребление *daoj kmian* в утвердительных контекстах оценивается как не вполне грамматичное, ср. примеры (14) и (15).

- (14) ខ្ញុំមិន ចេះធ្វើការ(ដោយ)គ្មានតន្ត្រី
kɲom min seh tvəəkaa ?(daoj) k-miən dantrəy
 1SG NEG1 мочь работать DAOJ NEG-иметь музыка
 ‘Я не могу работать без музыки’.

¹⁹ “[i]n the negated verification strategy, DNA is achieved by negating an explicit confirmation of the predicate’s truth, i.e. ‘It is not true that $y(x)$ ’”

²⁰ Под базовой понимается такая конструкция, которая является наиболее частой, наиболее грамматизированной и охватывает наибольшее число каритивных контекстов.

- (15) ខ្ញុំចេះធ្វើការ(?ដោយ)គ្មានតន្ត្រី
khom seh tvəəkaa ([?]*daoj*)*k-miən dantrəy*
 1SG мочь работать DAOJ NEG-иметь музыка
 ‘Я могу работать без музыки’.

Интересно, что в тайском языке также есть многофункциональный показатель *doy* (โดย) (который, заимствован из древнекхмерского языка), который используется в некоторых каритивных контекстах. Но в тайском языке он не имеет ограничений на отрицательные контексты, см. (51).

- (16) THAI
 โดยปราศจากเพื่อน²¹
doy prāsāk pheaǰn
 DOY без друг
 ‘без друзей’.

5. Прохибитив

Как отмечено в (Haiman 2011), (Горгониев 1966) и (Khin Sok 1999), прохибитив в кхмерском языке выражается особым показателем *kom*.

- (17) កុំដេកនៅបន្ទប់នេះ
kom de:k niv bəntvəp nih
 ПРОН спать находиться комната этот
 ‘Не спи в этой комнате’.

Употребление отрицательных маркеров и показателей императива для выражения прохибитива в кхмерском языке невозможно.

- (18) *ទំនងកេតុ៖
 **min de:k coh*
 NEG1 спать IMP3²²
 Ожид.: ‘Не спи’.

Согласно (Spatar 1996), выражение прохибитива с помощью *kom* также возможно для множественного числа первого лица.

- (19) យើងកុំនិយាយអំពីរឿងនេះ
ɲɔ:ŋ kom niʔjiəj ʔəm-pi: ruəŋ nih
 1PL ПРОН говорить о вопрос этот
 ‘Давайте не будем говорить об этом’. (Spatar 1996)

Значение запрета для первого лица единственного числа, а также для третьего лица в кхмерском языке выражается конструкцией *ɲɔ: klʔv:* «будет лучше». Внутренняя форма этой конструкции представляет собой комбинацию предикативов «брат» и «быть хорошим»

- (20) *(យកល្អ)ខ្ញុំកុំនិយាយភាសាខ្មែរ
 *(*ɲɔ:k lʔv:*) *khnomkom niʔjiəj phiəsa: khmae*
 брат быть.хорошим 1SG ПРОН говорить язык кхмерский
 ‘Не буду-ка я лучше говорить по-кхмерски’.

- (21) *(យកល្អ)វាកុំដេកនៅបន្ទប់នេះ
 *(*ɲɔ:k lʔv:*) *viə kom de:k niv bəntvəp nih*
 брат быть хорошим 3 ПРОН спать находиться комната этот
 ‘Пусть он лучше не спит в этой комнате’.

²¹ Пример из <http://web-corpora.net/ThaiCorpus/search/>

²² В кхмерском есть несколько императивных маркеров. Однако сочетание любого из маркеров отрицания с любым императивным показателем невозможно.

Однако, основная стратегия для выражения запрета к третьему лицу — это использование сочетания прохибитивного и каузативного показателей *kom ʔəoj*.

(22) កុំឲ្យគាត់សម្លាប់កណ្តុរនេះ
kom ʔəoj kəat sɔmlap kəndol nih
 PRON CAUS 3 убивать мышь этот
 ‘Пусть он лучше не убивает эту мышь’.

Конструкция *kom ʔəoj* неграмматична со вторым лицом.

(23) កុំអោយ(*ឯង)ដេក
*kom ʔəoj (*ʔaen) de:k*
 PRON CAUS 2 спать
 Ожид.: ‘Не спи’.

Показатель *kom* может сочетаться с некоторыми императивными показателями:

(24) ចូរកុំព្រួយ បារម្ភពីការប្រឡងរូបសម្ព័ន្ធ
coul kom prəj ba:rət pi: ka: prəlv:ŋ rəbɔh neak
 IMP1 PRON БЫТЬ.ВЗВОЛНОВАННЫМ PREP работа экзамен POSS 2/3
 ‘Не переживай из-за своих экзаменов’.

В прохибитиве также возможно употребление показателя конца клаузы, например, показателя *ʔəj*, функция которого в данном контексте не совсем ясна:

(25) កុំសម្លាប់កណ្តុរនេះ(អី)
kom sɔmlap kəndol nih ʔəj
 PRON убивать мышь этот что
 ‘Не убивай эту мышь’.

В кхмерском языке также есть конструкция категорического запрета *kom...ʔəoj sah*.

(26) កុំដេកនៅបន្ទប់នេះឲ្យសោះ
kom de:k niv bəntvəp nih ʔəoj səh
 PRON спать находиться комната этот CAUS NEG.EMPH
 ‘Ни в коем случае не спи в этой комнате!’

Литература

1. Горгониев, Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М.: Наука, 1966. – 315 с.
2. Оскольская, С. А., Федотов, М. Л. Каритив как сравнительное понятие: наброски к определению // Шестнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.) / Под ред. Е. А. Забелиной. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – С. 96–98.
3. Bisang, W. Modern Khmer. In: The Handbook of Austroasiatic Languages: in 2 vols. Vol. 1 / Ed. by M. Jenny, P. Sidwell. Leiden: Brill, 2014. – Pp. 677–716.
4. Eriksen, P. K. ‘To not be’ or not ‘to not be’: The typology of negation of non-verbal predicates. In: Studies in Language. 2011. Vol. 35 (2). Pp. 275–310.
5. Haiman, J. Cambodian: Khmer. Amsterdam: John Benjamins, 2011. – 425 p.
6. Jacob, J. M. Introduction to Cambodian. London: Oxford University Press, 1968. – 341 p.
7. Khin, S. La grammaire du khmer modern / Préf. de C. Hagège. Paris: Librairie You-Feng, 1999. – 620 p.
8. Spatar, N. M. Imperative constructions in Cambodian. In: The Mon-Khmer Studies Journal, 1997. Vol. 27. Pp. 119–127.
9. Miestamo, M. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. – 490 p.

ДИАЛЕКТАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И «ВИРТУАЛЬНЫЕ» ДИАЛЕКТЫ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

The paper analyzes the phenomenon of dialectal stereotypes and virtual dialects in the Modern Japanese language. Virtual dialects, being a result of the evolution of the Japanese mass culture, unlike traditional territorial dialects, functioning in reality, are dialectal forms used by characters of popular manga, anime films, cosplays. The main aim of such usage is creating of a certain image of the character speaking a dialect. Dialectal stereotypes represent different virtual dialects combined with image-appropriate qualities such as personal qualities and manners peculiar to inhabitants of different regions. The most popular virtual dialect is the dialect of Osaka (the Western Japan).

Первые десятилетия нашего века ознаменовались значительными изменениями и новациями в японском языке, некоторые из которых связаны с влиянием массовой культуры современной Японии на развитие японского языка. Во всём мире пользуются популярностью японские аниме, манга, косплей, герои которых зачастую говорят на диалектах. В связи с распространением различных форм массовой культуры в японском языке уже в конце прошлого столетия появились и закрепились термин *якувариго* «ролевой язык» и представление о языковом стереотипе *сутэрэотайну*. Персонажи, которые действуют в аниме, косплей и т.д., должны соответствовать определённому имиджу, сложившемуся в современном японском обществе в отношении представителей тех или иных социальных слоёв или регионов, т.е. определённому стереотипу. Персонаж, который является олицетворением какого-либо стереотипа, должен обладать личностными качествами, приписываемыми обществом данной социальной или иной категории действующих лиц, носить соответствующую одежду и, что особенно важно, говорить с использованием ролевого языка *якувариго*. Ролевой язык персонажей призван соответствовать представлению о них, что достигается употреблением соответствующих грамматических и лексических форм. Система *якувариго* в произведениях массовой культуры включает в себя несколько видов, или разрядов, которые далее дифференцируются по подвидам. В зависимости от выполняемой функции одни и те же языковые формы могут входить в различные разряды. Основными разрядами *якувариго* являются следующие: 1) разряд гендерного ролевого языка (*отоко котоба* «мужской язык» и *онна котоба* «женский язык», разделяющиеся на несколько подвигов соответственно эпохе или этапу исторического развития страны); 2) разряд «языка поколений» (*ро:дзинго* «язык стариков», в т.ч. *хакасэго* «профессорский язык», обладающий одновременно характеристиками «языка стариков» и студенческого языка эпохи Мэйдзи, т.е. 2-й половины XIX века, *обаасанго* «язык бабушек», *о:сама кидзокуго* «язык правителей и аристократов», *о-химэ-сама котоба* « язык барышень», *ётиго* «детский язык»); 3) *сёкугё: кайсо: (го)* «профессиональный язык и язык сословий» (*якудза котоба* «язык якудза», *дзё:сиго* «язык чиновников», *янки:го* «язык янки», *сукэбанго* «язык испорченных девчонок-подростков», *гунтайго* «язык военных», *окусама котоба* «язык хозяек дома», букв. «язык жён», и др.; в этот же разряд входят также уже упоминавшиеся выше *хакасэго* «профессорский язык», *о-химэ-сама котоба* « язык барышень» и др.); 4) *тиикиго* «региональный язык», в котором выделяются подвиды *инака котоба* «деревенский язык», диалектальные разновидности японского языка, *пидзин* – термин, который употребляют в отношении речи на японском языке англоязычных иностранцев (например, частотное употребление междометия *о:* в начале предложений, удлинение гласных в последних слогах глагольных сказуемых), *ару ё котоба* – термин, употре-

бляющийся в отношении речи на японском языке носителей китайского языка, которые часто ошибочно употребляют глагол *ару* «иметься» и прилагательного *ёросий* «хороший» в форме *ёроси* в конце предложений (отсюда – появление слога *ё* в наименовании этого подвида), добавляя эти единицы к уже построенному предложению и тем самым совершая грамматические ошибки; 5) исторический подвид (подвид *рэкиси*) . к которому относят *буси котоба* «язык самураев», *кугэ котоба* язык придворной аристократии, *тё:нин котоба* «язык горожан»; 6) язык персонажей, не являющихся людьми. В этот подвид входят *утю:дзинго* «язык инопланетян», *роботтого* «язык роботов», *до:буцуго* «язык персонажей-животных», *камисамаго* язык божеств, *ю:рэйго* «язык привидений» (Кинсуй-2014).

Анализ диалектальных стереотипов в произведениях массовой культуры Японии позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотны используются формы диалектов Кансай (Западная Япония), прежде всего *О:сака-бэн*, диалект Осаки, крупнейшего промышленного и торгового центра Японии, расположенного в этом районе; *мияко котоба* букв. «язык столицы» (диалект древней столицы Японии, прекрасного Киото, который также расположен в этом районе; диалекты Киото и Осаки являются главными диалектами Кансайской, западной, ветви территориальных диалектов японского языка); *Кю:сю:-бэн*, диалект о-ва Кюсю; *Тоса-бэн*, диалект области Тоса на о-ве Сикоку (историческое название современной префектуры Коти); *Окинава котоба*, диалект Окинавы, центрального о-ва архипелага Рюкю; Токийский. Наиболее распространён в аниме, манге и косплеи диалект *О:сака-бэн*.

Все перечисленные диалекты, формы которых употребляют соответствующие персонажи *кяра* (от англ. character), не являются территориальными диалектами в общепринятом понимании, они представляют собой разновидность *ва:тяру хо:гэн* «виртуальных диалектов», как их принято определять в японской диалектологии. В отличие от функционирующих в различных регионах Японии т.наз. «реальных» диалектов персонажи, говорящие на «виртуальном диалекте», употребляют те или иные диалектальные формы, характерные для функционирующих ныне в Японии территориальных диалектов, с единственной целью воспроизвести сложившийся у зрителя или читателя имидж носителя определённого диалекта, создать некую *расиса* «подобие» реального диалекта. Диалоги персонажей на диалекте в этом случае сочетаются с речью на общем языке. Подобные диалекты определяют как *нисэхо:гэн* «поддельные диалекты», употребление которых должно соответствовать стереотипному представлению рядового японца о носителе того или иного диалекта в качестве типичного уроженца региона. Употребление форм *нисэхо:гэн* распространено не только в произведениях массовой культуры, но и в частной переписке молодых людей. В последнем случае цель употребления диалектальных форм даже в коммуникации молодёжи, говорящей на общем языке, в частности токийцев, то есть жителей столицы, чей язык наиболее близок к нормативному, отличается от той, которую преследуют авторы аниме, манги или косплеи. Не владея диалектом, молодые люди используют диалектальные формы как средство выражения неформального, дружеского отношения. Трактовка значения термина *нисэхо:гэн* не вызывает возражений, но представляется ошибочным возводить значение первой его части *нисэ* к омонимичному отглагольному существительному со значением «псевдо-, квази-» и пр., хотя на первый взгляд это выглядит логичным. В действительности слово *нисэ* является диалектальным существительным, но вовсе не отглагольным, характерным для диалекта Сацугу о-ва Кюсю и означающим «молодой мужчина». Это слово вначале было заимствовано молодёжным языком, а впоследствии в результате процесса развития массовой культуры стало употребляться в составе термина *нисэхо:гэн*, ныне использующегося для наименования «псевдодиалектальной» речи персонажей. Одной из основных разновидностей *нисэхо:гэн* являются *дзимо хо:гэн*, диалектальные формы, которые употребляют персонажи аниме и косплеи, в соответствии с сюжетом являющиеся носителями какого-либо территори-

ального диалекта. Первая часть термина *дзимо* восходит к слову *дзимото* «место, район» и является сокращением слова *дзимоти* «местный», широко употреблявшимся в 90-е гг. XX века. Считается, что впервые приём употребления форм *нисэхо:гэн* с вышеописанной целью был использован в известном мультисериале «Хайди – девочка Альп» режиссёра Исао Такахаси, вышедшем на экраны японского телевидения в 1974 г. Героиня фильма Хайди говорит на *О:сака-бэн*. Зрители воспринимали серию с большим интересом, реплики героини вызывали смех, но в то же время создавалось впечатление неестественности происходящего. Причина такого двойственного отношения к фильму заключается в том, что в то время ещё не сложилось представление о стереотипе в современном понимании, о чём мы говорили в начале статьи. Напомним, что употребления диалектальных форм, т.е. диалектального *якувариго*, явно недостаточно для воспроизведения в образе персонажа имиджа, который сложился в обществе в отношении носителя того или иного диалекта. Впоследствии некоторая неестественность, ощущавшаяся зрителями серии «Хайди – девочка Альп», была преодолена благодаря постепенному формированию т.наз. «диалектального стереотипа» *хо:гэн сутэрэотайпу*, который включает в себя не только обязательное использование форм, соответствующих виртуальному диалекту, на котором говорит персонаж, но и проявление качеств, соответствующих имиджу персонажа в качестве представителя того или иного региона страны (Кибэ – 2013). Можно сказать, что диалектальный стереотип представляет собой объединение в одно целое языкового явления, которое именуется диалектальным ролевым языком *якувариго*, и определённого имиджа. В последние годы наибольшей популярностью пользуются произведения массовой культуры, в которых действуют персонажи, говорящие на Кансайских диалектах, в особенности на диалекте Осаки, *О:сака-бэн*. Зрители и читатели находят их «интересными», «привлекательными», но в то же время несколько «пугающими». Каковы же личностные черты, которые столь интересны для японских приверженцев массовой культуры? Житель Осаки в массовом сознании должен обладать следующими качествами и характеристиками: склонностью к шутке и излишней разговорчивости, жадностью и прижимистостью, любовью к вкусной еде и обжорством, щегольством, непостоянством в любовных отношениях, напористостью и энергичностью. Вдобавок именно такой персонаж зачастую является членом кланов якудза и других криминальных групп и, следовательно, его побаиваются. Персонаж, обладающий перечисленными качествами и характеристиками, должен одновременно говорить на виртуальном *О:сака-бэн*, т.е. употреблять формы территориального диалекта Осаки. Приведём примеры употребления наиболее распространённых в произведениях массовой культуры форм диалекта Осаки: употребление конструкций типа *нандэ я нэн* «почему [так]?» (*нэ* соответствует просубстантивному форманту *но* общего языка, *я* – связке *да*; эквивалент общеяпонского *надзэ на н да*), *со: я нэн* «не так ли?» (= *со: да нэ*), отрицательных форм глаголов на *-хэн* по типу *ёмахэн* «не читаю» от глагола *ёму* «читать», *дэкихэн* «не могу» от глагола *дэкиру* «быть возможным, мочь», *суммахэн* «извините» и др., где после основы глагола перед *н* употреблён формант *хэ*, характерный для этого диалекта (ср. с соответствующими формами общего языка *ёманай*, *дэкинай*, *сумимасэн*), употребление глагола-суффикса *хару*, являющегося эквивалентом глагольного суффикса *масу* общего языка. для образования нейтрально-вежливых глагольных форм (*ияхару=йимасу* «говорит»), употребление диалектальной лексики и выражений (широко известное в Японии приветствие осакских торговцев *мо:каримакка ?* букв. «какова прибыль», эквивалент общеупотребительного *икага дэс ка ?* «Как поживаете», *ахо* «идиот, болван», *хэй=хай* «да», *хомма=хонто*: «правда» и т.д.).

Данные анкетного опроса жителей Японии об отношении к различным диалектальным стереотипам говорят о том, что в целом положительно как привлекательные и представляющие интерес *якувариго* оцениваются виртуальные диалекты Осаки, Киото, Токио, Окинавы, Кюсю. При этом язык женских персонажей родом из Киото характеризуется ещё и как «женственный», а язык мужских персонажей, олицетворяющих Кюсю, как

«мужественный». Дialect Тохоку воспринимается как слишком «простоватый, неизящный». Можно предположить, что обретение массовой культурой всё большей популярности будет способствовать формированию и других диалектальных стереотипов.

Литература

1. Кибэ Нобуко, Такэда Ко:ко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. Хо:гэнгаку ню:мон (Введение в диалектологию). Токио, 2014.
2. Кинсуй Сатоси. Ва:тяру нихонго якувариго но надзо (Загадка ролевого языка в виртуальном японском языке). Токио, 2020.
3. Кинсуй Сатоси. Якувариго сё:дзитэн (Краткий словарь ролевого языка). Токио, 2014.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ: СУБСТРАТ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЕ?²³

Summary

Semantic parallels in the corpus of historical anthroponymic system which was taken from the archival documents of the Steppe duma deals with the Turkic proper names' semantics. The problematic field of the scientific investigation of historical proper names of the Buryat (Khor-Buryat) deals with the problem of settling the onoma meaning of these names. What are the reasons of the semantic parallels of the proper names – the objectiveness of the complex genesis of the Buryat kins in the past or the process of the onoma loaning?

Исследование ономастической системы Восточного Забайкалья обнаружило наличие топонимического, этнонимного субстрата, связанного в том числе и с тюркоязычными и самоедоязычными народами Сибири. Малоизученной стороной забайкальской ономастики остается пока антропонимика, прежде всего историческая, которая отражает всю сложность этногенеза хори-бурят как одного из автохтонных этносов региона.

В статье обсуждается закономерный вопрос, характерный для исследований, которые затрагивают вопросы изучения языкового субстрата. Парадигма научного осмысления проблематики обусловлена возникающими лексико-семантическими параллелями в антропонимии хори-бурят, сопоставляемой с таковыми тюркоязычными или самоедоязычными.

Этногенетический аспект вопроса о природе лексико-семантических параллелей заслуживает более тщательных и комплексных исследований. Однако приходится констатировать пока то, что только ономастические исследования как языковые способны более объективной реконструкции диахронного этноязыкового состояния народа. Также только языковые исследования способны предоставить внятные доказательства о далеком прошлом и региона, и народов, населяющих его.

Изучение значения исторических антропонимов, извлеченных из ревизских описей бурят-инородцев из фондов Государственного Архива Забайкальского края, позволяет заявить о вероятном наличии тюркоязычного и самоедоязычного антропонимического субстратов, помимо других. Важно определить природу данного субстрата, – относится ли антропоним к другому, нежели монгольские, языку, или же представляет собой заимствование, которое чрезвычайно распространено именно в антропонимике.

При исследовании субстратного антропонима важно соблюдать алгоритм методологии. Во-первых, выявление и описание личных имен до-тибет-монгольского происхождения с наличием корневых морфем, которые, как известно, позволяют более объективно определить степень сохранности племенной (родовой) идентичности человека. Во-вторых, важно определить лексико-семантическую мотивированность антропонима, которая позволяет выяснить тот или иной принцип имянаращения (Кюршунова, 2016, с.54-75). В-третьих, корневые морфемы в структуре антропонима позволяют установить основной мотивировочный признак, закрепивший индивидуальные, личностные особенности или характеристики человека в мотивированных именах-прозвищах, например, если значение антропонима связано с прозвищем.

Такое имя как Тугулдур / Түгүлдэр (имя главного тайши Агинской Степной думы) объяснимо из лексики сойотского языка от атрибутива *тыһыгыры* (прил.) 'добычливый,

²³ При поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят»

удачливый, счастливый на добычу' (см.: Рассадин – 2003, с.68) и заимствовано в фонд бурятского языка как атрибутивное *түгэлдэр*, означающее дословно «выражает полноту качества того, чем выражено определяемое, также употребляется постпозиционно с предшествующим существительным в неофициальном или в орудном падеже; *түгэлдэр ухаантай* – 'редкостного ума'; *түгэлдэр бэлигтэй* 'исключительного таланта'; *түгэлдэр хүсэн* 'мощь, могущество' и т.д. (БРС-1973, с. 442). Объяснения фонетических изменений в корневой морфеме обусловлены наличием исторического чередования гласных алтайских языков, к примеру сойотское –ыь в бурятском передается как –э или -у. Любопытна «судьба» имени, которое являлось благопожелательным для оленеводов-сойотов, тофаларов, затем вследствие «превращения» в эпонимное имя как имя выдающегося человека у бурят, сыгравшего определенную роль в процесс вхождения бурят в состав российской империи в свое время, став весьма распространенным в XIX– нач. XX в. у хоринских бурят. Бурятско-русский словарь, где зафиксирован атрибутив *түгэлдэр*, выражающий полноту качества того, чем выражено определяемое, был составлен намного позже того времени, когда именем Түгэлдэр нарекали новорожденных детей, что установлено на основе анализа ревизских описей 1830-1831 гг. и 1857-1858 гг. Очевидно, что изначально сойотское, т.е. самодийское имя «превратилось» в эпонимное имя на почве бурятского языка вследствие его известности, «попав» позже в апеллятивный фонд лексикографического источника как атрибутив.

Семантическая параллель бурятского и сойотского атрибутивов с положительной коннотацией позволяет полагать о том, что данная лексико-семантическая параллель представляет собой субстрат.

К примеру, такая антропооснова, т.е. корневая морфема субстратного личного имени бурят Цаганского рода ревизской сказки 1831 года как Саб(а)– в исторических именах Сабан, Сабдаев, Сабадан, Сабдаев, Сабхо, Саболоков, Собанак имеют, по-нашему, лексическую параллель с хакасской лексемой *сабаа* II уст. «радость, отрада; забота». Известно, что большая часть личных имен хори-бурят имеет тибет-монгольское происхождение, однако в ревизских описях обнаруживаются некоторое число таковых субстратных. А.Г. Митрошкина в Словаре бурятских имен такие имена как Сабан и Сабадан полагает объяснять их значения от монгольского *сав* «посуда, сосуд»; бурятского *хаба* «жбан; посуда» (Митрошкина – 2013, с.68).

Исследования отдельно прозвищных имен бурят типа Зантуу «ведро», Зантахи от занта(гаар) «большеголовый» (о форме головы), Түмпэн «таз, миска, большая чашка» подтверждают типологию отпрозвищных имен, когда дескриптивная функция прозвищного имени способна охарактеризовать отдельные характерные черты отдельного человека. Однако выписанные из ревизской описи Цаганского рода Хоринской Степной думы имена с корневой основой Саб(а)– функционируют и как патронимы, т.е. фамилии: Сабда + ев, Сабда + ев, Саболок + ов, что само по себе исключает их отпрозвищную природу.

Результаты ознакомления толкования значения имен с антропоосновой Саб(а)– в трудах хакасских, сибирских татар, по шорским, башкирским и татарским именам позволяют также исключить как необъективные семантические параллели с апеллятивами *саба* «палка для битья шерсти» /хакас./, *хабаа* «1) шерстобитная палочка, прутик; *нооһо хабаагаар сохихо* «бить шерсть палочками»; 2) палка /бур./, которые могут быть примерами явления языковой омонимии. Кстати следует отметить синонимичное слову бурятского языка *хабаа* «1) шерстобитная палочка, прутик; *нооһо хабаагаар сохихо* «бить шерсть палочками»; 2) палка (БРС – 1973, с. 660) хакасский апеллятив *саба* «палка для битья шерсти». О древних тюрко-монгольских языковых контактах в области скотоводческой и иной лексики материальной культуры общеизвестно, однако данное сопоставление также позволяет поставить вопрос о природе этого лексического «совпадения» – субстрат или заимствование?

Антронимы, особенно исторические (или языческие) специфичны в силу своей благопожелательной семантики, за исключением т.н. «охранных» имен, значение которых пей-

оративно, имеет отрицательную мотивировку. Мы сопоставляем значение антропоосновы Саб(а)– с таким бурятским именем, как, например, Баяр / Баир «радость, веселье» (см.: БРС – 1973, с.93), Жаргал от жаргал «счастье, блаженство, наслаждение» (БРС – 1973, с.231), которые по своему значению одинаково положительны, имеют благопожелательно-ориентированную мотивированность.

Однако возникающая в случае противоположных этимологий одного и того же имени проблема объективности / необъективности другой разрешима обращением к теоретическим основам антропонимики вообще. Известно мнение М. Э. Рут о необходимости разграничения «антропонимов вообще» и «личных имен», обоснованное тем, что «антропонимы вообще», существующие вне конкретного денотата, не являются личными именами собственными конкретного индивидуума. Данное противоречие обусловлено отсутствием основного свойства имени собственного – способности индивидуализировать (см.: Рут – 2001, с. 62-64).

В случае отнесения бурятских, хакасских антропонимов с основой Саб(а)– к антропонимам вообще, то их значение определяется общенародной культурной коннотацией. В этом случае совпадение в лексико-семантическом плане имен телеутов Сабан и Собак, эпонимов Кан-Сабак, Алтын-Сабак (Функ – 2005, с.10-11) бурятских Сабан, Сабдаев, Сабадан, Сабдаев, Сабхо, Саболоков, Собанак обусловлено антропонимическим субстратом. В случае же, когда значение личного имени Сабадан или Сабак (от бурятского *haba* «жбан; посуда») согласно А.Г. Митрошкиной обладает отсоциумным денотатом, то это случай функционирования личного имени конкретного человека, когда имя обнаруживает делимитативную функцию. Однако предлагаемые значения апеллятивов как этимологии данных имен нейтрально мотивированы, никоим образом не способны номинировать отдельные характеристики отдельного человека.

Таким образом, исследование исторической антропонимии способно подтвердить наличие, прежде всего, субстратных явлений. Тщательный комплексный анализ антропонимов, во-первых, антропооснов, во-вторых, морфологии имен, в-третьих, значений антропонимов продемонстрируют не только национальные особенности имянаречения как личного имени, прозвища, охранного имени с негативной семантикой или же «модного» имени, как это проявилось в случае имени Тугулдур / Тугэлдэр, но и этногенетические явления в целом конкретного народа вообще.

Литература

1. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Современная энциклопедия, 1973.
2. Митрошкина А.Г. Словарь бурятских личных имен / науч. ред. Г.С. Доржиева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного уни-верситета, 2013.
3. Кюршунова И. А. Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антропонимии / И. А. Кюршунова. // Научный диалог, 2016. № 11 (59).
4. Рассадин В.И. Сойотско-бурятско-русский словарь / В.И. Рассадин; Отв. ред. И.Д. Бураев. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типо-графия», 2003.
5. Рут М. Э. Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. No 20. [Сер.] Гуманитарные науки. Вып. 4.
6. Функ Д.А. Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение Online. Май 2005. (<http://journal.iea.ras.ru/online>).

ФОРМАНТНАЯ КАРТИНА И ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ ЯЗЫКА АКЕБУ (КВА)

This paper deals with the acoustic vowel space and contextual variability in Akebu (Kwa). The first and second formant frequencies were investigated as acoustic correlates of phonemic features underlying the vowel system of Akebu: height, backness, lip rounding and \pm ATR (advanced/retracted tongue root). F_1 value is significantly higher for open vs. close vowels and for -ATR vs. +ATR vowels. F_2 is significantly higher for front vs. back rounded vowels; at least for some speakers vowels of +ATR set display more peripheral location along the F_2 dimension. Another research topic was the influence of the consonant context on the magnitude of the first two formants. F_1 shows contextual variation only for /ə/ while significant effect of context for the F_2 data was obtained for all central and back rounded vowels.

1. Введение

Язык акебу относится к группе кебу-анимере семьи ква. Он распространен в префектуре Акебу республики Того и имеет около 70000 носителей. Исследование основано на материалах, которые были собраны в ходе полевой работы в деревне Джон в январе-феврале 2019 года.

Данная работа посвящена исследованию формантной картины языка и контекстной вариативности гласных. Значение первой форманты (F_1) является акустическим коррелятом одновременно двух фонологических признаков – подъема и признака продвинутости/отодвинутости корня языка (далее \pm ATR (advanced/retracted tongue root))²⁴. Для гласных, противопоставленных по признаку подъема, значение F_1 определяется степенью фарингального сужения. Более открытые гласные, или гласные более низкого подъема, имеют более высокую частоту F_1 по сравнению с более закрытыми гласными. Для гласных, противопоставленных по признаку \pm ATR, значение F_1 обусловлено действием различных артикуляторных механизмов, таких как подъем гортани, смещение назад и вниз корня языка и надгортанника, сжатие глотки (Edmondson & Esling 2006). По сравнению с гласными +ATR гласные -ATR имеют более высокие значения частоты F_1 .

Значение второй форманты (F_2) является, в первую очередь, акустическим коррелятом фонологических признаков ряда и огубленности, а ее значение определяется степенью палатального и лабиального сужения и размером передней части резонатора. Единодушного мнения относительно роли F_2 как акустического коррелята признака \pm ATR нет. С одной стороны, смещение корня языка назад и вниз должно вызывать понижение частоты F_2 для гласных -ATR (Edmondson & Esling 2006, 181-182), с другой стороны, данные различных языков не демонстрируют единого шаблона. В некоторых языках отмечены более периферийные значения F_2 для гласных -ATR, т.е. более высокое значение F_2 для передних и более низкое значение для задних лабиализованных гласных по сравнению с их коррелятами набора +ATR, в других языках более периферийные значения характерны, напротив, для F_2 гласных серии +ATR (Fulop et al. 1998, 87-88).

²⁴ Несмотря на широкую распространенность данного фонологического признака, его акустические корреляты остаются изученными недостаточно. Помимо величины первой форманты (F_1) в литературе отмечаются еще два параметра, позволяющих различать гласные, противопоставленные по признаку \pm ATR: разница амплитуд первых двух формант (A_1 - A_2) и ширина полосы первой форманты (B_1) (Fulop et al. 1998).

2. Система гласных акебу

Система гласных языка акебу включает одиннадцать гласных, противопоставленных по признакам ряда (коррелирующего с огубленностью), подъема и \pm ATR (см. таблицу 1).

Таблица 1

Вокалическая система

		передние нелабиализованные	центральные нелабиализованные	задние лабиализованные
верхние	+ATR	i	i	u
	-ATR	ɪ		ʊ
средние	+ATR	e	ə	o
	-ATR	ɛ		ɔ
нижние			a	

Для языковой семьи ква система гласных акебу довольно необычна. Первой особенностью является наличие двух центральных гласных ненижнего подъема. Вторая особенность – сосуществование двух подсистем гармонии гласных, обе из которых базируются на двух признаках – \pm ATR и ряд.

3. Данные и методология исследования

3.1. Данные

Данные для исследования были собраны от шести информантов мужского пола: Achille Djenou (AD, 22 года), Yao Lolonyo Akossu (AK, 51 год), Koffi German Boukate (BOUK, 60 лет), Kokou Mawuwodo (Honoré) Kokoroko (HO, 22 года), Kokouvi Kpoliatowou (Martin) Kodjovi (MA, 32 года), Yaovi Modeste Tchitche (YT, 27 лет).

Информантам предлагалось произнести слова из списка, включавшего 10 слов с каждым из 11 гласных языка акебу. Каждым из информантов было записано по 30 произнесений каждого из 11 гласных, что дало с учетом отбраковки около 1 процента произнесений 1955 произнесений: 10 слов * 3 повторения * 11 гласных * 6 информантов – 25.

Запись производилась при помощи профессионального цифрового аудиорегистратора Marantz PMD-660 и внешнего микрофона AKG 1000 в формате .wav при частоте дискретизации 48кГц и разрядности квантования 16 бит.

3.2. Акустический анализ

Измерения акустических параметров осуществлялись при помощи компьютерной программы анализа речи Praat (Boersma and Weenink, 2017). Измерение частоты первых двух формант осуществлялось на центральном отрезке гласного, составляющем 40% от его общей длительности.

3.3. Нормализация данных и статистический анализ

Статистический анализ производился над нормализованными данными. Значения двух первых формант были нормализованы по методу Т. Нири (Nearey, 1978, 138) с использованием формулы CLIH 2 (constant log interval hypothesis). Расчеты производились при помощи статистического пакета SPSS Statistics. Статистический анализ включал дисперсионный анализ и дополнительный тест Шеффе на однородность между выборками. Было проверено влияние на различие между подгруппами значений F_1 и F_2 фактора гласного, а для каждого гласного – фактора левого (и, как правило, единственного) консонантного контекста. Было выделено пять типов контекста в зависимости от места образования согласного: L (билабиальный, лабиодентальный), D (дентоальвеолярный), Р (палатальный), V (велярный), W (лабиовелярный). Не все гласные в наших материалах фигурируют во всех пяти контекстах, распределение гласных по контекстам неравномерное. Анализ влия-

ния двух данных факторов проводился как независимо для каждого информанта, так и для общей выборки, состоящей из данных всех шести информантов.

4. Результаты

4.1. Величина первой форманты (F_1)

Дисперсионный анализ показал значимое разбиение на группы для признака F_1 для каждого из информантов. Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F_1 гласных, противопоставленных по признаку подъема, при этом более высокое среднее значение F_1 характерно для более открытых гласных. Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F_1 гласных, противопоставленных по признаку \pm ATR, для всех информантов, кроме МА, при этом более высокое среднее значение F_1 характерно для гласных -ATR. У информанта МА выборки значений F_1 для гласных среднего подъема, противопоставленных по признаку \pm ATR (/e/ vs. /ɛ/, /o/ vs. /ɔ/), не продемонстрировали значимой неоднородности (см. рис. 5). У всех информантов, кроме BOUK и YТ, выборки значений F_1 для передних и/или задних верхних гласных -ATR и средних гласных +ATR (/i/ vs. /e/, /ɔ/ vs. /o/) составили однородные группы.

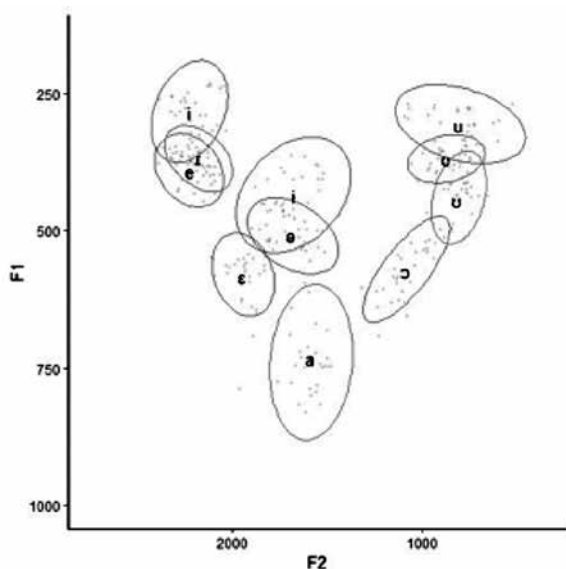

Рис. 1. F_1 & F_2 : AD

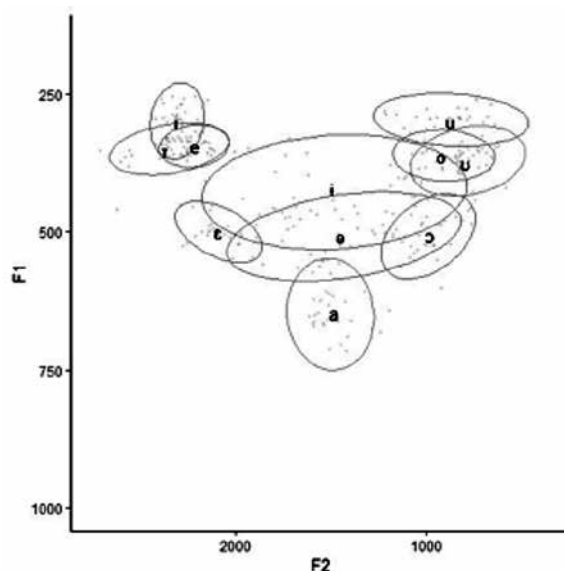

Рис. 2. F_1 & F_2 : AK

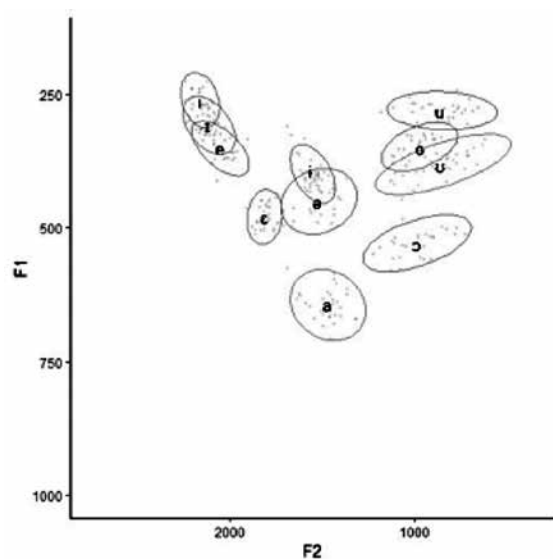

Рис. 3. F_1 & F_2 : BOUK

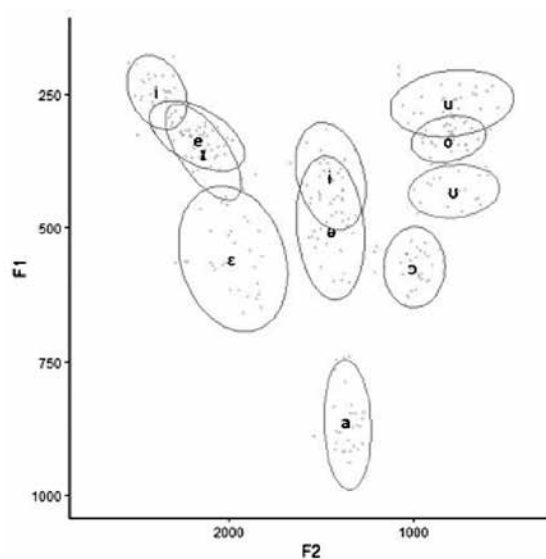

Рис. 4. F_1 & F_2 : HO

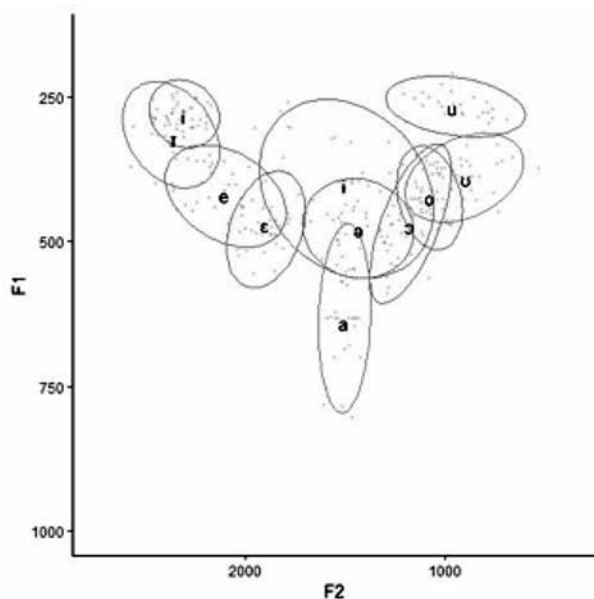

Рис. 5. F1 & F2: MA

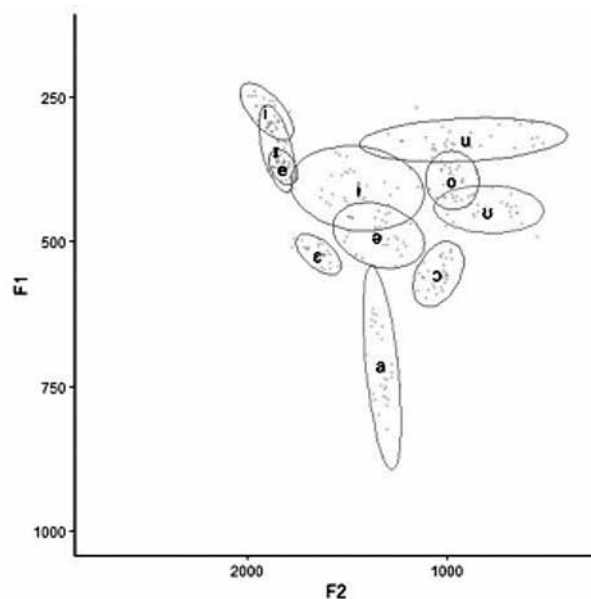

Рис. 6. F1 & F2: YT

4.2. Величина второй форманты (F₂)

Дисперсионный анализ показал значимое разбиение на группы для признака F₂ для каждого из информантов. Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F₂ гласных, противопоставленных по признаку ряда, для всех информантов, при этом наиболее высокое значение форманты характерно для передних гласных, наиболее низкое – для задних лабиализованных гласных. Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F₂ гласных, противопоставленных по признаку ±ATR, по крайней мере для некоторых пар (прежде всего среднего подъема) некоторых информантов: /i/ vs. /ɪ/ (HO), /e/ vs. /ɛ/ (AD, BOUK), /o/ vs. /ɔ/ (AD, HO). Для передних гласных значение F₂ оказалось значимо выше у гласных +ATR, для задних гласных значение F₂ оказалось значимо выше у гласных -ATR.

4.3. Контекстная вариативность

Дополнительный тест Шеффе показал неоднородность между выборками значений F₁ и F₂ по крайней мере для некоторых гласных в некоторых контекстах. Далее будут рассмотрены только те пары неоднородных выборок, которые были обнаружены у трех и более информантов, а также на материале общей выборки, включающей значения формант для всех шести информантов. В Таблицах 2 и 3 представлены пары неоднородных выборок F₁ и F₂ соответственно; средние по выборкам, а также разницы между средними и соответствующие им уровни значимости приведены для общей выборки, включающей данные всех информантов.

Таблица 2

Неоднородные выборки значений F₁ в различных консонантных контекстах

Гласный	Группа I	Среднее по группе I	Группа II	Среднее по группе II	Разница между средними	p
ə	W	0,1893	D	0,1442	0,0452	0,03

Неоднородность между выборками значений F₁ в различных консонантных контекстах оказалась значимой только для гласного /ə/: в контексте дентоальвеолярных согласных значение форманты значимо ниже, нежели в контексте лабиовелярных согласных.

Неоднородные выборки значений F_2 в различных консонантных контекстах

Гласный	Группа I	Среднее по группе I	Группа II	Среднее по группе II	Разница между средними	p
ε	V	0,3490	L	0,2639	0,0852	0,00
i	D	0,1009	W	-0,0594	0,1603	0,00
	D	0,1009	L	0,0247	0,0763	0,02
ə	D	0,1214	W	-0,0451	0,1665	0,00
u	D	-0,3811	L	-0,5996	0,2185	0,00
	D	-0,3811	V	-0,6246	0,2435	0,00
o	D	-0,5103	W	-0,7219	0,2115	0,00
	L	-0,5852	W	-0,7219	0,1367	0,00
o	D	-0,3588	L	-0,4941	0,1353	0,00
	P	-0,3258	L	-0,4941	0,1683	0,00
	D	-0,3588	W	-0,5273	0,1685	0,00
	P	-0,3258	W	-0,5273	0,2015	0,00
	P	-0,3258	V	-0,4276	0,1018	0,01
ɔ	D	-0,2645	L	-0,3759	0,1113	0,00
	P	-0,2519	L	-0,3759	0,1240	0,00

Неоднородность между выборками значений F_2 в различных консонантных контекстах оказалась значимой, в первую очередь, для задних и центральных гласных. Для передних гласных неоднородность была обнаружена только для выборок значений F_2 гласного /ε/ в контексте лабиальных и велярных согласных при значимо более низком среднем значении форманты в контексте лабиальных согласных.

Для задних лабиализованных гласных значение F_2 в целом оказалось значимо выше в контексте дентоальвеолярных и палатальных согласных, нежели в контексте лабиальных, велярных и лабиовелярных согласных. Центральные гласные следуют сходному шаблону: значение F_2 оказалось значимо выше в контексте дентоальвеолярных согласных, нежели в контексте лабиовелярных согласных для гласного /ə/ и нежели в контексте лабиовелярных и лабиальных согласных для гласного /i/.

5. Анализ и выводы

Выборки значений F_1 и F_2 для гласных, противопоставленных по признаку подъема и ряда, оказались неоднородными при значимо более высоком значении F_1 для открытых гласных и при значимо более высоком значении F_2 для передних гласных.

Выборки значений F_1 для гласных, противопоставленных по признаку \pm ATR, у всех информантов, кроме МА, оказались неоднородными при более высоком среднем значении F_1 для гласных -ATR. У информанта МА выборки средних гласных переднего и заднего ряда, противопоставленных по признаку \pm ATR, оказались однородными: такая размытая формантная картина, по-видимому, обусловлена высокой частотой основного тона информанта (137-316 Гц). Однородность между выборками значений F_1 для верхних гласных -ATR и средних гласных +ATR, обнаруженная у четырех информантов, в целом характерна для вокалических систем с противопоставлением по признаку \pm ATR для верхнего и среднего подъема. Выборки значений F_2 для гласных, противопоставленных по признаку \pm ATR, продемонстрировали неоднородность, прежде всего, для средних гласных некоторых информантов при более сдвинутых к центру гласных набора -ATR.

Значение F_1 слабо подвержено влиянию консонантного контекста. Единственным гласным, для которого фактор контекста оказался значим, является центральный гласный /ə/, который в соседстве с дентоальвеолярными согласными демонстрирует более низкое зна-

чение F_1 , нежели в контексте лабиовелярных согласных. По-видимому, это изменение связано с более низким положением челюсти и более задним положением спинки языка при произнесении лабиовелярных согласных (Recasens, Espinosa 2006: 648, 665).

Напротив, значение F_2 сильно подвержено влиянию консонантного контекста. Фактор контекста оказался наиболее значимым для задних лабиализованных и центральных гласных, которые в контексте дентоальвеолярных и палатальных согласных демонстрируют значимо более высокое значение F_2 , нежели в контексте лабиальных, велярных и лабиовелярных согласных. Наблюдаемая закономерность связана с уменьшением передней части резонатора, обусловленным, с одной стороны, более высоким и передним положением языка при артикуляции дентоальвеолярных и палатальных согласных, с другой стороны – делабиализацией задних огубленных гласных в их контексте (Recasens, Espinosa 2006: 648, 665).

Литература

1. Boersma, P., Weenink, D. 2017. Praat: Doing phonetics by computer (Version 6.0.33) [Computer program]. Retrieved February 2, 2018, from <http://www.praat.org/>.
2. Edmondson, J. A. & Esling, J. H. 2006. The valves of the throat and their functioning in tone, vocal register and stress: laryngoscopic case studies. *Phonology* 23, 157-191.
3. Fulop, S.A., Kari E. & Ladefoged, P. (1998). An acoustic study of the tongue root contrasts in Degema vowels. *Phonetica*, 55, 80-98.
4. Recasens, D, Espinosa, A. (2006) Dispersion and variability of Catalan vowels // *Speech communication* 48, 6, 2006. P. 645-666.
5. Nearey, T. (1978). *Phonetic Feature Systems for Vowels*. Indiana University Linguistics Club, Bloomington.

КОЛЛОКАЦИИ С НАЗВАНИЯМИ ЭМОЦИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

The paper presents a corpus study of the names of five basic emotions in Japanese (*yorokobi* ‘joy’, *kanashimi* ‘sadness’, *kyo:fu* ‘fear’, *odoroki* ‘surprise’, *ikari* ‘anger’) in collocation with light verbs. The support verbs with the highest absolute frequency, *kanjiru* and *oboeru* ‘feel’, appear to be common to all of these nouns. At the same time the verbs which highlight an emotion’s individual characteristics, such as the importance of addressee for anger (e.g. *kau* ‘provoke’ or *butsukeru* ‘vent’) or symptoms for fear (e.g. *furueru* ‘shake’), are also present among the top ten of its most frequent collocates.

Под коллокациями будут пониматься устойчивые полусвободные сочетания ключевого существительного с глаголом-спутником – глаголом поддержки, представителем одной из лексических функций в терминах отечественной традиции Толково-комбинаторного словаря, например, рус. *чувствовать / ощущать / испытывать радость*. Хотя глагол поддержки в таких сочетаниях выбирается прежде всего в зависимости от лексемы ключевого слова, он остается семантически мотивированным, см., например, (Апресян 2008). За счет этого даже слова в рамках одного семантического поля, такие как названия эмоций, имеют разный набор типичных спутников; так, в русском языке радость *испытывают*, а в печаль *впадают*, страх *охватывает*, а гнев *закипает* и т.п. В данной статье предпринята попытка выявить наиболее частотные глаголы поддержки для названий базовых эмоций в современном японском языке на материале корпуса BCCWJ.

Базовыми эмоциями обычно считаются радость (яп. 喜び *ёрокоби*), печаль (яп. 悲しみ *канасими*), страх (яп. 恐怖 *кё:фу*), гнев (яп. 怒り *икари*), удивление (яп. 驚き *одороки*) и отвращение (ближайший аналог среди японских существительных 嫌悪 *кэнъо* «омерзение, ненависть»). Мы будем рассматривать только первые пять, поскольку существительное *кэнъо* «омерзение» менее частотно, чем остальные, а также отличается от них по морфологическим свойствам: оно широко употребляется с вербализатором *суру* «делать» и за счет этого меньше участвует в коллокациях с синтаксически самостоятельными глаголами.

Для каждого из пяти названий эмоций был выполнен поиск в корпусе BCCWJ (при этом были исключены подкорпусы поэзии и блогов, а из результатов вручную исключены переводные тексты) в сочетании с послелогом именительного (*га*), винительного (*о*) и дательного (*ни*) падежа.

Оказалось, что названия эмоций заметно различаются между собой по частотности: *икари* «гнев» насчитывает 1033 вхождения, *ёрокоби* «радость» 844 вхождения, *кё:фу* «страх» 788 вхождений, *канасими* «печаль» 481 вхождение, *одороки* «удивление» 262 вхождения (во всех случаях имеется в виду не абсолютная встречаемость в корпусе, а количество сочетаний с тремя рассмотренными падежными послелогом).

Затем были отобраны те спутники, которые встретились непосредственно после падежно-го показателя. Разные грамматические формы и разные варианты написания (иероглифами и азбукой) каждого спутника учитывались вместе; так, в сочетании с последовательностью 喜びに *ёрокоби* + DAT «радостью» для глагола *митиру* «быть полным» не различались формы длительного вида 満ちている *мититэ иру*, прошедшего времени 満ちた *митита* и единичное вхождение формы прошедшего времени в записи азбукой みちた. Чтобы не перечислять варианты, ниже спутники будут обозначаться транскрипцией словарной формы.

Упорядочив найденные коллокации по частотности, мы получили списки следующего вида:

Ёрокоби «радость» 844 вхождения: *о кандзиру* «АСС + чувствовать» 89 вхождений; *га ару* «НОМ + иметься» 33 вхождения; *о адзивау* «АСС + испытывать» (букв. «чувствовать на вкус») 21 вхождение; *ни митиру* «DAT + полный» 20 вхождений...

Большинство спутников в непосредственном левом контексте оказались редкими или единичными. Из повторяющихся самый частотный составил 10,5% – глагол *кандзиру* «чувствовать» для *ёрокоби* «радость». Наиболее частотные спутники слов *кё:фу* «страх» (также *кандзиру* «чувствовать») и *одороки* «удивление» (*какусу* «скрывать», в основном в отрицательной форме) составили около 8%, для *икари* «гнев» глагол *обоэру* «ощущать» – около 5,5%. Для *канасими* «печаль» наиболее частотный спутник, *кандзиру* «чувствовать», встретился всего в 2,7% от общего (хотя и значительного) числа коллокаций, причина этого пока неясна.

Частотность в интервале от максимума до 2% имеют 15 спутников слова *икари* «гнев», 7 спутников *одороки* «удивление» и *ёрокоби* «радость», 6 спутников *кё:фу* «страх» и только 4 спутника *канасими* «печаль». Если рассмотреть первую пятерку высокочастотных спутников, их состав для разных эмоций существенно пересекается: *кандзиру* «чувствовать» для всех является либо первым (*кё:фу* «страх», *канасими* «печаль», *ёрокоби* «радость»), либо вторым (*одороки* «удивление», *икари* «гнев»); в трех случаях из пяти в первую пятерку попал глагол *обоэру* «ощущать» (первый у *икари* «гнев», третий у *кё:фу* «страх» и *одороки* «удивление»; с двумя оставшимися словами он также сочетается, но по частотности попадает не в первую пятерку, а в десятку); трижды встретились также *ару* «иметься» и *митиру* «быть полным», например *喜びに満ちた声 ёрокоби ни митита коэ* «голос, исполненный радости».

В следующей таблице приведены спутники из первой десятки частотности для каждой эмоции с указанием, какой процент этот спутник составляет от всех коллокаций с данным ключевым словом, в скобках указано вхождений. Спутники разделены на группы, приблизительно отвечающие их семантике.

	<i>икари</i> «гнев» (1033)	<i>ёрокоби</i> «ра- дость» (844)	<i>кё:фу</i> «страх» (788)	<i>канасими</i> «печаль» (481)	<i>одороки</i> «удивление» (262)
<i>кандзиру</i> «чувствовать»	5% (52)	10,5% (89)	8,3% (65)	2,7% (13)	7,6% (20)
<i>обоэру</i> «ощущать»	5,5% (57)	1,2% (10)	3,7% (29)	1,2% (6)	6,5% (17)
<i>адзивау</i> «ощущать»		2,5% (21)	1,5% (12)	1,5% (7)	
<i>сиру</i> «узнать»		2% (17)			
<i>камисимэру</i> «прочувствовать»		1,7% (15)			
<i>ару</i> «иметься»	1,4% (14)	3,9% (33)	2,9% (23)	1,2% (6)	3,4% (9)
<i>комиагэру</i> «нахлынуть»	3,8% (39)				
<i>бакухацу</i> «взорваться»	3,8% (39)				
<i>атаэру</i> «вселять»		2,3% (19)	1,9% (15)		2,3% (6)
<i>буцукэру</i> «обрушить»	2,7 (38)				
<i>вакатиау</i> «разделить»		1,8% (15)			
<i>катару</i> «поведать»		1,7% (14)			
<i>кау</i> «навлечь»	3,6% (37)				
<i>фурэру</i> «навлечь»	1,8% (19)				
<i>миидасу</i> «найти»		2,1% (12)			

какусу «скрыть»		1,3% (11)			8,4% (22)
арава ни суру «проявить»	2,8% (28)				
киндзиэнай «неодолимый»					3,1% (8)
караэрэру «во власти»	1,4% (10)		2,8% (22)		
хитару «погружаться»		1,2% (10)		1% (5)	
курэру «пребывать в»				2,1% (10)	
сидзуму «погружаться»				1,9% (9)	
цуцумарэру «погружаться»				1,5% (7)	
отиру «впасть»			1,5% (12)		
норикоэру «преодолеть»				1,7% (8)	
ни макасэтэ «не сдерживая»	2,5 (26)				
фуруэру «дрожать»	0,9% (9)	0,2% (2)	1,5% (12)		
хикицуру «искажаться»			1,6% (13)		
митита «полный»	2,8% (29)	2,4% (20)	1,3% (10)	1,9% (9)	2,7% (7)

Можно заметить, что индивидуальные различия в наборе спутников из первой десятки по частотности отражают семантику ключевого слова.

Для гнева спутники отражают присутствие адресата: гнев можно спровоцировать (*кау* букв. «купить», *фурэру* букв. «тронуть») и обрушить на другого (*буцукэру* букв. «ударить обо что-л.»); он плохо контролируется: накатывает (*комиагэру* букв. «поднимается») и взрывается (*бакухацу-суру*; в 17 случаях из 39 вербализатор здесь употреблен в форме каузатива, «вызвать взрыв», так что данный спутник примыкает по смыслу к глаголам провокации).

Грусть может концептуализироваться как жидкость: в ней тонут (*сидзуму*) и пребывают (*хитару* букв. «мокнуть»). Ее единственную в сколько-нибудь заметном количестве случаев преодолевают (*норикоэру*); другой предикат преодоления, *каппуку-суру*, встретился только с *кё:фу* «страх» с частотностью меньше 1%.

Радость ощущают на вкус (*адзивау* «чувствовать на вкус», у других эмоций встречается, но не входит в первую тройку, и *камисимэру* букв. «сжать зубами»), кроме того ее единственную из рассмотренных эмоций активно ищут в окружающем мире (*миидасу* «находить») и разделяют с окружающими (*вакатиау* «делить»).

Среди глаголов, обслуживающих удивление, нетривиальным оказался *какусу* скрывать, в большинстве вхождений употребленный в отрицательной форме потенциального залога *какусэнай* «невозможно скрыть». Внешние проявления актуальны и для гнева, его обнаруживают (*арава ни суру* букв. «делают явным»).

Для страха следует отметить тавтологическое сочетание 恐怖に怯える *кё:фу ни обиэру* букв. «бояться страхом», составляющее 3,6% (28 вхождений) и не имеющее аналогов у других эмоций. Также это единственный случай, когда в первой десятке спутников присутствуют глаголы физических реакций: *фуруэру* «дрожать» и *хикицуру* «искажаться (о лице)»; также *фуруэру* «дрожать» встретился как симптом гнева и радости, но с частотой меньше 1%.

Рассматривая выбор ключевого слова с точки зрения спутников, также можно обнаружить некоторые закономерности. Например, глагол *адзивау* «пробовать на вкус», общий для радости, печали и страха, по-видимому, объединяет их как делящиеся состояния, которые экспериенсер успеваеет «распробовать», в отличие от более бурных гнева и удивления. Каузация страха, удивления и радости описывается одинаковым *атаэру* «давать», и только каузация гнева от них резко отличается, а каузация печали почти не представлена.

В целом рассмотренный материал позволяет сделать следующие наблюдения. Ряд наиболее частотных спутников оказался общим для всех рассмотренных единиц; по-видимому, можно даже говорить о том, что некий набор спутников, общий для семантического поля в целом, способен служить критерием принадлежности к этому полю. Для японских названий эмоций кандидатами на такую роль являются *кандзиру* «чувствовать», *обоэру* «ощущать» и *митиру* «быть полным».

Одновременно в число высокочастотных попадают и те спутники, которые отражают индивидуальные особенности ключевого слова – например, важность адресата для гнева (*кау* «навлечь», *буцукэру* «обрушить») и симптомов для страха (*фуруэру* «дрожать»). В этом смысле сопоставление типичных спутников подсвечивает различия в значении ключевых слов и является важной частью лексикографического портрета существительного.

Литература и источники

1. Апресян Ю.Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокаторов // *Вопросы языкознания* № 5, 2008. С.3-33.
2. *Kadokawa ruigo shinjiten* (Новый словарь синонимов изд-ва «Кадокава»). Электронное издание. Tokyo: Kadokawa, 1981.
3. BCCWJ – *Gendai nihongo kakiketoba kinkō kōpasu Shonagon* (Сёнагон: сбалансированный корпус современного письменного японского языка). URL <https://shonagon.ninjal.ac.jp/> дата обращения 30.06.2020.

**THE TURKIC INFLUENCE ON KITAN:
KITAN *BORI* (THE NAME FOR AN EVIL PERSON)
AND OLD TURKIC *BÖRI* ‘WOLF’**

Summary

One of the glossed or annotated Kitan words attested in *Liaoshi* is *bori*. It is annotated as ‘the name for an evil person’. Based on the Turkic influence on Kitan, this paper proposes to connect Kitan *bori* with Turkic *böri* ‘wolf’. This connection can have a cross-linguistic support of metaphorical extension of the notion for ‘wolf’ to an evil person.

The fact that Kitan had been in contact with Turkic and once periodically subject to Turkic rule is reflected in the available Kitan glossary included in *Liaoshi* completed in 1343. The glossary stands as the final section of *Liaoshi* and has the sound title in Chinese as *guoyujie* (國語解) meaning ‘explanation of the national language’. By ‘the national language’ the authors of *Liaoshi* referred to the Kitan language spoken by the Kitan people and used for official affairs during the Liao dynasty (907-1125). The section includes some two-hundred entries, many of which are, however, not Kitan words, let alone glossed Kitan words. The exact number of Kitan words depends on what counts as native Kitan words, and what is rather Chinese notions such as *yingjun* (鷹軍) ‘eagle troops’ and *xilou* (西樓) ‘western building’. Here the Eagle Troops and Western Building (or the building complex in the west) were among the Kitan institutions, and they were probably named in native Kitan and then translated into Chinese as such. The glossary contains many such Chinese items with no original Kitan equivalents. With this kind of ambiguity, it is not difficult to understand the problems encountered by the authors of *Liaoshi* at the lexicographic level. They chose to collect Kitan words in the then available Chinese publications, not going through fieldwork or native Kitan informants. That is why the so-called ‘explanation of the national language’ contains only a small number of glossed or annotated Kitan words.

One annotated Kitan word out of these two-hundred entries is *bori*. The students interested in Kitan studies may feel perplexed by the meaning of Kitan *bori* and face the difficulty of getting it etymologized with any suitable words in Altaic languages. Fortunately, the Kitan word *bori* according to *Liaoshi* (116.1535) is in Chinese as follows: 暴里 惡人名也. This Chinese sentence can be transcribed as *baoli eren ming ye* and translated as *bori is the name for an evil person*. Although *bori* literally functions to name and seems not in itself to mean directly an evil person, it indeed has its contextual reference to an evil person. Here I am adjusting the Chinese transcribed *baoli* to Kitan *bori* for two reasons. First, foreign syllable *bo* or *bu* may receive a transcription of *bao*. Second, foreign trill or *r*-sound commonly corresponds to lateral *l* in Chinese transcription. The representative examples are Chinese *baolisi* (鮑里斯) for both Russian *Bopuc* and English *Boris*, and Chinese *baotou* (包頭) as a city name in Inner Mongolia for Mongolian *buğutu*. Yet the character used may reflect certain semantic consideration. As the Chinese word 暴 means ‘violent, fierce’, we cannot rule out the possibility whereby early transcribers chose it to imply the sense of Kitan *bori*.

Given its semantic reference to an evil person and its phonetic makeup, all that I want to say with certainty about the origin of Kitan *bori* is that Kitan speakers had adopted it from Old Turkic *böri* ‘wolf’, presumably used it in this sense, and at the same time metaphorically transferred it to name an evil person. One would expect that the image of wolves is multivocalic in the human eye. What features of semantic discourse on this canine notion are metaphor bound, or what features transcend semantic or other imaginary boundaries? People may speak highly of the bravery, strength, and speediness of wolves when they needed and prepared to fight vigorously.

Meanwhile, often people who knew of the predatory and ferocious nature of wolves compared the greedy and brutal ones to wolves.

The Kitan people had to cope with wolves and came up with an attentional attitude toward the ferociousness of wolves, thinking of them reminiscent of evil persons. *Liaoshi* (4.46, 30.354) recorded instances of wolves eating people and hunting wolves. Moreover, the Kitan dynastic politics could not get rid of frame-up and entrapment. The Kitan people were aware of how treacherous court officials made false and even fatal charges against those officials, empress consorts, and princes loyal to their duties and sovereign. They were very disappointed at seeing such aftermaths and sarcastically wondered how long it would and could go to employ a wolf to herd sheep (*Liaoshi* 99.1420). It appears that in this way there has been a common metaphorical contrast between wolves and sheep as formulated in *Shiji* (122.3145) two millennia ago and in *Hou Hanshu* (49.1645) and continued down to the modern state system when, in January 1787, Thomas Jefferson warned of the danger of the dividing nations into ‘two classes, wolves and sheep’.

The word for ‘wolf’ in many languages undergoes metaphorical extensions appreciably converging in greediness or evilness. The Chinese *lang* (狼) ‘wolf’ is often used to refer to the undesired, greedy or brutal persons. In collocation with some other words or animal names, the word *lang* expresses very notorious senses: *langxin* (狼心) ‘wolf-hearted, rapacious’, *langxing* (狼性) ‘wolf character, ferocious in character’, *hulang* (虎狼) ‘tiger and wolf, cruel and ferocious people’, and *selang* (色狼) ‘pervert’. Similarly, the English *wolf* means ‘a fierce, rapacious, or destructive’ and ‘a corrupting or destructive agency’.

One area of penalty where a Kitan innovative approach to criminology is easy to see is in renaming an evil person with the word *bori*. This could have been part of Kitan judiciary leniency, achieving a range of penal effects. Lage (刺葛) is then Kitan Qagan Abaoji’s (阿保機) oldest younger brother, who served as high-ranking officials such as Tiyin (惕隱), Yilijin (夷離堇), and General. However, his personality is stupid, vicious, and arrogant (*Liaoshi* 64.964).

Under the leadership of Abaoji, Kitan political system was changing to the Chinese-style emperorship from its three-year tenure for top leadership via tribal election (*Jiu Wudaishi* 137.1828), and it did Abaoji would certainly become the lifetime emperor and eliminate Lage’s hope to ascend the throne sometime in the future. As he had his eye on the paramount position occupied by his brother Abaoji, Lage, who solicited and won a support of his three younger brothers, broke ranks with Abaoji and led three consecutive rebellions against him in May 911, October 912, and March 913 (*Liaoshi* 1.5, 1.6f).

When each of these three rebellions were defeated, Abaoji made great effort to mitigate the offenses by his four younger brothers while killing three-hundred odd rebel plotters and participants in addition to some other specifically enumerated executions (*Liaoshi* 1.9). After the third and the most devastating rebellion was crushed, Abaoji proceeded to treat his brothers, each varying according to their role and age. Lage was renamed into Bori as he was identified as the chief evil (*Liaoshi* 1.7). Lage and Diela (迭刺, who was the next to Lage in role and seniority) were flogged with a stick and released. Yindish (寅底石) and Anduan (安端) were released without charges due to their mediocre and weak personality vulnerable to Lage’s abetting (*Liaoshi* 1.7, 1.9). Just as the use of the name Yelü Lage signaled his royal princship, the renaming him with Bori signaled his new identity as an evil person and could also imply his removal from Yelü royal family. As a result, in 917 Lage and his son Saibaoli (賽保里) escaped from Kitan and defected to Youzhou (幽州); then from there Lage went down southward and was killed by someone as noted in *Liaoshi* (1.12, 64.964).

Although the argument and evidence presented thus far of Turkic influence in Kitan may escape easily from attention since Kitan *bori* was not glossed ‘wolf’, but a number of above supporting examples could hardly be dismissed as mere coincidence. A further examination of the Kitan glossary presents a various picture. Having been well aware of the cultural and linguistic similarities between Kitan and its neighboring tribal polities, the authors of *Liaoshi* (116.1533), in their introductory remarks, declared that at the beginning of its development Kitan was

close to Xi (奚) and Shiwei (室韋) and henceforth generally shared its indigenous customs and language with them. In my analysis of this insightful observation, the authors were talking about genealogical classification of Kitan, Xi, and Shiwei into one group. In other words, they knew enough the linguistic commonality running through the group of these three languages adjacent to one another in the region. On the other hand, they could have found Turkic impossible to join the group as a member owing to its obvious difference from the group. That was why they kept silent to what relationship existed between Kitan and Turkic. Meanwhile, when listing lexical items in their glossary, the authors did jot down a couple of Turkic loanwords in Kitan just as those of Shiwei, Xi, and Bohai (渤海). Two Kitan words were identified as originated in Turkic. One is 俟斤 (*qijin*), which is a Turkic official title. The other is *qatun* (可敦 *kedun*), which is the Turkic title for ‘empress, emperor’s consortium’. Of course, the Turkic influence on Kitan is not limited to these two words. Leaving aside *qatun*, I would like to clarify how 俟 of 俟斤 could have erroneously scribed.

The Chinese character 俟 has two pronunciations: *qi* and *si*. It is a classic problem in the field of Inner Asian studies concerning the transcription of 俟 of 俟斤. Although it is commonly agreed that 俟斤 is from Turkic *irkin* ‘ruler, chief’, to the best of my knowledge, there is virtually no explanation of how the 俟斤 pronounced either *qijin* or *sijin* in Chinese could be phonetically reconciled with Turkic *irkin* in their first syllable. When touching on this conundrum, we should note that Old Turkic *irkin* was alternatively spelled *erkin*, i.e., there was an alternation between the vowels *i* and *e* in the word-initial position. In my view, at the beginning of its occurrence 俟 was a wrong choice resulted from a slip of the writing brush when intended to write down the character 埃 (*ai*) or 矣 (*yi*), and all the following authors had copied it without any critical thinking. Such accidental confusions could hardly be avoided in handwriting. Further slips of the writing brush occurred to 俟斤, which became either 候斤 (*houjin*) or 俟分 (*qifen*) (*Weishu* 44.2297, *Beishi* 98.3298, 3273) or 俟斥 (*qichi*) (*Zhoushu* 49.899). Therefore, the original transcription should have been 埃斤 (*aijin* < **aigin*) or 矣斤 (*yijin* < **yigin*), with the Turkic postvocalic *r* in *irkin*~*erkin* omitted as sometimes seen in Chinese transcriptions. In practice, Chinese transcribers tend to use 埃 or 爰 (*ai*) to correspond to foreign *i* or *e*~*e* sounds or spellings such as 埃及 (*aiji*) for Egypt, 埃里克 (*ailike*) for Eric, 埃塞俄比亞 (*aisai’ebiya*) for Ethiopia, and 愛丁堡 (*aidingbao*) for Edinburgh wherein the *bu* gets matched with the Chinese *bao*, with the following string *rg* being left out.

In addition, both *JTS* and *XTS* used *jiej*in (頡斤) in the place of *qijin*. *JTS* (103.3193) records: General Zhang Shougui (張守珪, 684-740) of Tang dynasty attacked Tujue (Turkic) invaders in Luntai (輪臺) (in what is nowadays Ürümqi, Xinjiang), decapitating a thousand plus fighters and capturing alive their commander alone, i.e., one Jiejin. *XTS* (217.6148) mentions: the chieftain of three Wooden-Horse Tujue all was Jiejin. Consequently, at least some of the occurrences of *qijin* in *XTS* (217.6142, 6144) take the prefixing interpretive Chinese title 酋 (*qiu*) ‘chieftain’ when modifying *qijin*, virtually putting an equal sign between the Chinese *qiu* and the Turkic 俟斤 (*qijin*). Moreover, *XTS* (217.6111) notes that Qijin of the Huihe (回紇) Yaoluoge (藥羅葛) tribe, whose name was Shijian (時健), was elected into the Sovereign position. All these sources converge in supporting the sameness between *qijin* and *jiej*in in Chinese transcription. Yet there is hardly confusable similarity between 俟 and 頡 in Chinese logography. How did the contemporaneous writers substitute 頡 for 俟? This remains enigmatic. I estimate that they became creative in following the phonetic similarity between the two characters, for 俟 and 頡 in Mandarin Chinese read [tɛ^hi] and [tɛiɛ], and in Cantonese *git*-*kit* and *kei*, respectively. In other words, their initial consonants are alveolo-palatal affricates in Mandarin and velar stops in Cantonese. This natural class feature might have been the source of confusing transcriptions.

The authors of *Liaoshi* had no intention to review Kitan words from etymological perspectives and just selectively identified the foreign elements in Kitan when they felt it convenient to do so. For instance, Kitan *qijin* and *yilijin*, both corresponding to Turkic *irkin*~*erkin*, are a doublet in the Chinese transcriptions. Namely, like *qijin*, Kitan *yilijin* came from Turkic *irkin*~*erkin*, too,

as the Chinese transcribers significantly improved their phonetic matching between the two. Yet the *yilijin* was not indicated of its Turkic origin in the Kitan glossary probably because it did not appear prior to the Kitan era. Thus, the Kitan leadership chose to use *yilijin* to appoint its officials rather than *qijin*, making it scoring numerous occurrences in *Liaoshi*. In contrast, *qijin* occurred in *Liaoshi* (63.952, 116.1543) only twice, all in the Turkic context. The Kitan *yilijin* also made its way in Jurchen. *Jinshi* (2892) maintains that *yilijin* as originally from Kitan was used by the Jurchen people in the similar yet slightly different manners.

Qijin (俟斤) occurred in *Weishu* (103.2297), *Suishu* (84.1879), *Beishi* (14.528) and some other books prior to *Liaoshi*. In fact, according to *Suishu* (84.1881), the Xi tribal polity was initially subject to Tujue, subsequently grew a bit strong and prosperous, and then reshuffled itself into five hordes, with each being led by one Qijin. *XTS* (219.6167) observed that the lead Dahe (大賀) tribe of Kitan was armed with forty-thousand triumphant soldiers, consisted of eight hordes, yet subjected themselves to and made Tujue their Qijin. The authors of *Liaoshi* (63.952) exactly copied this paragraph and for this reason must have known the title *qijin* introduced into Kitan from Tujue. May it be true, as is generally agreed among the interested scholars, the title had earlier usage in Tuoba and Rouran. *Nan Qishu* (57.985) written in 537 took note of the official title *qiqin* (俟懃) used by the Tuoba group of Xianbei ethnicity and compared it to Chinese *shangshu* (尚書) ‘minister, secretary’. Likewise, *Weishu* (103.2297) written in 554 recorded that in 511 Rouran Qagan Chounu (醜奴) sent his envoy, Qijin Weibijian (尉比建), to the Northern Wei dynasty for tribute. The prominent historian Hu Sanxing (1230-1302) annotated: Qijin was the title for ministers in Rouran (*Weishu* 103.2297). Henceforth, words traced back to Old Turkic were not necessarily to the exclusion of other Altaic groups and Altaic-external sources.

How big is the difference between Mongolic Kitan and Turkic Huihu (回鶻)? Let us go through an episode pertaining the Kitan hosting of a Huihu diplomatic mission as observed in *Liaoshi* (64.964). A Huihu delegation arrived. However, there was no one who could understand the Huihu language. The empress advised the emperor: “Diela is brilliant and swift enough to enjoy accomplishing this task. Having accompanied the delegation for twenty days, Diela became able to practice the Huihu language and scripts. Thus, he is entrusted to create Kitan small scripts with a small number of characters for due consistency”.

Having read this paragraph, we cannot help raising some questions: Was really there no one conversant with the Huihu language in the Kitan government? Was Diela so smart that he could use the Huihu language and writing? Since these records associate the creation of the Kitan small scripts with Diela’s acquaintance with the Huihu scripts and his inspiration to design somewhat alphabetic writing for Kitan, we can assume the visit of the Huihu delegation to Kitan in September 924 according to *Liaoshi* (2.20) wherein we read: Huihu sent a delegation for tribute. Yet prior to this visit, following *Liaoshi* (1.8, 1.12), two Huihu delegations came to Kitan; one was in 913, and the other in 918. We do not know if these two delegations brought their own Kitan interpreter or otherwise Diela’s interaction with the Huihu included these previous visits. If the latter was the case, Diela’s study of the Huihu language and scripts could not be limited to just twenty days.

Further review can reveal some threads of information on interpreter service in Kitan even though it could have taken place after 924. *Liaoshi* (45.687, 689) noticed an official position for language interpreters in the Kitan government. Of course, Kitan from time to time received foreign diplomatic missions, and an interpreter could not be expected to understand every language the foreign envoys spoke. As Kitan was a major power in Inner Asia during the Liao dynasty, the Kitan language once attracted some foreign non-native Kitan speakers to study for career development. According to *Songshi* (261.9044), an ethnic Chinese, whose name was Liu Chongjin (劉重進, 899-968) and who was a native of Youzhou began to study Kitan around 936 and got a job as an envoy to Kitan. When he visited Kitan again, the Kitan leader found him shrewd and smart and had him stayed there working as an interpreter in the front of the leader’s tent. *XWD* (9.90) noted that in 942 Kitan envoy and interpreter arrived (in the Later Jin state (936-947) established by Shi Jingtang 石敬瑭). Again, according to *XWD* (72.897), when

the Kitan took over a Chinese town, in order to stabilize the panic situation, Kitan Emperor Yelü Deguang (耶律德光, 902-947) ordered his interpreter to announce his declaration to a crowd of people: “I am a human being, too. There is nothing to fear. I originally had no intention at all to come here, but it was the Chinese troops that led me here”.

In their relation with the Turkic, the Kitan were once periodically under the Turkic rule and hence familiar with and influenced even demographically by the Turkic, let alone cultural and linguistic impact on Kitan. The Kitan empress Shulü Ping was by ethnicity from the Turkic Huihu tribe. Accordingly, Kitan and Turkic traditionally were in diplomatic terms. When the vicinity of two or more groups overlapped in potential power to too great an extent, they found themselves in strategic competition with one another and, often, all but one were pushed out, sometimes to the point of severe diminishment. In the Chinese historians’ inking, the Kitan under the emperorship of Abaoji, the husband of Shulü Ping, deliberately planned to subjugate the Yellow-Headed Shiwei and indeed did so decisively. So, when Abaoji sought to gain power through subjugation in the vicinity, a number of ethnic Chinese elite were motivated to advise him to become an emperor in his own right and invade the adjacent polities including Shiwei. This had a substantial effect, with the result that the indigenous Kitan and Kitan-like tribes and ethnic Chinese were governed by the two Kitan government systems. By the linguistic essence of grammar and simplicity of scripts, Kitan and Huihu were far more similar to each other. But Abaoji chose to create Kitan national scripts (2.16, 76.1246) on the model of Chinese logographic writing because of strong Chinese influence and his adoption of the Chinese-style governance.

Diela seemed very attractive to the Huihu language and scripts. The latter’s underlying alphabetic principle inspired him to design the Kitan small scripts. The achievement of such linguistic studies was facilitated by three factors. First, Kitan and Huihu had pooled their vocabulary to a certain degree, with the regnal title *qagan* being the classic example. To what percentage? It is hard to pin down since we are short of Kitan vocabulary. Second, the grammatical structure of Kitan and Huihu must be of agglutinative typology with the subject-object-verb word order. Third, at a deep genealogical level, the two languages could have shared a common root as reflected in the common Altaic theory by Altaicists. Those with linguistic talent therefore had an adaptive advantage to learn each other’s language by analogy. Over time, definitely far beyond twenty days, linguistic talent became amplified, sustained bilingual repertoire for such people as Diela.

It is clear that the answer to the possible question “How could Diela practice the Huihu language and scripts within twenty days?” cannot be because Diela was so ‘brilliant and swift’ – look at what any brilliant and swift novices can do to the Mongolian scripts emerged in the thirteenth century and blueprinted from the Huihu or Old Uyghur scripts. Rather, the answer must come from realistic and scientific considerations. The study just for twenty days is serious and can enable the novice students to gain a preliminary knowledge of the scripts, let alone the twenty days for Diela including learning to speak the Huihu language. It can be assumed that Diela had understood the merit of alphabetic writing with a small number of graphemes for spelling out numerous morphemes, but his knowledge of the Huihu scripts could in no way be compared to that of Chinese logographic writing. Perhaps that was why he chose Chinese structural components and modified them for his four-hundred plus basic Kitan graphemes. If Diela otherwise had a good command of the Huihu scripts, he should have applied them to the Kitan language with much more ease and accuracy. In contrast, the Uyghur pundit Tata-tonga, who had a profound knowledge of Uyghur scripts, was entrusted by Chinggis Khan to teach how to spell out the Mongolian speech.

Main References

JTS = Jiu Tangshu (Old Book of Tang), Liaoshi (History of Liao), Shiji (Records of the Grand Historian), Weishu (Book of Wei), XTS = Xin Tangshu (New Book of Tang), XWD = Xin Wudaishi (New History of the Five Dynasties). All the Chinese dynastic histories cited are from <http://hanchi.ihp.sinica.edu.tw/ihp/hanji.htm>.

A PARALLELISM IN THE POSTVERBAL AUXILIARY VERB CONSTRUCTIONS IN LANGUAGES OF NORTHEAST AND SOUTHEAST ASIA

The present study puts in parallel the use of six auxiliary verbs across languages in Northeast and Southeast Asia with some reference to South Asian and West African languages. The results show that the following groups of lexical verbs are employed as auxiliaries with similar semantics in many languages: (1) *be/sit/stand/stay* > progressive, (2) *give* > benefactive, (3) *put/keep/leave/throw* > completive, (4) *see/look* > attemptive, (5) *get/take* > capability and (6) *become* > possibility. Despite the variation between head-initial and head-final word order across languages in Asia, these auxiliaries similarly occur after the content verb of a clause in many languages. Our proposal is that the postverbal position of these auxiliaries has its root in the multiverb construction, in which several sequential actions are in a complementary relation, and the omission of optional adjunct(s) around the non-initial verb(s) in a sequence has evoked its semantic bleaching and auxiliiation. Putting aside the explanation by inheritance and contact, an unequal genealogical and areal distribution of these constructions point to a more general cognitive, language-internal tendency, independent of the word order typology of each language, which yields similar construction patterns on the language interface.

1. Background

In Northeast and Southeast Asia, auxiliary verb constructions (AVC) which are built on similar lexico-syntactic patterns across languages are observed. Here, our focus is on postverbal auxiliaries, i.e. auxiliaries that come after the content verb of a clause. Supplementing previous cross-family studies (e.g. Kuteva – 2004, Anderson – 2006), the present study presents additional data from languages spoken in peripheral Asia to demonstrate that certain AVCs could similarly emerge in several languages without necessarily being motivated by their genealogical relationship or by areal factors.

2. Data and results

The data are based on grammars and a number of individual studies on AVCs in Asian languages, which covers the area horizontally from the Western Pacific Rim to Central Asia, and vertically from Eastern Siberia to the Malay Peninsula.

As results of the survey, many languages in this macro-area illustrate similar developments in semantics of the following six verb groups (A)-(F), in which the original lexical meanings have been bleached and turned into auxiliaries (the comparative data are available in the Appendix). It is noteworthy that the source verbs of auxiliary in general are often related to basic states (*be(come)*), actions (*sit, stand, stay, give, put, keep, throw, get, take*) or cognitions (*see, look*) that frequently occur in a language, and this may have facilitated their functional extension (see also Anderson – 2006, p. 340). Examples from selected languages are given below.

(A) *be/sit/stand/stay* > *progressive auxiliary* (Examples 1, 2, 3, 4)

Buryat (Mongolic; E Russia, N Mongolia, NE China)

(1) *nom unshaa-zha bai-na.*

book read-CVB.IPF **be-DUR**

‘S/he is reading a book.’ (Skribnik – 2003, p. 117)

Dongwang Tibetan (Tibetic, Sino-Tibetan; SW China)

- (2) *tæ¹³ wə⁵⁵tə¹¹ts^hã³³ zi¹¹rə⁵⁵ zõ¹³ ŋa¹³ rə zi¹³ ga¹³ de si.*
then that time ADVS again 1SG TOP book like CONT know
'Then but at that time, I still liked studying.' (Bartee – 2007, p. 337-338)

Daai Chin (Kuki-Naga, Sino-Tibetan; W Myanmar)

- (3) *hnashen sun kyap ve.*
child DEM cry stay
'The child is crying.' (So-Hartmann – 2009, p. 265)

Vientiane Lao (Tai, Tai-Kadai; C Laos)

- (4) *nam⁵³ fo^t³⁵ ju:³³.*
water boil stay
'The water is boiling (now).' (Enfield – 2007, p. 187)

(B) *give* > *benefactive auxiliary* (Examples 5, 6, 7, 8)

Hokkaido Ainu (Ainuic; Hokkaido Island, N Japan)

- (5) *katkemat a-Ø-e-hotke usi*
housewife IND.ACT-3.ACT-at-lie_down place
Ø-Ø-kar wa Ø-i-kor-e.
3.ACT-3.OBJ-make and 3.ACT-IND.OBJ-**have-CAUS**[= give]
'The housewife prepared a sleeping place for me.' (Bugueva – 2012, p. 479)

Miyako Ryukyuan (Japonic; Okinawa Islands, S Japan)

- (6) *pampin-nu mut-i kss-i fi-ru.*
fritter-ACC hold-CVB come-CVB **give-IMP**
'Bring me some fritter!' (Pellard – 2010, p. 144)

Yangon Burmese (Lolo-Burman, Sino-Tibetan; C Myanmar)

- (7) *mìn mə-ʔà-yin ŋa θwà-pè-mɛ.*
2SG NEG-free-if 1SG go-**give-FUT**
'If you are not free, I will go for you.' (Jenny & Hnin Thun – 2016, p. 207)

Shan (Tai, Tai-Kadai; E Myanmar, N Thailand)

- (8) *yəm⁵⁵ pən²⁴ ʔit⁴² nuŋ³² cəŋ¹¹ lɛi³² nɛ¹¹.*
decrease **give** little_bit one Q get Q
'Can you reduce (the price) for (me) a little bit.'
(Shan conversation guide for Thai)

(C) *put/keep/throw/leave* > *completive auxiliary* (Examples 9, 10, 11, 12)

Seoul Korean (Koreanic; South Korea)

- (9) *phyo-lul mili sa noh-ass-e-yo.*
ticket-ACC in_advance buy.FIN **put-PST-FIN-POL**
'I bought the ticket in advance.' (Sohn – 1999, p. 387)

Tamil (Dravidian; S India, Sri Lanka, Malaysia, Singapore)

- (10) *avan vɛlai ceytu-viṭ-ṭ-ān.*
3SG.MASC work make-**put-PST-3SG.MASC**
'He already did the work.' (Shokker & Menon 1990 – 1984, p. 271)

Jinghpaw (Sal, Sino-Tibetan; N Myanmar)

- (11) *jìŋphòʔ-pəlɔŋ* *phún-dá-yàŋ* *gəday-mùŋ*
 Jinghpaw-dress wear-**put**-if who-also
màygàn-məèà-ŋú *ɛədùʔ-na* *ń-rê.*
 foreign-people- QUOT think-FUT NEG-be
 ‘If you wear Kachin dress, no one will notice that you are a foreigner.’
 (Kurabe – 2012, p. 146)

Green Hmong (Hmongic, Hmong-Mien; N Laos, N Thailand)

- (12) *pe*⁵⁵ *khaw*²¹⁴ *nya*⁴¹ *ca*³³.
 we keep money **keep**
 ‘We have saved our money.’ (Kunyot – 1984, p. 86)

(D) *see/look* > *attemptive auxiliary* (Examples 13, 14, 15, 16)

Dagur (Mongolic; Russian Far East)

- (13) *shii* *acaay-aa-saa* *xasoo-j* *uj* *kenee.*
 2SG father-REFL-ABL ask-CVB.IPF **see.IMP.2SG** PTCL
 ‘Just try to ask your father!’ (Tsumagari – 2003, p. 149)

Nivkh (Amuric; Russian Far East)

- (14) *if* *p‘rə-jnə-r* *ñu-d.*
 3SG come-DES/INCH-CVB:NAR:3SG **look-IND**
 ‘He tried (= made an effort) to come.’ (Nedjalkov & Otaina – 2013, p. 102)

Akha (Lolo-Burmese, Sino-Tibetan; SW China, E Myanmar, N Laos, N Thailand)

- (15) *mà* *kha* *hə.*
 NEG plant **see**
 ‘(S/he) has never tried planting.’ (Hansson – 2003, p. 246)

Hanoi Vietnamese (Vietic, Austroasiatic; N Vietnam)

- (16) *hãy* *nghĩ* *xem.*
 let’s think **see**
 ‘Let’s (try to) think (about it).’ (Vietnamese Bible translations)

(E) *get/take* > *capabilitive* (Examples 17, 18, 19, 20)

Uyghur (Turkic; E Kazakhstan, W China)

- (17) *Ürümchi-ge* *bar-ala-m-siz?*
 Ürümqi-DAT go-**take**-NEG-2PL
 ‘Are you able to go to Ürümqi.’ (Engesæth, Yakup & Dwyer – 2009, p. 201)

Cantonese (Sinitic, Sino-Tibetan; S China, Macau, Hong Kong)

- (18) *go*² *go*³ *daan*⁶ *taat*¹ *sik*⁶ *m*⁴ *sik*⁶ *dak*¹ *a*^{3?}
 that CLF egg tart eat NEG eat **get** Q
 ‘Can I eat that egg tart or not?’

Red Karen (Karenic, Sino-Tibetan; E Myanmar, N Thailand)

- (19) *ʔibe* *nì* *vā.*
 speak **get** sure
 ‘Sure, you can say (it).’ (Solnit – 1997, p. 133)

Kedah Thai (Tai, Tai-Kadai; NW Malaysia)

- (20) *k^hɛ:k⁴³* *mai⁴³* *kin³⁴³* *mu.⁴⁵³* *da:i²³*.
 Muslim NEG eat pork **get**
 ‘Muslims cannot eat pork.’ (Thongchuay – 1983, p. 373)

(F) *become* > *possibilitive auxiliary* (Examples 21, 22, 23, 24)

Solon Evenki (Tungusic; NE China)

- (21) *ebbesi-mi* *oo-dan*.
 swim-CVB.COOR **become-PTCP.PRS**
 ‘It is possible/permitted/expected to swim.’ (Tsumagari – 2009, p. 10)

Kyūshū Japanese (Japonic; SW Japan)

- (22) *kon* *un-nja* *annaga-dji* *ojoo-ŋa* *nar-an*.
 this ocean-TOP dangerous-GER swim-NOM **become-NEG**
 ‘You cannot swim in this ocean because it is dangerous.’
 (Matsumori & Onishi – 2012, p. 342)

Mon (Monic, Austroasiatic; Myanmar, Thailand)

- (23) *neəh* *pəh* *ləc* *mən* *hə* *lɛp*.
 3SG read book Mon NEG **become**
 ‘S/he cannot read Mon books.’ (Pancharoen – 1983, p. 128)

Saek (Tai, Tai-Kadai; NE Thailand, C Laos)

- (24) *luk³²* *ba:w³²* *tʰɔ:ŋ¹¹* *ci:³¹* *tʰra:w³¹* *ŋa:j³¹* *pʰal⁴⁵⁴*.
 child male eldest sister speak not_yet **become**
 ‘The son of (my) eldest sister cannot speak yet.’ (Morev – 1988, p. 42)

The terminologies for auxiliary functions presented above are largely adopted from the previous cross-linguistic survey by Anderson (Anderson – 2006, p. 372).

Despite the generalisation given above, the aforementioned source verbs in some languages might also have other specific grammaticalisation targets, which is not to be regarded as arbitrariness but regularity within cross-linguistic variation (Kuteva – 2004, §2.2). For instance, *be/sit/stand/stay* can also be used as a resultative auxiliary in a number of languages across this macro-area. Besides, word order of the auxiliaries (preverbal vs. postverbal) can also determine the semantics of the target of grammaticalisation. As observed in Lolo-Burman, Karenic, Monic and Tai languages (Jenny – 2015), *give* is used as a permissive auxiliary in the preverbal position but as a benefactive auxiliary in the postverbal position as in (7) and (8), while *get* functions as a completive auxiliary in the preverbal position but as a capability auxiliary in the postverbal position as in (19) and (20). Meanwhile, *get* is generally used in a number of Austroasiatic languages as a capability auxiliary only in a preverbal position, as in Lawa *pon hwet* [**get** come] ‘can come’. In any case, it is interesting that many languages, regardless of their word order type (head-initial vs. head-final), use the auxiliaries afore similarly in the postverbal position.

Also noteworthy is the observation that Sino-Tibetan and several Austroasiatic languages show similar grammaticalisation paths of these source verbs but use them mostly in the preverbal position. For instance, the progressive auxiliary derived from *be/sit/stand/stay* more frequently occurs in the preverbal position. Meanwhile, Yukaghir, Chukotko-Kamchatkan and Eskimo-Aleut languages have a stronger tendency of synthetic than analytic marking of aspect and modality and, thus, tend to prefer derivational affixation over AVC.

3. Discussion

Several aspects within the Asian parallelism in the postverbal AVCs can be discussed. Firstly, the observed similarities may imply a common cognitive pattern of verb chaining, i.e. the language-internally motivated “auxiliation” (Kuteva – 2004), which also occurs in areas other than Northeast and Southeast Asia. Consider, for instance, the functional extension of *be/stay* to a progressive auxiliary widely observed in South Asia, Caucasus and Western Europe, or even in languages in West Africa like Ewe (Heine – 1993, §3.6, cited in Kuteva – 2004, p. 7-9), as in (25).

Ewe (Kwa, Niger-Congo; Togo, SE Ghana)

- (25) *Kofi le xɔ (tu-) tu- m(e).*
 Kofi **be_at** house (build-) build(-NMLZ) **inside**
 ‘Kofi is in the house, inside the activity of building it.’
 > ‘Kofi is building a house.’ (Heine – 1993, p. 122)

(25) shows a semantic shift from locational to progressive expression. Nevertheless, the similar encoding on the language interface is more likely to have arrived from different mechanisms in the predominantly head-initial isolating and head-final agglutinative languages in Asia (see also Ansaldo, Bisang & Szeto – 2018).

Diachronically, the similar postverbal position of these auxiliaries must be understood from their multiverb proto-construction, in which each lexical verb expresses individual actions in sequence or simultaneity and together establish coherence with reference to a change of state, spatial dimension or purpose of the action (see also Kuteva – 2004, p. 7-9, Anderson – 2006, p. 331). Structurally, these individual verbs can have complementary adjuncts expressing such semantic roles as recipient, location, source and goal. Consider, for instance, Example (25) above and the following overtly explicated examples (26) and (27).

Bangkok Thai (Tai, Tai-Kadai; C Thailand)

- (26) *tʰam³³ kʰa:u⁵¹pʰat¹¹ wai⁵⁵ (nai³³ kʰruə³³) hai⁵¹ (kʰun³³)na⁵⁵.*
 make fried_rice put (in kitchen) give (2SG) PTCL
 ‘I make fried rice, put (in the kitchen), give (to you).’
 > ‘I have made fried rice for you.’

Seoul Korean (Koreanic; South Korea)

- (27) *pokkumpap mandul-e (ne-eykey) cw-e (pwuekh-ey) noh-ass-e.*
 fried_rice make-FIN (2SG-DAT) give-FIN (kitchen-LOC) put-PST-FIN
 ‘I make fried rice, give (to you), put (in the kitchen).’
 > ‘I have made fried rice for you.’

In (26) and (27), the adjuncts in parentheses ‘in the kitchen’ and ‘to you’ may be omitted by considering them as optional information, not essentially belonging to the core of the content verb phrase ‘to make fried rice’. Consequently, ‘to put’ and ‘to give’ without their optional adjuncts carry weaker lexical information and can be reanalysed as auxiliaries. In this auxiliation mechanism, languages with different word order typology, such as Thai and Korean, can arrive to a similar postverbal AVC construction through semantic abstraction of minor verbs in a clause.

Although one could argue for these parallels of postverbal AVCs as resulting from some sort of areal diffusion in Asia, the language-internal force cannot be neglected. Regarding also variation and an unequal distribution in many genealogically related languages (see the Appendix), the results of the present study more strongly suggest that these postverbal AVCs have primarily emerged under a common cognitive tendency, which was reinforced by the areal trend in Asia. Despite some obvious cases of structural borrowing of AVCs such as those from Japanese to

Hokkaido Ainu (see Bugaeva – 2012, p. 495), the language contact as a secondary factor does not exclusively account for but can reinforce the concretisation of pre-existing cognitive patterns on the language interface.

Abbreviations

1	1st person	DES	desiderative	NOM	nominative
2	2nd person	DUR	durative	OBJ	objective
3	3rd person	FIN	finite	PL	plural
ABL	ablative	FUT	future	POL	polite
ACC	actor	GER	gerund	PRS	present
ACT	actor	IMP	imperative	PST	past
ADVS	adversative	INCH	inchoative	PTCL	particle
CAUS	causative	IND	indicative	PTCP	participle
CLF	classifier	IPF	imperfective	Q	question
CONT	continuative	LOC	locative	QUOT	quotative
COOR	coordinative	MASC	masculine	REFL	reflexive
CVB	converb	NAR	narrative	SG	singular
DAT	dative	NEG	negative	TOP	topic
DEM	demonstrative	NMLZ	nominaliser		

References (in text)

1. Anderson G.D. Auxiliary verb constructions. Oxford, Oxford University Press, 2006.
2. Ansaldo U., Bisang W. & Szeto P.Y. Grammaticalization in isolating languages and the notion of complexity // Grammaticalization from a Typological Perspective. Oxford, Oxford University Press, 2018. P. 219-234.
3. Bugaeva A. Southern Hokkaido Ainu // The Languages of Japan and Korea. London, Routledge, 2012. P. 461-509.
4. Jenny M. The far West of Southeast Asia: ‘Give’ and ‘get’ in the languages of Myanmar // Mainland Southeast Asian Languages: The State of the Art. Berlin, Mouton de Gruyter. 2015. P. 155-208.
5. Kuteva T. Auxiliation: An enquiry into the nature of grammaticalization. Oxford, Oxford University Press, 2004.

Appendix: Postverbal auxiliary verbs in Northeast and Southeast Asia

Source verb		<i>be/sit/ stand/stay</i>	<i>give</i>	<i>put/keep/ throw/leave</i>	<i>see/look</i>	<i>get/take</i>	<i>become</i>
Target auxiliary		Progressive	Benefactive	Completive	Attemptive	Capablitive	Possiblitive
Turkic	Kazakh	<i>jatir-/otir-/tur-</i>	<i>ber-</i>	<i>tasta-</i>	<i>kör-</i>	<i>al-</i>	<i>bol-</i>
	Kyrgyz	<i>tur-</i>	<i>ber-</i>	<i>qoy-</i>	<i>qara-</i>	<i>al-</i>	<i>bol-</i>
	Uzbek	<i>yot-/otir-/tur-</i>	<i>ber-</i>	<i>qo`y-</i>	<i>ko`r-</i>	<i>ol-</i>	
	Uyghur	<i>yat-/oltur-/tur-</i>	<i>ber-</i>	<i>qoy-</i>	<i>kör-/baq-</i>	<i>-(y)Ala-</i>	
	Yakut	<i>sit-/olor-/tur-</i>	<i>bier-</i>	<i>käbis-</i>	<i>kör-</i>	<i>il-</i>	<i>buol-</i>
Mongolic	Khalkha	<i>bai-/suu-</i>	<i>ög-</i>	<i>orxi-/xay-</i>	<i>üz-</i>	<i>aw-</i>	<i>bol-</i>
	Buryat	<i>bai-</i>	<i>üge-</i>	<i>orxi-</i>	<i>xar-</i>	<i>aba-</i>	<i>bol-</i>
	Dagur	<i>aa-</i>	<i>ukw-</i>	<i>taly-</i>	<i>uj-</i>		<i>bol-</i>
	Santa	<i>sao-</i>	<i>ogi-</i>		<i>uzhe-</i>	<i>agi-</i>	<i>olu-</i>
TU	Solon Evenki	<i>bi-</i>	<i>büü-</i>	<i>nee-</i>	<i>isi-</i>		<i>oo-</i>
	Manchu	<i>bime</i>			<i>tuwa-</i>	<i>baha-</i>	<i>o-</i>

PA	Nivkh	<i>hum-</i>			<i>ñu-</i>	
	Ainu		<i>kor-e</i>	<i>anu/ari</i>	<i>inkar</i>	
	Korean	<i>iss-</i>	<i>cwu-/tuli-</i>	<i>noh-/peli-</i>	<i>po-</i>	<i>toy-</i>
Japonic	Japanese	<i>i-</i>	<i>yar-/age-/kure-</i>	<i>shima(w)-/ok-</i>	<i>mi-</i>	<i>e-/u- nar-</i>
	Amami Ryukyuan	<i>ur-</i>	<i>kurir-</i>	<i>uk-</i>	<i>mi-</i>	<i>nar-</i>
	Miyako Ryukyuan	<i>ur-</i>	<i>fii-</i>	<i>usk-</i>	<i>mii-</i>	<i>nar-</i>
	Yaeyama Ryukyuan	<i>bir-</i>	<i>h(ir)-</i>	<i>sik-</i>	<i>mir-</i>	<i>nar-</i>
Sino-Tiberan	Mandarin					<i>dé</i>
	Shanghainese					<i>təʔl</i>
	Cantonese					<i>dak</i> ¹
	Lhasa Tibetan	<i>bsdad /tãʔ/</i>		<i>bzhag /šaʔ/</i>		
	Dongwang Tibetan	<i>de</i> ³³	<i>te</i> ⁵³			
	Jinghpo	<i>to/ŋà</i>	<i>ya</i>	<i>dá</i>	<i>yu</i>	
	Daai Chin	<i>ve</i>	<i>pee:t/pe</i>			
	Akha	<i>djɔ́</i>			<i>hɔ</i>	
	Burmese	<i>nèi</i>	<i>péi</i>	<i>tʰá</i>	<i>cǐ</i>	<i>yá</i>
	Red Karen		<i>pè</i>		<i>mé</i>	<i>nì</i>
IND	Hindi-Urdu	<i>rahnā</i>	<i>denā</i>	<i>chorānā</i>		<i>lenā</i>
	Tamil		<i>koṭu-</i>	<i>viṭ-</i>		<i>koḷ-</i>
HM	Green Hmong		<i>crua</i> ³³	<i>ca</i> ³³		<i>tau</i> ³³
	Iu Mien	<i>yiem</i>	<i>pun</i>			<i>tuqv</i>
Tai-Kadai	Kam	<i>to</i> ³²³	<i>hai</i> ¹¹		<i>naŋ</i> ²³	<i>li</i> ³²³
	Saek	<i>ju</i> ¹¹	<i>hɜ</i> ³¹	<i>ku</i> ³¹		<i>dai</i> ³¹ <i>pʰal</i> ⁴⁵⁴
	Tai Aiton	<i>ju</i> ³³	<i>hai</i> ³¹	<i>wai</i> ³¹		<i>nai</i> ³¹ / <i>dai</i> ³¹
	Lao	<i>ju</i> ³³	<i>hai</i> ³¹	<i>wai</i> ⁵³	<i>du</i> ¹³	<i>dai</i> ⁵³ <i>pen</i> ¹³
	Thai	<i>ju</i> ¹¹	<i>hai</i> ⁵¹	<i>wai</i> ⁵⁵	<i>du</i> ³³	<i>dai</i> ⁵¹ <i>pen</i> ³³
Austroasiatic	Danau		<i>v</i>			<i>bĩ</i>
	Vietnamese		<i>cho</i>		<i>xem</i>	<i>đượс</i>
	Chong				<i>dū:</i>	<i>ʔi.n</i>
	Mon	<i>mɔ̀ŋ</i>	<i>kɔ</i>	<i>ɔpʔ</i>		<i>kɔ̀ʔ/ket</i> <i>lɛ̀p</i>
	Khmer		<i>ʔaoy</i>			
AN	Hainan Cham	<i>ti</i> ²¹	<i>pʰa</i> ³³			<i>hu</i> ³³
	Urak Lawoiʔ		<i>bri</i>			<i>beləh</i>
	Pattani Malay			<i>tarɔh</i>		

AN = Austronesian; HM = Hmong-Mien; IND = languages of India; PA = Paleo-Asiatic; TU = Tungusic

ОСОБЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА

The article is devoted to the characteristic of Vietnamese youth slang. Currently, youth slang has significantly expanded the scope of its functioning. The most productive ways to replenish the lexical composition of Vietnamese youth slang are the semantization of existing lexical units, changing their phonetic and graphic appearance, abbreviation, language game, the appearance of new lexical units, the formation of a new youth phraseology. English-language borrowings are also extremely widespread in the language of young people.

Глобальные изменения в социально-экономической, научно-технической и информационно-коммуникационной сферах жизни вьетнамского общества в конце прошлого столетия способствовали демократизации языковой системы вьетнамского языка. В частности, значительно расширил область своего функционирования молодежный сленг как наиболее динамичная часть лексической системы языка. В настоящее время наблюдается тенденция все более широкого использования молодежного сленга в средствах массовой информации – в периодической печати, радиовещании, телевизионных программах и особенно в сети Интернет.

Среди исследователей существуют различные точки зрения на проблему выделения сленга из ряда других социальных вариантов языка, таких как жаргон, арго, профессиональная речь, просторечие. Широко распространено мнение о тождестве понятий сленг и жаргон, в то же время имеются многочисленные попытки определить сленг как подсистему, генетически и функционально отличную от жаргона, арго и т.д., и, соответственно, не содержащую жаргонизмов, арготизмов, профессионализмов и диалектизмов. На практике очень трудно дифференцировать сленг и близкие с ним лексические слои – жаргонизмы, арготизмы, профессионализмы, поскольку они находятся в постоянном движении и активно взаимодействуют друг с другом. Во вьетнамском языкознании принят термин *tiếng lóng* – сленг, жаргон. По нашему мнению, вьетнамские исследователи не проводят четкой границы между этими терминами. Наиболее заметным исследованием, посвященным современному вьетнамскому жаргону, является работа Нгуен Ван Кханга «*Tiếng lóng Việt Nam*» («Вьетнамский жаргон»), представляющая собой словарь жаргона (приблизительно 1600 словарных статей) со вступительной частью, в которой дается характеристика особенностей вьетнамского жаргона (сленга), история его изучения, терминология и классификация, рассматриваются некоторые разновидности и способы формирования сленга (Nguyễn Văn Khang – 2001). В последние годы опубликован ряд статей, посвященных различным аспектам языка вьетнамской молодежи. Тема молодежного сленга затрагивается и в довольно многочисленных публикациях средств массовой информации.

Причины появления и распространения молодежного сленга – яркого, экспрессивно окрашенного динамичного слоя языка, – это стремление молодежи к речевой выразительности, новизне, экспрессивности, оригинальности речи, краткости и экономии речевых средств, демонстрация юмористического отношения к предметам и явлениям действительности, желание выделиться, протест против чрезмерной заформализованности речи, речевых штампов, привычного словоупотребления, а также своеобразное следование языковой моде.

Лексический состав вьетнамского молодежного сленга включает в себя сленговые слова и выражения, а также аббревиатуры и устойчивые единицы. Основными, наиболее продуктивными способами пополнения лексического состава вьетнамского молодежного сленга являются лексико-семантический способ и иноязычные заимствования. По форме

образования сленговой лексики можно выделить следующие типы: *А*) переосмысление существующих лексических единиц литературного языка и использование их с обновленной семантикой. Например: *gấu* (медведь) – девушка, любовница, жена; *thính* (приманка для рыбы), *thả thính* (забрасывать приманку для рыбы) – флиртовать, заигрывать, завлекать; *chất* (качество) – хорошо, хороший; *áo mưa* (плащ) – презерватив; *xếp hình* (складывать фигуры) – заниматься сексом. Часто сленговая лексика образуется путем метафоризации: *hai lưng* (две спины) – плоская, с маленькой грудью (о женской фигуре). *Б*) Изменение фонетического и графического облика существующих лексических единиц: *biết* (знать) – *bít*, *chết* (умереть) – *chít*, *thích* (нравиться) – *thik*, *yêu* (любить) – *iu*, *tình yêu* (любовь) – *tênh iu*, *nhều* (много) – *nhìu*, *quen* (знакомый) – *wen*, *quá* (очень, слишком) – *wa*, *trời ơi* (о боже) – *trùi ui*, *luôn luôn* (всегда) – *lun lun*, *rồi* (уже) – *goài*, и т. п. *В*) Сокращение, аббревиация: *ntn* – *nư thế nào* (как), *sn* – *sinh nhật* (день рождения), *hnaу* – *hôm naу* (сегодня), *m* – *mày* (ты), *t* – *tao* (я), *cg* – *cũng* (также), *GATO* – *ghen ăn tức ở* (завидовать, завистливый), *AHBP* – *anh hùng bàn phím* (герой клавиатуры, диванный эксперт), *COCC* – *con ông cháu cha* (дети из богатых и влиятельных семей, мажоры). *Г*) Игра слов, омонимия: *đường Hà Đông quá* – на улице многолюдно (игра слов: *Đông* в названии района Ханоя омонимично слову *đông* «многолюдно»); *chí phí Cấm ru chia* – расходы поровну, в складчину (слог *chia* в названии Кампучия омонимичен слову *chia* «делить»); *chớ Hồng Lâu Mộng* – не мечтай (компонент *mộng* «сон, мечта» в названии романа «Сон в красном тереме» означает также «грезить, мечтать»), и т. п. *Д*) Новые либо не употреблявшиеся самостоятельно в литературном языке лексические единицы: *chảnh* – надменный, *toang* – крах, конец, все пропало, *hem* – нет, *suong suong* – чуть-чуть, слегка.

Среди молодежи в последнее время стало популярным использование особой молодежной фразеологии. Это новые устойчивые выражения, а также шуточные трансформы (переделки) традиционных паремий и фразеологизмы (особенно устойчивые сравнения)-бессмыслицы, основанные исключительно на фонетических принципах и парадоксальности образа сравнения. Например: *một con ngựa đau, cả tàu được ăn thêm cỏ* «одна лошадь заболела – всей конюшне достанется больше травы» (исходная поговорка: *một con ngựa đau, cả tàu bỏ cỏ* «одна лошадь заболела – вся конюшня отказывается от травы); *khỏ như con hổ* «тяжело, как тигр» мучаться, страдать; *ghét như con bọ chét* «ненавидеть, как блоха» ужасно ненавидеть.

Другим мощным источником пополнения лексического состава вьетнамского молодежного сленга являются иноязычные заимствования. В подавляющем большинстве это заимствования из английского языка, имеется также относительно небольшая часть заимствований из китайского и корейского языков. Причины своеобразной англизации речи вьетнамской молодежи в основном сходны с аналогичными процессами, происходящими во многих других языковых сообществах. Это глобализация, преобладающая роль английского языка в мировом лингвистическом коммуникационном пространстве, ускоренный темп развития информационных технологий, необходимость номинации новых предметов и явлений, социально-психологическая ориентация на престижность западного, в частности американского образа жизни, мощное влияние американского кинематографа и поп-культуры. Во Вьетнаме в последнее время английский язык является необходимым условием социальной и экономической мобильности. Английский язык изучается во Вьетнаме повсеместно начиная с детского сада, его знание модно и престижно.

Англоязычные заимствования во вьетнамском молодежном сленге в последнее время приобрели лавинообразный характер, увлечение англицизмами стало своеобразной модой. Лексико-семантические группы заимствованных сленговых единиц отличаются многообразием. Это в первую очередь такие семантические поля, как «человек», «отношения полов», «внешность», «досуг», «компьютерная техника», «Интернет», «поп-культура», «вредные привычки», общая лексика. Подавляющее большинство английской лексики заимствуется в неизменном виде, с сохранением оригинального графического и фонетического облика

исходной единицы: online, blog, game, laptop, save, format, friend, copy, share, hack, hot, netizen, idol, makeup, fashion show, bra-top, shop, sale, party, cute, hi, bye-bye, и т.д. Заимствуются сокращения и аббревиатуры: bro (от brother) – брат (обращение к близкому человеку); pro (от professional) – профессионал, профи; asap (as soon as possible) – как можно скорее, OMG (oh my god) – о боже мой. Часть заимствований подвергается фонетической адаптации: *sâu bít* – showbiz, *sì ta tót* – status, *xì tin/xì tai* – style, *le vô* – level, *ních* – nick, *tha thu* – tattoo. Во вьетнамском молодежном сленге существуют смешанные буквенно-цифровые единицы, основанные на омофонии либо фонетическом сходстве, например: 2! Привет! (числительное 2 по-вьетнамски звучит «hai»), 2-Tech хайтэк, G9 (good night) спокойной ночи, G92U спокойной ночи тебе, 2moro (tomorrow) завтра, 2day сегодня, CU29 (see you tonight) до встречи вечером, и т.п. Англоязычные заимствования часто употребляются в разговорной речи молодежи, в молодежных передачах и изданиях в оригинальной графической форме и фонетической оболочке. Например: *sorry bạn* (извини), *Ok thầy* (хорошо, учитель), *thank you anh* (спасибо тебе), *sorry anh*, *em forget mất* (извини, я забыла), *bye nhé* (пока!), áo *cute quá* (миленькая кофточка), *anh ấy handsome thật* он настоящий красавчик; *những concert ngoài trời* уличные концерты, *xem phim mà không cần sub* смотреть фильм без субтитров, *shopping vào đúng dịp sale* заниматься шопингом в период распродаж, *các shopaholic* hãy chuẩn bị hầu bao shopоголики, *preparation* để sẵn sàng để đi chơi, и т.д.

Некоторое количество сленговой лексики молодежи пришло из популярных южнокорейских и китайских сериалов и любовных романов, например: oppa (Ông Pa) – обращение девушки к старшему брату, к любимому, жены – к мужу, а также именование любимых артистов или поп-исполнителей, *sặc* – возглас удивления, *soái ca* – красавчик, красавец-мужчина, возлюбленный.

Вьетнамский молодежный сленг постоянно расширяет сферу своего употребления, характеризуясь общеизвестностью и широкой употребительностью. Экспансия молодежного сленга по-разному оценивается вьетнамским социумом: одни считают его засоряющим язык слоем лексики – особенно это касается многочисленных англицизмов – и призывают к борьбе за чистоту вьетнамского языка, другие отмечают важную роль сленга в обогащении словарного состава и повышении экспрессивной выразительности языка. Вьетнамский молодежный сленг представляет собой интереснейшее, многоплановое и противоречивое лингвистическое явление, нуждающееся в дальнейшем осмыслении и изучении.

Литература

1. *Mai Xuân Huy*. Bàn về ngôn ngữ mạng tiếng Việt // *Ngôn ngữ*, số 12, 2018, p. 42-57.
2. *Nguyễn Văn Hiệp, Đinh Thị Hằng*. Thực trạng sử dụng tiếng Việt “phi chuẩn” của giới trẻ hiện nay nhìn từ góc độ ngôn ngữ học xã hội // *Ngôn ngữ và đời sống*, số 5, 2014, p. 1-10.
3. *Nguyễn Văn Khang*. Tiếng lóng Việt Nam. Nhà xuất bản Khoa học xã hội. Hà Nội, 2001.
4. *Vũ Thùy Linh, Nguyễn Thị Hải Thu*. Sự “biến dạng” của tiếng Việt trong ngôn ngữ giới trẻ // *Ngôn ngữ và đời sống*, số 11, 2014, p. 95-97.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

This article is devoted to the means of expressing the spatial deixis in modern Chinese language. Much attention is given to Chinese basic direction motion verbs “来” and “去” which play a crucial role in a communication situation. These verbs have a deictic component and may act as modifiers, pointing to the place in which the speaker is located or in which he imagines himself.

Человек во все времена отождествлял себя со всем, что он воспринимает. При общении с другими людьми он выражает свое отношение к ситуации, в которой находится, опираясь на вербальные и невербальные средства коммуникации. В естественных языках такое эгоцентрическое индивидуальное восприятие воплощается с помощью определенных референциальных средств. Сложно представить себе речевой акт, не содержащий ни единого эгоцентрического элемента. В любом языке можно найти классы слов, выступающих как универсальные референциальные средства: местоимения (*я – ты, этот – тот*), местоименные наречия (*здесь – там*), наречия (*сюда – туда, далеко – близко*), прилагательные (*верхний – нижний, передний – задний*) и т.д. Наряду с универсальными способами соотношения высказывания с различными прагматическими факторами в языках существуют свои способы и средства, отличающиеся большим разнообразием и отражающие национальную специфику концептуализации мира и актуализации представлений человека о ситуации, в которой он находится. Именно поэтому важно выявить лингвоспецифичные, свойственные конкретному языку референциальные средства, лежащие на стыке лексики, грамматики и прагматики.

Рассматриваемый в данной статье пространственный дейксис, также являющийся одним из эгоцентрических элементов языка, представляет собой лишь малую часть набора референциальных средств современного китайского языка (СКЯ). В этой сфере необходимо отметить большой вклад Тань Аошуан, которая анализировала пространственный дейксис в связи с употреблением направительных морфем □ *lái* и □ *qù*, однако комплексных описаний пространственно-дейктической системы СКЯ до сих пор, насколько нам известно, представлено не было. Настоящий доклад призван восполнить этот пробел, выявив и описав лингвоспецифичные черты элементов пространственного дейксиса в СКЯ.

Любой речевой акт предполагает наличие двух главных участников (так называемых *локуторов*), места и времени осуществления речевого акта. Локуторами выступают говорящий (тот, кто порождает высказывание) и адресат (тот, к кому данное высказывание обращено). Согласно Ю.Д. Апресяну, физическое местонахождение говорящего не является единственным определяющим фактором при выборе им дейктического компонента (подробнее см. ниже) (Апресян – 1986). В большинстве случаев говорящий, неосознанно определяющий себя как ориентир, ведёт отсчёт времени и пространства (ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС) от самого себя. Выбранный им дейктический компонент будет каждый раз соотноситься с новыми объектами и ситуациями.

В основе пространственного дейксиса лежит противопоставление ближнего по отношению к говорящему объекта дальнему (*здесь – там*). С точки зрения указания на степень удалённости в большинстве языков мира функционирует двухчленная дейктическая система, рассматриваемая в качестве универсальной, обнаруживаются также трёхчленная (современные финно-угорские, дардские, некоторые кавказские языки и др.) и четырёхчленная (ненецкий) системы. Также существуют языки, в которых указательные местоимения

противопоставлены по степени удалённости по разным направлениям от говорящего (дагестанская группа кавказских языков, язык американских эскимосов и др.) (Майтинская – 1964).

В рамках пространственного дейксиса выделяют «место говорящего» (*speaker's place*), «денотативное пространство» (*denotation space*), т.е. пространство, которое говорящий обозначает дейктическим элементом; и «точку отсчёта в пространстве» (*reference space*), т.е. пространство, относительно которого определяется денотативное пространство (Enrich – 1982). Денотативное пространство совпадает с конечной точкой действия (КТД), а точка отсчёта в пространстве – с начальной точкой действия (НТД). Ю.Д. Апресян также выделяет «место наблюдателя», которое в большинстве случаев совпадает с «местом говорящего». Редкие случаи их несовпадения характеризуются использованием специфических дейктических слов. В качестве примера можно привести английский эгоцентрический глагол движения *come*. В высказывании *John will come home at five* 'Джон придёт домой в пять' говорящий указывает на место, в котором будет находиться адресат (наблюдатель), когда туда придёт Джон. Сам говорящий, возможно, будет находиться в это время в другом месте (Апресян – 1986).

В китайском языке пространственный дейксис представлен:

- двухчленной системой указательных местоимений 这 *zhè* 'этот' и 那 *nà* 'тот';
- особым подклассом локативных существительных 上面 *shàngmian* 'наверху', 下面 *xiàmian* 'внизу', 左面 *zuǒmian* 'слева', 右面 *yòumian* 'справа', 前面 *qiánmian* 'впереди', 后面 *hòumian* 'позади', 里面 *lǐmian* 'внутри', 外面 *wàimian* 'снаружи', 旁边 *pángbiān* 'рядом', 周围 *zhōuwéi* 'поблизости, вокруг';
- прилагательными 远 *yuǎn* 'далёкий', 近 *jìn* 'близкий', 附近 *fùjìn* 'поблизости, неподалёку';
- местоимениями 这里 *zhèlǐ* 'здесь' и 那里 *nàlǐ* 'там';
- модификаторами 来 *lái* и 去 *qù*.

В китайском языке, как и во многих других, указательные местоимения 这 *zhè* 'этот' и 那 *nà* 'тот' дают отсылку к объектам в зависимости от их положения относительно говорящего. 这 *zhè* 'этот' указывает на объект в непосредственной близости от говорящего, 那 *nà* 'тот' – на объект, расположенный на некотором, относительно отдалённом от говорящего расстоянии.

(1) 几件衣服都不能穿了, 这件夹克领子破了, 那件毛料上衣被洗衣店熨坏了。

Jǐjiàn yīfu dōu bù néng chuān le, zhèjiàn jiǎkè lǐngzi pò le, nàjiàn máoliào shàngyī bèi xǐyīdiàn yùnhuài le

'Некоторые вещи уже нельзя носить, у этого пиджака испорчен воротник, то шерстяное пальто прожгли утюгом в химчистке'.

Помимо дейктической функции, указательные местоимения 这 *zhè* 'этот' и 那 *nà* 'тот' выполняют и анафорическую, т.е. дают отсылку к ранее упомянутому объекту:

(2) 如果一件事与众人有关, 围绕这件事就会形成多维有效的关系, 这些关系同样真实而必须一视同仁。

Rúguǒ yījiàn shì yǔ zhòng rén yǒuguān, wéirào zhèjiàn shì jiùhuì xíngchéng duōwéi yǒuxiàode guānxi, zhèxiē guānxi tóngyàng zhēnshí ér bìxū yīshìtóng rén

'Если какое-либо дело касается большого количества людей, то вокруг этого дела будут формироваться разносторонние полезные связи, эти связи в равной степени истинны и требуют беспристрастного к себе отношения'.

Указательные местоимения 这里 *zhèlǐ* 'здесь' и 那里 *nàlǐ* 'там', помимо указания на «это место» или «то место», реализуют свою указательную функцию и обязательны в предлож-

ных группах с 从 *cóng* ‘от, из’ и 在 *zài* ‘в’ после слов, обозначающих лицо, для указания на место (дом или местонахождение этого лица):

(3) 她的电报在我这儿，还不知道。

Tāde diànbào zài wǒ zhèr, hái bù zhīdào

‘Её телеграмма у меня [здесь], [она] ещё не знает’.

(4) 他也许从妈妈那儿了解到爸爸娶了新娘。

Tā yěxǔ cóng māma nàr liǎojiědào bàba qǔle xīnniáng

‘Возможно, он узнал от мамы [оттуда], что отец женился’.

В дейктической системе СКЯ эгоцентрические пространственные характеристики передаются также такими словами, как – 附近 *fùjìn* ‘поблизости, неподалёку’ и 周围 *zhōuwéi* ‘поблизости, вокруг’. В ряде контекстов они могут быть взаимозаменяемы, однако 附近 *fùjìn* ‘поблизости, неподалёку’ включает в себя семантический компонент ‘отсутствие объекта в поле зрения говорящего’, тогда как 周围 *zhōuwéi* ‘поблизости, вокруг’ предполагает ‘наличие множества объектов, расположенных вокруг говорящего и в поле его зрения’. Ср.:

(5) 附近有没有邮局?

Fùjìn yǒuméiyǒu yóujú

‘Поблизости есть почта?’

(6)*周围有没有邮局?

Zhōuwéi yǒuméiyǒu yóujú

*‘Вокруг есть почта?’

(7) 周围这几座房子都要拆。

Zhōuwéi zhèjǐzuò fángzi dōu yào chāi

‘Эти дома вокруг все подлежат сносу’.

(8) 附近这几座房子都要拆。

Fùjìn zhèjǐzuò fángzi dōu yào chāi

‘Эти дома поблизости подлежат сносу’.

(9) 附近几座房子都要拆。

Fùjìn jǐzuò fángzi dōu yào chāi

‘Дома поблизости подлежат сносу’.

В (5) речь идёт об одном объекте, а не о множестве, к тому же говорящий этого объекта не видит. В (8), (9) фраза становится грамматичной после исключения из неё дейктического слова 这 *zhè* ‘этот’ (Тань – 2004).

Как отмечает Тань Аошуан, в СКЯ прилагательное 远 *yuǎn* ‘далёкий’ не может сочетаться с ориентирами 上面 *shàngmian* ‘наверху’ и 下面 *xiàmiàn* ‘внизу’, так как «в китайском языковом сознании дистанционная оценка “далеко” ассоциируется с путём, а не расстоянием, лежащим между двумя точками», а понятие 远 *yuǎn* ‘далеко’, как и абсолютные показатели 远处 *yuǎnchù*, 远方 *yuǎnfāng* ‘вдали’ привязаны к объектам, расположенным вокруг говорящего, которые «простираются исключительно на горизонтальной плоскости».

Поэтому русское *далеко внизу* или *далеко наверху* при переводе на китайский будет передаваться с помощью других лексем, художественных приёмов (сравнения, метафоры) или ситуативно. Вот один из ярких примеров китайского перевода фразы «Далеко внизу забегали люди по тротуару...» из «Мастера и Маргариты»:

(10) 下面（隐约）可以看到人行道上（像蚂蚁似）行人乱跑起来了……

Xiàmiàn (yǐn yuē) kěyǐ kàndào rénxíngdàoshang (xiàng mǎyǐ sì) xíng rén luàn pǎo qǐlái le

Букв. ‘Внизу (едва видно), как по тротуару забегали пешеходы (похожие на муравьев)’ (Тань – 2004).

Особенностью китайского языка является указание на положение говорящего при отсутствии явных показателей (к примеру, указательных местоимений) с помощью специальных

слов, формирующих дейктическую оппозицию – 来 *lái* и 去 *qù*. Китайский глагол 来 *lái* обладает значением «идти (ехать) + сюда», глагол 去 *qù* означает «идти (ехать) + туда», соответственно, 来 *lái* указывает на направление в сторону говорящего, 去 *qù* – от говорящего. Они могут выступать как самостоятельные глаголы направления движения, так и модификаторами. Ср:

(11) 他来了。

tā lái le

‘Он пришёл’.

(12) 他跑来了。

tā pǎolái le

‘Он прибежал (сюда)’.

В (12) глагольная основа 跑 *pǎo* ‘бегать’ выражает способ перемещения объекта, а модификатор 来 *lái* – направление к говорящему.

Выступая в качестве модификаторов, 来 *lái* и 去 *qù* образуют сложное направительное сочетание – простой дополнительный элемент направления (简单趋向补语 *jiǎndān qūxiàng bǔyǔ*; сокр. ПДЭН) – в сочетании с группой глаголов направления движения: 上 *shàng* ‘подниматься’, 下 *xià* ‘спускаться’, 进 *jìn* ‘входить’, 出 *chū* ‘выходить’, 回 *huí* ‘возвращаться’, 过 *guò* ‘проходить через’, 起 *qǐ* ‘подниматься, отрываясь от поверхности’ и 开 *kāi* ‘отделяться’. Последние восемь глаголов образуют систему пространственно ориентированных направительных морфем (НАП-М) – 上 *shàng* ‘верх’, 下 *xià* ‘низ’, 进 *jìn* ‘внутри’, 出 *chū* ‘наружу’, 回 *huí* ‘обратно’, 过 *guò* ‘мимо, через’, 起 *qǐ* ‘кверху’ и 开 *kāi* ‘в разных направлениях’. В ПДЭН НАП-М выполняют функцию локатива, указывая на положение объекта в пространстве (верх, низ и т.п.), или указывают направление, а модификаторы 来 *lái* и 去 *qù* указывают направление относительно говорящего:

(13) 我又尖叫了一声: »别过来! «

wǒ yòu jiānjiàole yīshēng: «Bié guò lái!»

‘Я снова завизжал: «Не подходи [ко мне]!»’

ПДЭН, в свою очередь, может входить в состав сложного дополнительного элемента направления (复合趋向补语 *fùhé qūxiàng bǔyǔ*; сокр. СДЭН). СДЭН состоит из трёх элементов: глагольная основа (способ перемещения) + НАП-М + 来 *lái* / 去 *qù*. К примеру, 跳 *tiào* ‘прыгать’ + 出 *chū* ‘наружу’ + 来 *lái* ‘выпрыгнуть’ (говорящий находится снаружи), 放 *fàng* ‘класть’ + 上 *shàng* ‘верх’ + 去 *qù* ‘положить наверх’ (говорящий внизу) и т.п. Если дополнение выражено обстоятельством места, то оно помещается между НАП-М и конечным модификатором:

(14) 乔晖走进办公室来, 替我拿起外套。

Qiáo Huī zǒujìn bàngōngshì lái, tìwǒ náqǐ wàitào

‘Цяо Хуэй вошёл в кабинет и взял мой плащ’.

(15) “先等我一会儿。”阿尔赛斯特说着跑进屋里去了。

Xiān děng wǒ yīhuìr. Āěrsàisītè shuōzhe pǎojìn wūlǐ qu le

“Подожди меня немного”, – сказал Ольстер, забегая в комнату’.

В обоих случаях положение говорящего совпадает с положением наблюдателя. В (14) дейктический центр находится внутри кабинета и совпадает с КТД. В (15) дейктическим центром выступает внешняя часть комнаты, которая соответствует НТД. Из этих примеров видно, что при наличии 来 *lái* положение наблюдателя совпадает с КТД, при наличии 去 *qù* – с НТД.

В рамках определения ориентира движения существует субъективное и объективное определение. В первом случае ориентир задаётся самим говорящим, во втором – ориентир является заранее обозначенным, определённым.

(16) 我向爸爸跑过去/来, 该流泪的时候却没有眼泪。

Wǒ xiàng bàba pǎoguòqu / lai, gāi liúlèide shíhou què méiyǒu yǎnlèi

‘Я подбежал к отцу, но слёз, которые должны быть в подобной ситуации, так и не было’.

(17) “李先生, 我就是前来找您商量进货的。”

Lǐ xiānsheng, wǒ jiùshì qiánlái zhǎo nín shāngliáng jìn huò de

“Господин Ли, я давеча приходил к вам обсудить поставку товара”.

В (16) говорящий сам определяет ориентир, делая акцент на НТД (точка старта) с помощью 去 *qù* или на КТД (место, где находится отец) с помощью 来 *lái*. В (17) мы видим яркий пример отражения азиатской национальной специфики на выборе говорящим ориентира, который предопределяется уважительным отношением к адресату.

Встречаются случаи, когда КТД и НТД перемещающегося в пространстве субъекта не совпадают ни с положением говорящего, ни с положением адресата. Оба участника речевого акта не участвуют в процессе движения и являются сторонними наблюдателями. Допустим, что некие Сяо Ван и Сяо Ли оба находятся в Шанхае и обсуждают Чжан Саня, который из Пекина уехал в Ухань. Уточняя информацию о перемещениях Чжан Саня, Сяо Ван спросит у Сяо Ли:

(18) 张三从哪儿到武汉去的?

Zhāngsān cóng nǎr dào Wǔhàn qù de

‘Откуда Чжан Сань поехал в Ухань?’

И получит от Сяо Ли следующий ответ:

(19) 张三是从北京去的。

Zhāngsān shì cóng Běijīng qù de

‘Чжан Сань поехал из Пекина’.

Несмотря на несовпадение положения Чжан Саня с положениями Сяо Вана и Сяо Ли в диалоге будет использован модификатор 去 *qù*, задающий НТД, которая, как мы видим из примеров (18) и (19), не всегда может совпадать с положением говорящего (Шэнь – 2014). В данном примере акцент делается на субъекте движения, который перемещается в направлении заранее определённого, объективного ориентира (Ухань).

При иррелевантности положения наблюдателя и перемещении самого говорящего по умолчанию используется модификатор 来 *lái*:

(20) 那一次我是去找老板借一把大刷子, 我在那作坊里站了几分钟, 感到头晕, 老板就扶着我出来了。

Nà yīcì wǒ shì qù zhǎo lǎobǎn jiè yībǎ dàshuāzi, wǒ zài nàzuò fānglǐ zhànle jǐ fēnzhōng, gǎndào tóuyùn, lǎobǎn jiù fúzhe wǒ chūlái le

‘В тот раз я пошёл к начальнику за большой щёткой, постоял в мастерской пару минут, и у меня закружилась голова. Начальник вывел меня на улицу, поддерживая под руку’.

В китайском языке представлен широкий спектр элементов пространственного дейктика. Помимо распространённых во многих языках указательных местоимений, особых классов прилагательных, существительных и наречий, обладающих дейктической семантикой, в СКЯ особый интерес представляют глаголы направления движения 来 *lái* ‘приходить’ и 去 *qù* ‘уходить’, которые могут играть роль модификаторов и входить в состав более сложных направительных сочетаний, реализуя таким образом свою дейктическую функцию, т.е. предоставляя дополнительную прагматическую информацию о месте, в котором говорящий мыслит себя или наблюдателя. Мы выяснили, что семантика модификаторов 来 *lái* и 去 *qù* не ограничивается указанием на направление движения по отношению к говорящему. Кроме этого, также важно учитывать положение говорящего относительно субъекта движения, отношение говорящего к адресату и его вовлечённость в процесс этого движения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика и информатика, вып. 28. 1986, с. 5-33.
2. Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. 308 с.
3. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 231 с.
4. V. Enrich. 'Da' and Spatial Deixis in German // Here and There, 1982. P. 43-63.
5. 沈雪. 地点指示“来”、“去”的语用意义浅析 // 教育教学论坛, 2014年第52期 | Шэнь Сюэ. Краткий анализ прагматического значения элементов пространственного дейксиса ‘来’, ‘去’ // Образовательный форум. 2014. №52.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЛЕКСЕМЫ *МИНА/МИННА* «ВСЕ» (на основе корпусных данных японского языка)

Аннотация

Using Written Japanese language corpus we study cases of usage of the word *mina/minna* “all” to examine which part of speech it belongs to. Usage cases confirm combination of noun and adverb features in one and the same word.

Лексема *мина* (вариант произношения и написания – *минна*) «все, всё», как правило, рассматривается как наречие. И. В. Головнин относит его к количественным приакцидентным наречиям со значением обобщённости (собирательности) (Головнин – 1986, с. 214-215), С. В. Чиронов – к наречиям с дистрибутивным значением (Чиронов – 2018).

Действительно, в «Сбалансированном корпусе современного японского письменного языка» 現代日本語書き言葉均衡コーパス *Гэндай нихонго какикотоба кинто*: *ко:пасу* (<https://chunagon.ninjal.ac.jp/>, временной охват: 1972-2008, жанровый охват: литература, журналы, газеты, справочники, блоги, объявления в сети Интернет, учебники, законы) обнаружилось 2560 случаев употребления *мина* непосредственно перед глаголом, где эта единица выполняет обстоятельственную функцию, хотя, строго говоря, однозначно отнести *мина* к наречиям можно только в тех примерах, где при том же предикате имеется не эллидированное подлежащее или дополнение:

Конна моно, минна мояситэ яру. «Да я всё это сожгу, вот увидите!» (Симэй Ко *Икиру кото-но ими* «Смысл жизни», 1974, в корпусе цитируется издание 1986 г. – далее в виде 1974/1986).

В этом примере глагольное словосочетание *мояситэ яру* «сожгу, вот увидите» имеет прямое дополнение *моно* «вещь, предмет» (в разговорной речи допускается эллипсис некоторых падежных показателей, в том числе показателя прямого дополнения – винительного падежа *-о*), в то время как *мина* вносит количественное/дистрибутивное значение («сожгу это **всё**»).

Ни:-сан тати ва минна хиккураикаэсу дзо-ттэ, вакаттэтан дэс. «Я знал, что брат с друзьями всё перевернут» (автор неизвестен, перевод Митио Иитоё, *Сэкай-но минва* «Сказки народов мира», 1986).

Здесь *минна*, возможно, само по себе является дополнением (также с эллидированным показателем винительного падежа *-о*), т.к. соответствующее существительное опущено, т.е. пример имеет две возможных интерпретации: *ни:-сан тати ва (сорэ-о) минна хиккураикаэсу* «брат с друзьями (это) всё перевернут» либо же *ни:-сан тати ва минна(-о) хиккураикаэсу* «брат с друзьями все (предметы) перевернут». Как мы увидим ниже, оформление *мина* показателем *-о* вполне возможно, хоть и не слишком частотно.

Ватаси ва, тити-то анохито-но ханаси-о минна кикимасита. «Я слышал весь разговор отца с тем человеком» (Сохати Ямаока *Сакамото Рюма* «Сакамото Рюма», 1956/1986).

В этом примере *минна* без сомнения выполняет функцию обстоятельства, т.к. глагол *кикимасита* «слышал» управляет прямым дополнением *ханаси-о* «разговор», таким образом *мина* можно с полным правом отнести к наречиям с количественным/дистрибутивным значением.

С другой стороны, Н. В. Кутафьева включает *мина* в группу количественных имён со значением собирательности наряду с *дзэмбу* «весь, полностью», *субэтэ* «все» и др. Она указывает, что количественные имена «могут переходить в разряд существительных и в предложении выступать в функции сказуемого и определения» (Кутафьева – 2012, с. 150),

при этом В. М. Алпатов наоборот, замечает, что «иногда класс наречий неправомерно расширяется за счёт... имён с пространственным, временным, количественным значением» (Алпатов – 2008, с. 504). Ссылаясь на О. В. Плетнера и Е. Д. Поливанова («Грамматика японского разговорного языка», М., 1930, с. XXVI-XXIX, цит. по Алпатов – 2008, с. 504), он также отмечает, что наречия иногда рассматриваются не как отдельная часть речи, а как имена с дефектной парадигмой (там же).

Это утверждение следует рассмотреть подробнее. «Дефектность» парадигмы подразумевает, что, в зависимости от происхождения, наречия имеют только ограниченное количество форм или формантов, присущих той или иной части речи. Так, отадъективные наречия употребляются только в обстоятельственной форме предикативных прилагательных на *-ку*, отымённые агглютинируют преимущественно формант *-ни*, наречия, образованные от деепричастий, имеют форму на *-тэ* или *-дзу* и т.д.

И. В. Головнин описывает наречия в целом как обладающие «обобщённым категориально-грамматическим значением статического признака и характеризующие признак, выраженный глаголом или прилагательным... Названные обобщённо-грамматические признаки наречий предопределяются их синтаксическими функциями и реализуются в этих функциях» (Головнин – 1986, с. 209). При этом он также указывает, что «частное грамматическое значение адвербиальных слов материально выражается далеко не всегда, а только в тех случаях, когда наречие включает в себя аффиксы и полуаффиксы типа *-то*, *-ни*, *-ри*, *-тоситэ*, *-дзэ*: и т.п.» (там же, с. 210). Поэтому мы, на основе примеров из указанного корпуса, попытаемся проследить различные случаи оформления лексемы *мина* грамматическими формантами и способность этой лексемы выступать в разных синтаксических позициях.

Н. В. Кутафьева отмечает, что при переходе «от наречий степени-количества к количественным именам возрастает наличие свойств существительного, ...что непосредственно связано с использованием наречий в функции определения (показатель *но*)... Кроме того, это явление связано со значением наречия: чем оно менее абстрактно, тем легче наречие переходит в разряд существительных и используется как существительное» (Кутафьева – 2012, с. 151).

Из почти 18000 примеров из корпуса письменного японского языка со словом *мина* мы обнаружили только 316 примеров употребления этой единицы в позиции определения с формантом родительного падежа *-но*:

...*кю:-ни мина-но сэнто:-ни таттэ*... «внезапно встав впереди всех...» (букв. во главе всех) (Мифунэ Каваути *Гамбарэ! Тьен-кун – О-тэра-дэ содатэта бэтонаму наммин-моногатари* «Держись, Тьен-кун – история вьетнамского беженца, выросшего в монастыре», 1994).

...*мина-но сасаэ-ни нару*... «станет всем поддержкой» (букв. поддержкой всех) (автор неизвестен, перевод Кодзи Судзуки *Дзю:нана-дзю:хати сэйки дайрёко:-ки со:сё* «Серия записок о великих путешествиях 17-18 века», 1991).

...*ватаси-но кото-э мина но вадай ва сю:тю: ситэ кита*. «Все разговоры сосредоточились на мне» (букв. тема разговоров всех) (Ёко Акихара *Мокубакан* «Мокубакан», 1991).

Нужно отметить, что часть примеров (15) при этом представляет собой конструкции с определительными придаточными, где *-но* оформляет подлежащее придаточного предложения:

...*мина-но иу но-о ватаси ва биккуримэ-дэ кийтэ ита*. «Я с удивлением слушал то, что говорят все» (Адзуса Накадзима *Манга сэйсюн-ки* «Записки о юности манга», 1989).

Кроме этого, обнаружилось 3187 случаев со словом *мина*, оформленным собственно именительным падежом *-га*, то есть также выступающим в роли подлежащего – следовательно, являющимся именем существительным:

Минна-га маттэта, ано «су:па:ко:ко:сэйтэнтэй»-га каэттэ кита. «Вернулся тот самый «школьник – супер-детектив», которого все ждали. (автор неизвестен, журнал «TV-ria», 2001).

Мукаси ва мина-га самадзама-на идэтати-дэ одотта то иу сэцу-га ару га... «Считается, что раньше все танцевали в разном одеянии, но...» (Нори Накагами, *Рикан-гинка* «Рикан гинка», 2001).

Случаев, где *мина* является прямым дополнением, оформленным показателем *-о* (и выступая как имя существительное), обнаружилось 426:

Мина-о гэнкидзукэтэ кита н да. «...Всех подбадривал» (Г. Миллер, пер. Дзюнноскэ Ёсиюки «Ночи любви и смех», 1955/1987).

Мина-о гурури-то мимавапита. «Обвёл всех взглядом» (Тимоти Зан «Чёрный спецназ», пер. Масахиро Нода, 1988).

Мина-о ат-то ивасэру макка-на ко:ё:-ни наримасу. «Будут такие красные листья, что заставят всех ахнуть» (Ёсико Мита, Сюсаку Эндо *Кайдзё, кайдан, кайва: кориан тайдан* «Весёлые женщины, весёлые мужчины, весёлые разговоры: беседы с Корианом – соседом лисы и барсука», 1991).

В 1519 примерах *мина* оформлено показателем косвенного дополнения *-ни*, из них часть – примеры, где *мина* выступает в качестве деятеля при глаголе в страдательном залоге или при бенефактивных глаголах *морау* и *итадаку*, что, впрочем, несущественно в нашем случае, т.к. в любом случае оформление этим показателем означает, что *мина* здесь является именем существительным:

Мина-ни кираварэру ни тигаи най. «Наверняка все возненавидят» (Yahoo blog, 2008).

Мина-ни симпай-о какэтэ иру кото-о ханаси... «Поговорив о том, что [он] причиняет всем беспокойство...» (Марк Твен, «Приключения Тома Сойера», перев. Момоко Исии, 2001).

Минна-ни ватаситэ ику «передает всем» (Ларри Нивен «Дымовое кольцо», пер. Рэй Кодзуми, 1988).

Минна-ни вараварэтэ иру «все (над ним) смеются» (Фумиё Сано *Канодзё-тати-но офису-дэ* «В их офисе», 1988).

Минна-ни мо вакаттэ моразэру ё:-ни... «Чтобы все поняли...» (Икко Симидзу *Кабуто-то-тё: моногатари* «Повесть о квартале Кабуто-тё», 1991).

Минна-ни ситтэ морау кото-га... «то, что все узнают...» (Такэси Одзаки *Атарасий борантти хирогару нэттова:ку* «Расширяющаяся сеть новых волонтеров», 1996).

Сюда же можно отнести 69 примеров с показателем *-кара*, который в большинстве случаев также оформляет *мина* как деятеля при глаголе в страдательном залоге или при бенефактивном глаголе:

Мина-кара урамарэмас... «все его ненавидят» (Yahoo chiebukuro, 2005).

Мина-кара комэ мораттэ ойтэ... «набрал у всех риса...» (Yahoo blog, 2008).

Минна-кара каваисо:-ни ттэ омоттэ моразэру ка мо сирэнай. «Все, возможно, будут его жалеть» (Кэйта Токадзи *Ано хаси-но муко:-ни* «За тем мостом», 2003).

Только 9 примеров с *-кара* оформляют *мина* как «источник получения» (что, впрочем, близко к значению этой единицы в бенефактивных конструкциях):

Мина-кара цукисасару сисэн-о абицуцу «под пронзающими насквозь взглядами» (букв. «получая от всех пронзающие насквозь взгляды») (Yahoo chiebukuro, 2005).

Мина-кара-но кангэй-но хакусю... «приветственные аплодисменты от всех» (Yahoo blog, 2008).

Из 11 примеров с показателем *-мадэ* ни один не употреблён в значении временной или пространственной «предельности»; во всех примерах (10 примеров с разными формами глагола *иу* «говорить» и 1 пример с выражением *вакарэ-вакарэ-ни нару* «расстаться») *мадэ* подчёркивает значение обобщения «вплоть до»:

Вакатта. Минна-мадэ иу на. «Понял. Не надо всем говорить» (Кацухико Такахаси *Кадзэ-но дзин* «Лагерь ветра», 2001).

Минна-мадэ вакарэ-вакарэ-ни наттэ симау... «Расстаться со всеми» (Томико Мияо Сюка «Лето», 1998).

Все пять примеров с показателем *-ёри* «чем» употреблены только в значении сравнения: *Минна-ёри ёкатта* «лучше всех» (Нобуко Такаки *Дзангэ* «Исповедь», 1995).

Минна-ёри окурэта «пришёл позже всех» (Yahoo blog, 2008).

Из 126 примеров с показателем *-то* «с» в 24 случаях *мина* использовано в конструкциях сравнения:

Мина-то ва тигаттэ... «в отличие от всех...» (Отоя Ямамото *Ано ё коно ё-но гундати* «Потусторонние войска и войска этого мира», 2004).

Мина-то курабэрэба... «если сравнивать со всеми...» (Мидзуми Такаока *Ханпи: ха:рэму* «Счастливы гарем», 2003).

Мина-то онадзи ё:-ни... «так же, как и все...» (Рэйко Миёси *Суна-но ко* «Дитя песка», 1988).

В остальных случаях *-то* имеет значение совместного действия и оформляет имя деятеля, вместе с которым происходит действие:

Мина-то со:дан-суру кото-ни наттэ иру «придётся советоваться со всеми» (неизвестный автор, *Мунэо гиваку цуёкю: 300-нити* «300 дней в погоне за обвинениями Мунэо», 2008).

Мина-то ханаситари... «разговаривал со всеми...» (Yahoo blog, 2008).

Мина-то энсо:-дэкитэ... «получилось выступить вместе со всеми». (Yahoo blog, 2008).

431 пример с показателем *дэ*, судя по всему, иллюстрирует только собирательное значение: *Мина-дэ ватарэба ковакунай* «если переходить (дорогу) всем вместе, не страшно» (Yahoo blog, 2008).

Мина-дэ таносимэру гэ:му «игра, которой можно наслаждаться всем вместе» (Yahoo blog, 2008).

Мина-дэ вараиттэта «пересмеивались вместе» (Yahoo blog, 2008).

Мина-дэ кю:нин дэс «всех вместе – 9 человек» (Луиш Фроиш, пер. Момота Кавасаки, Киити Мацуда *Канъяку фурайсу нихонси* «Полный перевод «Истории Японии» Фроиша», 2000).

Эта конструкция близка по значению конструкциям с числительными в собирательном значении *гонин-дэ* «впятером» и т.п.

Нам удалось найти только один пример, где *мина* выступает в роли сказуемого, что легко объяснимо, т.к. единица в дистрибутивном значении должна с чем-то соотноситься и не может быть предикатом. В данном же примере *мина*, скорее, является вежливым эквивалентом слова *хито* «человек, люди», подразумевая обращение «все вы»:

Ню:кёся-ни тикай но ва нидзю:дай-но мина дэс. «Близки к вселяющимся (вы) все двадцати-тридцатилетние» (Yahoo blog, 2008).

Поскольку *мина* не является наречием степени, оно не может определять прилагательные. Из небольшого количества случаев (80 примеров) употребления *мина* перед прилагательными, стало очевидно, что чаще всего *мина* относится к глаголу, отстоящему от него на несколько единиц, т.е. является наречием, выполняя функцию обстоятельства:

Го-рокудзю:нин, минна мудзукасий као-о ситэ митэ иру. «Все 50-60 человек смотрели с задумчивыми лицами» (Усио Ёсикава *Укарэ Микимацу* «Весёлый Микимацу», 2003).

Однако встречаются немногочисленные случаи употребления этого наречия при прилагательных или существительных в позиции сказуемого, определяемых прилагательными:

Стаффу-га мина ии хито на нодэ... «Весь персонал – хорошие люди» (Тэруко Ёситаке, Адзёса Мияко *Эн аттэ хаха мусумэ* «Связанные родством мать и дочь», 1996).

Корэ ва мина ёку най. «Это всё нехорошо» (Тирэн Мисава *Сю:дзин-гуруи дзидай* «Эпоха помешательства на заключённых», 1998).

Отдельные случаи позволяют предположить именно употребление *мина*:

Мина окасий ё! «Всё неправильно!» (Yahoo chiebukuro, 2005).

Асоко-мадэ мина оокий то миндзокусэй дэсё:. «Если уж все такие крупные, это явно национальная черта» (Yahoo chiebukuro, 2005).

Однако эти случаи с тем же успехом можно отнести к случаям с эллидированным именем-подлежащим:

(Сорэ-ра ва) мина окасий ё! «(Это) всё неправильно!»

Асоко-мадэ (хито-га) мина оокий то миндзокусэй дэсё:. «Если уж все (люди) такие крупные, это явно национальная черта».

Таким образом, из приведённых выше примеров видно, что *мина* может выступать как в качестве наречия в функции обстоятельства, так и в качестве имени с полной парадигмой склонения (в данном случае под «склонением» неизменяемых существительных мы подразумеваем сочетаемость со всеми формантами – показателями падежей) в функциях подлежащего, дополнения, определения, обращения и даже (хоть и в единичных случаях) сказуемого.

Очевидно, что в случае с *мина* нужно говорить о существовании двух омонимичных единиц, одна из которых является наречием, другая – именем существительным. Различать их можно только по синтаксической роли, которую они играют во фразе, однако и тут возможны различные интерпретации (см. примеры, где допускается наличие эллидированного члена предложения).

Литература

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2 томах. – М.: 2008. – Т. 1. – 560 с.
2. Головнин И. В. Грамматика современного японского языка. – М.: 1986. – 316 с.
3. Кутафьева Н.В. Категория количества в японском языке: наречия и наречные выражения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 147-153.
4. Чиронов С. В. Японские наречия с дистрибутивным значением // Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки | Филологический аспект №3 (35). М. – 2018. Электронное издание. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/yaponskie-narechiya-s-distributivnym-znacheniem.html>, режим доступа свободный, дата обращения: 30.06.2020.
5. *Гэндай нихонго какикотоба кинто: ко:пасу* «Сбалансированный корпус современного японского письменного языка». URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/>, режим доступа: по регистрации, дата обращения 30.06.2020.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО И ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

This article discusses the problem of polysemy of forms of optative and imperative moods. Data are drawn from Japanese and Russian grammars of the Japanese language and spoken Japanese language. Analysis of the material revealed the absence of a unified classification of the types of moods and their composition induced by the variety of transmitted meanings. Some grammatical forms of verbs and adjectives, while formally belonging to one mood, convey the meaning of the other, and vice versa. In sum, in the article we articulate and discuss some formal signs of distinction between such forms, with special attention to the factors of situation and context.

Модальность считается универсальной когнитивной категорией, выражающей отношение содержания высказывания к действительности, и автора к высказыванию и собеседнику. Наклонение представляет собой грамматический способ выражения модального значения. Разные ученые в разных языках по-разному определяют виды наклонений. Универсальным видом наклонения принято считать изъявительное (повествовательное) наклонение или индикатив, которое заключает в себе объективно-модальные значения реальности и временной определенности, когда действие мыслимо говорящим как прошедшее/настоящее/будущее и реальное. Кроме индикатива, в зависимости от модальных значений, выражаемых в языке, в разных языках встречаются и разные виды наклонений, выражающих это модальное значение лексическими и грамматическими формами.

В японоведении нет единого мнения о количестве и видах наклонений в японском языке. При этом возникают вопросы отнесения той или иной формы к определенной категории, а также проблема полисемии некоторых форм и конструкций. Подобные спорные вопросы возникают и при разделении форм, выражающих значение желательности и императива. В данной статье рассмотрим, как этот вопрос изложен в японских практических и учебных грамматиках, и попытаемся выявить формальные признаки желательного и императивного высказываний.

В японских грамматиках для детей категория наклонения обозначается как 話している気持ち *ханаситэиру кимоти* «настроение речи», т.е. ощущение говорящим своего высказывания. В практических и учебных грамматиках японского языка чаще используются термины ムード *му:до* <англ. mood и モダリティ *модарити* <англ. modality. При этом они часто взаимозаменяемые. Таким образом, можно предположить, что в японских учебных и практических грамматиках не различают наклонение и модальность, т.е. рассматривают единую лексико-грамматическую категорию, по семантике выражающую отношение высказывания к действительности и отношение говорящего к сообщаемому и собеседнику. Значительная часть японских лингвистов выделяет две группы видов модальности/наклонения. Первая группа включает в себя категории, выражающие отношение к содержанию суждения/высказывания, отражающие восприятие действительности. Она делится на изъявительную/утвердительную и предположительную категории. Вторая группа выражает отношение говорящего к высказыванию и собеседнику. В этой группе различают две большие подгруппы: 1) категорию вежливости 2) наклонения/модальности разных типов выражения отношения. Вторая подгруппа включает в себя повествовательное наклонение (平叙 *хэйдзё*), выражение намерения (意志表出 *иси хё:сюцу*), императив (働き掛け *хатаракикакэ*, «побуждение к действию»), вопросы (質問 *сицумон*) и т.д. (Миядзима, Нитта – 2003) В одну подгруппу с выражениями намерения включают и выражения желаний

(願望 *гамбо:*). Подгруппа императива включает в себя приказы (命令 *мэйрэй*), просьбы (依頼 *ирай*), запреты (禁止 *кинси*), предложения (勧誘 *канью*), разрешения (許可 *кёка*), рекомендации (勧め *сусумэ*), советы (助言 *дзёгэн*). Императив объединяет в себе типы высказываний со сходными коммуникативной целью и еще несколькими параметрами, но отличающимся степенью категоричности и степенью содержащегося в них имплицитного значения желательности данного действия и степени контроля над исполнителем действия. Встречаются и другие классификации. Например, деление на четыре больших группы: модальность побуждения к действию (императив), вопросительная модальность, повествовательная модальность и модальность выражения чувств и намерений. При этом состав данных групп частично совпадает по семантике, например, просьбы и предложения оказались и в первой, и во второй группе. Есть совпадения и по форме, например, вопросительные конструкции оказались и во второй, и в третьей группе (Идзухара – 2013). Иори, Таканаси и др. в своем «Справочнике японской грамматики» используют термин 話し手の気持ちを表す表現 *ханаситэ-но кимоти-о аравасу хё:гэн* «выражения настроения говорящего». Они делят «выражения настроения» на шесть групп: 1) предположение; 2) выражение необходимости/обязательства, совет, разрешение, запрет и т.д.; 3) намерение; 4) выражение сильных эмоций; 5) сомнение и подчеркнутая достоверность; 6) модально-экспрессивные частицы. Критерием выделения первых пяти групп является передаваемое значение отношения говорящего, в то время как шестая группа представляет собой способ передачи разных значений (Иори, Таканаси и др. – 2001).

В большинстве японских грамматик отмечается, что одни и те же формы могут передавать разные значения, т.е. между наклонениями не проводится четкая граница по морфологическому признаку. В практических грамматиках различные формы и конструкции приводятся в алфавитном порядке либо сгруппированы по семантике/значению, которое передают. При этом разные авторы объединяют формы и конструкции в разные группы. Например, в грамматическом словаре Сёдзи Идзухара выражения модальности объединены по группам: запрет и долженствование, приказ, просьба, совет и предложение, намерение и желание, оценка ситуации (формы предположительного наклонения), подчеркнутая достоверность, отрицание и категорическое утверждение, цитирование. В грамматике Миядзима и Нитта формы и конструкции объединены по значению, без отдельного указания модальности/наклонения (например, способы выражения просьбы, заключительные формы вопросительных предложений, рекомендации и т.д.).

Можно отметить, что японские лингвисты в большинстве случаев выделяют как отдельные виды категорию императива и категорию выражения намерения и желания.

В отечественном японоведении также нет единого мнения на счет видов категорий наклонений. В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев и В.И. Подлесская выделяют четыре наклонения в японском языке: изъявительное, предположительное, повелительное 2-го лица (императив) и повелительное 1-го лица (гортатив). Последнее передает значение побуждения говорящего к совершению действия, исполнителем которого будет он сам или 1-ое лицо вместе с другими. В то же время авторы утверждают, что категория желания в японском языке отсутствует как отдельный вид, и разносят формы, передающее значение желания по другим категориям. Выделяя суффикс *-тай*, авторы рассматривают его не как показатель отдельного наклонения в японском языке, желательного, а лишь как незаключительный аффикс, передающий те или иные грамматические значения, не определяя непосредственно синтаксическую позицию.

С другой стороны, И.В. Головнин и Н.А. Сыромятников высказывают точку зрения, что в японском языке, среди других категорий наклонений, существуют категории и императива, и желательности.

Из вышеприведенного краткого обзора можно сделать вывод, что существует проблема разграничения и классификации форм, передающих значение повеления и желательности. Проблемными моментами являются отнесение выражения намерения к той или иной кате-

гории, а также определение конкретного значения некоторых форм/конструкций, которые по формальным (морфологическим) признакам принадлежат той или иной категории наклонения, но в конкретной ситуации передают другое значение.

Подобная полисемия форм возникает, в том числе, из-за дополнительных имплицитных значений, которыми обладают модальные категории и нечетким определением значений, передающихся той или иной формой в рамках того или иного наклонения. Как видно из вышеперечисленных значений, которые передаются императивом, некоторые из них перекликаются с другими значениями, например, долженствования и оптатава.

Грамматически наклонение в японском языке реализуется в заключительных формах и формах в заключительных позициях. Существуют формы синтетические и аналитические, причем аналитические в современном японском языке более употребительные. Они в наше время вытесняют синтетические формы, особенно в разговорном языке и в прошедшем времени.

Значение наклонения выражается не только соответствующей формой глагола/прилагательного, но и лексическими способами, а именно использованием определенных наречий, модально-экспрессивных частиц, связки в соответствующей форме.

Желательное наклонение выражает наличие или возможное возникновение желания или намерения у говорящего или уверенность в наличии или возникновении подобного желания. В рамках самой категории желательности следует разграничить два типа модальных значений – дезидератив и оптатив. Дезидеративом считается выражение желания субъекта, который контролирует ситуацию и прикладывает усилия к реализации своего желания. В данном случае субъект и исполнитель желания совпадают. Дезидеративное высказывание всегда содержит глагол. В оптативных высказываниях говорящий хочет, чтобы совершилось действие/наступило состояние, но он это действие не контролирует либо не прикладывает усилий для осуществления своего желания. Субъект желания и исполнитель могут не совпадать. Сказуемым в оптативных высказываниях может быть не только глагол, но и связка, прилагательное. Для оптативной ситуации характерно изменение семантики желания и добавление дополнительных оттенков просьбы, пожелания, что сближает ее с императивной ситуацией пониженного уровня категоричности.

В случае с императивом, говорящий сам фактом высказывания пытается побудить исполнителя к совершению/несовершению указанного в высказывании действия, при чем данное действие чаще всего является имплицитно желаемым для говорящего. Говорящий контролирует исполнителя, а исполнитель контролирует/в состоянии совершить действие, на которое его побуждают. Само действие еще не осуществлено (Миядзима, Нитта – 2003). Как видно из перечисленных условий субъект и исполнитель в императивных высказываниях не совпадают и присутствует оттенок желательности осуществления действия. Таким образом, императивные высказывания по семантике схожи с желательными, а именно оптативными. Можно сделать вывод, что разграничение между оптативом и императивом происходит по признаку контролируемости действия. Если говорящий контролирует действие и исполнителя, то возможен только императив, в противном случае – только оптатив (Гусев – 2005). В то же время императивные формы, особенно выражающие приказ, часто рассматриваются как категоричные/грубые, именно в силу подразумеваемого значения контроля над исполнителем. Поэтому в тех ситуациях, где требуется использование более вежливой речи (например, при обращении к вышестоящему, в сфере услуг обращение к клиенту), для выражения приказа используются конструкции категории оптатава. この申し込み用紙にお名前を書き込んでいただきたいのです。Коно мо:сикомиё:си-ни она-маэ-о какикондэ итадакутай но дэсу. букв. «Мне бы хотелось, чтобы Вы вписали свое имя в этот бланк». В данном случае был использован глагол повышенного уровня вежливости направленности действия いたたく итадаку («получить») в форме вторая основа + суффикс たい тай, передающий значение желания совершения действия, указанного глаголом. Конструкция глагол в деепричастной форме + глагол ほしい хосий «хотеть» (выражает же-

вание обладания ч-л.) также может выражать, помимо значения желания, значение просьбы. あまり仕事が多いので、誰かに手伝ってほしい。Амари сигото-га оой нодэ, дарэкаи тэцудаттэ хосий. «У меня слишком много работы и я хочу, чтобы мне кто-нибудь помог». В данном случае речь идет о желательности, так как нет конкретного исполнителя. あまり仕事が多いので、君に手伝ってほしい。Амари сигото-га оой нодэ, кими-ни тэцудаттэ хосий. «У меня слишком много работы и я хочу, чтобы ты мне помог». Здесь появляется конкретный исполнитель, который контролирует ситуацию и делает выбор. Данная конструкция не может использоваться по отношению к вышестоящему, уже в ее семантике заложен оттенок контроля исполнителя говорящим, что и придает высказыванию оттенок мягкого требования, т.е. переводить его в разряд императива.

Использование данной конструкции крайне ситуативно, оно сохраняет сильный оттенок желательности и непрямую просьбу. Но для того, чтобы данная конструкция использовалась в императивном значении должен присутствовать конкретный исполнитель – человек, чего не требуется в обязательном порядке, когда конструкция передает значение желательности. В таком значении исполнитель может быть неопределенным лицом либо неодушевленным предметом/явлением. Формы/конструкции желательного наклонения передают императивное значение только при соблюдении определенных условий в конкретной ситуации. Высказывание должно быть адресовано конкретному собеседнику (исполнителю), который контролирует ситуацию. Высказывание должно соотноситься с настоящее-будущим временным планом.

Важную роль в разграничении значения формы/конструкции играет и интонация, которая должна быть повелительно-восклицательная, либо вопросительная. Например, фраза アマパンが欲しい! Амапан-га хосий! «Хочу булочку», высказанная ребенком матери с соответствующей повелительной интонацией несет значение приказа. Важность интонации указывает на преимущественное использование данных конструкций в таком значении в устном стиле речи.

Если говорить о формах выражения императива, то наиболее универсальными являются деепричастная форма глагола + вспомогательный глагол くたさい кудасай, вторая основа глагола + なさい насай, и глагол с суффиксами э/ро/ё/и. Кроме того существует совокупность конструкций, обозначающих разные оттенки повеления не прямо, а косвенно, путем использования неспециализированных средств. Эти высказывания составляют периферию категории императива. В случаях, когда императивное содержание передается с помощью форм, первичное значение которых не повелительное, можно говорить о косвенной императивности. Вышеперечисленные случаи использования форм желательного наклонения являются способом выражения косвенной императивности. С другой стороны, специализированные формы глагола, выражающие императивность, составляют ядро повелительной категории и являются синтетической собственно императивной формой (命令形 мэйрэйкэй). Тем не менее, они, в силу содержащегося в них имплицитного желания, могут быть использованы для передачи не повелительного, а желательного значения. お金が一万円札あれ。Оканэ-га итимаи эн сацу арэ. «Было бы у меня 10000 йэн». В данном случае глагол ある ару «быть, находится (о растениях, предметах, явлениях); иметь, обладать» стоит в синтетической форме повелительного наклонения, но передает значения желательности. この車、壊れてしまえ! Коно курума, коварэтэ симаэ! «Чтоб эта машина сломалась!» В высказывании использована конструкция основной глагол (壊れる коварэру «сломаться») в деепричастной форме + вспомогательный глагол しまう симау передающий значение окончательности, бесповоротности действия, и сожаления о произошедшем в синтетической форме повелительного наклонения. Формально это повелительные высказывания, а по семантике выражают желание. В обоих случаях использован глагол, который по своей семантике не предполагает императивность, так как в обоих случаях действие неподвластно исполнителю. Можно предположить, что если глагол, который передает значение неконтролируемого действия стоит в повелительной форме, то высказывание передает

значение оптатава. Кроме глагола, в таком значении встречаются и прилагательные. しあわせであれ! *Сиавасэ дэарэ!* букв. «Будь счастлив», «Желаю тебе счастья». По значению данная фраза совпадает с высказыванием 幸せで行ってほしい. *Сиавасэ дэ итэ хосий*. «Хочу, чтобы ты был счастлив», но является более экспрессивной, в силу использования повелительной формы связки, которое является нестандартной. Если действие контролируемое, в случаях, когда императивная форма передает значение оптатава, чаще всего объектом обращения является неодушевленный предмет или природное явление. 春よ、来い. *Хару ё, кой*. букв. «Весна, приходи». «Хочу, чтобы весна пришла» – название популярной японской песни. Сказуемое в предложении, это глагол 来る *куру* «приходить, прийти» в синтетической повелительной форме. При этом объект обращения оформлен модальной частицей *ё*. В песне первая часть высказывания отделяется интонационно и паузацией, на письме – запятой. Кроме частицы *ё* объект обращения может оформляться и показателем именительного падежа *га*, что также является формальным критерием разграничения императива и оптатава (Хронопуло – 2007). 芽が早く出る、よく育て. *Мэ га хаяку дэро, ёку содатэ*. букв. «Почки (ростки) быстрее появляйтесь, хорошо растите», «Мне хочется, чтобы почки (ростки) быстрее появились и хорошо росли». Из всех повелительных форм только собственно повелительная форма (синтетическая форма) и форма деепричастие + вспомогательный глагол くれ *курэ* может передавать значение желательности.

Нечеткость разграничения и сложная структура значений модальности желания и повеления, приводит и к полисемии грамматических форм выражения модальности. Можно отметить, что и в желательном, и в повелительном наклонении есть «ядро», центральные формы, которые соответствуют всем формальным критериям и передают основные значения желательности и императива соответственно. Кроме них существуют косвенные, периферийные формы, которые находятся на стыке двух наклонений и могут передавать разные значения в зависимости от языковых и внеязыковых факторов, таких как контекст и ситуация. Выделяются некоторые формальные признаки (частица *ё*, показатель именительного падежа *га* с объектом обращения в императивном по форме высказывании), особенности в области просодики (повелительная, повелительно-восходящая, вопросительная интонация в высказываниях, содержащих формы желательного наклонения), употребление глаголов и прилагательных в нестандартных для них грамматических формах (форма повелительного наклонения у глаголов неконтролируемого действия). Тем не менее, конкретное значение той или иной формы в большей степени обусловлено ситуацией, и может быть выявлено исключительно в контексте всех обстоятельств.

Литература

1. Гусев В.Ю. *Типология специализированных глагольных форм императива // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. М., 2005.*
2. Хронопуло Л.Ю. *Императивная семантика и средства ее выражения в современном японском языке. Диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Санкт Петербург, 2007.*
3. Иори И., Таканаси С. et al. *Нихонго бумпо: хандобукку. Япония: Сури:эй нэттова:ку, 2001.*
4. Идзухара С. *Нихонго руйгихё:гэн. Цукайвакэдзитэн. Япония: Кэнкю:ся, 2013.*
5. Миядзима Т., Нитта Ё. *Нихонго руйгихёгэн но бумпо:. Япония: Куросио сьуппан, 2003.*

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ КОМБИНАТОРИКИ РАЗДЕЛЬНО-СЛИТНЫХ СЛОВ ЛИХЭЦЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

The article proposes the results of the analysis of the combinatorial qualities of verb-object separable words *liheci*. At the initial stage, during the testing of the hypothesis about different levels of formal and semantic unity of polysyllable's components, *liheci* were systematized within the framework of the semantic classification. Further the article discusses the combinatorial qualities of verb-object separable words *liheci* of one of the semantic groups, taking into account the formal criteria that implies the inserting of different elements in the preposition to the nominal component of *liheci*.

Раздельно-слитные биномы глагольно-именной модели представляют собой дискуссионное явление в современном китайском языке. В целях снятия неоднозначности в определении статуса данных единиц в системе языка мы используем фонетическую транскрипцию предложенного в 1957 году Лу Чживэем (Лу – 1957) термина 离合词 *lihécí* *лихэцы* (букв.: «раздельно-слитные слова»). Специфика, обусловившая актуальность исследования данных единиц, заключается в том, что компоненты *лихэцы* допускают дистанцированное друг от друга положение в предложении за счет постановки различных вставных элементов как в постпозиции к первому компоненту, так и препозитивно ко второму.

В постпозиции к первому компоненту глагольной природы употребляются глагольные счетные слова и синтаксически несамостоятельные единицы, представленные закрытым списком: аспектуальные показатели 了 *-le*, 过 *-guo*, 着 *-zhe*, маркеры возможности/невозможности 得 *de* и 不 *bu*, глагольные модификаторы. Наиболее репрезентативным представляется оформление именного компонента глагольно-именного образования, представленное открытым списком: счетные комплексы, числительные, слова с количественной семантикой, прилагательные, а также различные комбинации сразу нескольких единиц, которые формально выступают определениями, косвенными дополнениями или обстоятельствами при именном компоненте.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что глагольно-именные биномы различаются характером семантических реляций между компонентами. Следствием этого может быть различная степень их спаянности как с семантической, так и с формальной точек зрения, что позволит говорить о тяготении той или иной раздельно-слитной единицы к статусу слова или словосочетания.

На первоначальном этапе в рамках семантического подхода была предложена классификация, включающая следующие группы раздельно-слитных слов:

1. *Лихэцы с максимальной идиоматичностью значения*: 吹牛 *chuīniú* ‘хвастаться, пускать пыль в глаза, говорить громкие слова’ (букв.: ‘раздувать’ + ‘корова, бык’), 捣蛋 *dǎodàn* ‘скандалить, хулиганить, доставлять хлопоты’ (букв.: ‘разбивать, бить, колотить’ + ‘яйцо’), 挂钩 *guàgōu* ‘устанавливать отношения с кем-либо’ (букв.: ‘прикреплять, вешать’ + ‘крючок’) и др.

2. *Лихэцы, в которых именной компонент является «пустым дополнением» (значение полисиллаба базируется на семантике глагольного компонента)*:

2.1. *Именной компонент семантически дублирует значение глагольного компонента*: 洗澡 *xǐzǎo* ‘мыться, принимать ванну’ (букв.: ‘мыть, купаться’ + ‘купанье, ванна’), 睡觉 *shuìjiào* ‘спать’ (букв.: ‘спать’ + ‘сон’), 游泳 *yóuyǒng* ‘плавать’ (букв.: ‘плавать’ + ‘пла-

вание'), 吵架 *chǎojià* 'ссориться' (букв.: 'скандалить, ссориться' + 'перепалка, драка') и др.

2.2 Именной компонент представляет собой генерический, или родовой объект, наиболее характерный для действия, обозначенного компонентом глагольным: 懂事 *dǒngshì* 'понимать, разбираться' (букв.: 'понимать' + 'дело'), 付款 *fùkuǎn* 'выплачивать' (букв.: 'платить, выплачивать' + 'сумма, деньги') и др.

3. Лихэцы, в которых глагольный и именной компоненты употребляются в своих основных значениях и являются семантически значимыми (значение полисиллаба базируется на семантике обоих компонентов): 做梦 *zuòmèng* 'видеть сон' (букв.: 'делать' + 'сон'), 吃苦 *chīkǔ* 'страдать, переносить трудности' (букв.: 'есть' + 'горечь'), 生病 *shēngbìng* 'заболеть' (букв.: 'породить' + 'болезнь'), 受伤 *shòushāng* 'получить травму, ранение' (букв.: 'подвергнуться' + 'травма, ранение') и др.

В результате работы с материалами корпусов современного китайского языка было выявлено, что именные компоненты *лихэцы* всех групп допускают в препозиции примерно одинаковый набор вставок. В случае оформления именных компонентов *лихэцы* с максимальной идиоматичностью значения (группа 1) и *лихэцы*, в которых именной компонент семантически дублирует значение глагольного (подгруппа 2.1), семантическая спаянность полисиллаба, как правило, оказывается сильнее формальной, и вставные элементы, с семантической точки зрения, относятся к глагольному комплексу в целом, что позволяет рассматривать данные единицы как тяготеющие к словам. В случае оформления именного компонента *лихэцы*, который является генерическим пустым объектом (подгруппа 2.2) или объектом, семантически значимым для всего комплекса (группа 3), формальное дистантное положение разрушает семантическую спаянность полисиллаба, что свидетельствует о тяготении данных единиц к свободным словосочетаниям.

Рассмотрим подробно сочетаемостные особенности раздельно-слитных биномов из самой большой по количеству входящих в нее единиц группы 3 – *лихэцы*, в которых глагольный и именной компоненты употребляются в своих основных значениях. Семантика таких глагольно-именных единиц в большей или меньшей степени может быть подсказана значениями соответствующих компонентов, что позволяет говорить о средней и минимальной словарности.

Отличительной особенностью *лихэцы* данной группы является то, что в случае маркирования именной группы классификатором 个 *gè* она, как правило, становится референтной: именной компонент соотносится с объектом или явлением внеязыковой действительности. В сочетании с числительным 一 *yī* 'один, единица', которое может опускаться, счетный комплекс (一) 个 (*yī*) *gè*, маркируя именную группу, выступает маркером неопределенности (1-2):

(1) 我经常做一个梦, 梦见在大草原上奔跑。

<i>Wǒ jīngcháng</i>	<i>zuò</i>	<i>yī-gè</i>	<i>mèng,</i>	<i>mèng jiàn</i>
1SGпостоянно	делать	один-CLF	сон,	сон видеть
<i>zài</i>	<i>dà</i>	<i>cǎoyuán-shàng</i>	<i>bēnpǎo</i>	
PREP	большой	равнина-LOC.сверху	мчаться	

'Мне часто снится один сон, как я бегу по бескрайней равнине'.

(2) 你看看你那么干净, 进去化个妆再来吧。

<i>Nǐ kàn-kàn</i>	<i>nǐ</i>	<i>nàme gānjìng,</i>	<i>jìn-qù</i>	<i>huà</i>
2SGсмотреть-смотреть	2SG	DEM чистый,	входить-DIR	изменять
<i>gè</i>	<i>zhuāng</i>	<i>zài lái</i>	<i>ba</i>	
CLF.штука	косметика	опять приходить	MOD	

'Посмотри, какая ты бледная, пойдешь накрасься слегка и приходи обратно'.

Сочетание указательного местоимения со счетным словом 个 *gè* является функциональным аналогом определенного артикля и маркером определенной референции (3):

(3) 受这个伤后他没法正常奔跑。

Shòu zhè-ge shāng hòu tā méi
Подвергаться DEM-CLF.штука травма после 3SG.MNEG
fǎ zhèngcháng bēnpǎo
способ нормальный бегать
'После этой травмы он уже не может нормально бегать'.

Редки случаи, когда счетное слово 个 *gè* 'штука' в препозиции к именному компоненту служит для квантификации действия (4):

(4) 普通老百姓生个病, 自己治好, 家里穷死。

Pǔtōng lǎobǎixìng shēng gè bìng, zìjǐ
Простой народ породить CLF.штука болезнь, RFLX
zhì-hǎo, jiā-lǐ qióng sǐ.
лечить-RES, дом-LOC.в бедный умирать
'Простые люди, заболев, занимаются самолечением и умирают дома в нищете'.

На целостный характер ситуации указывает счетное слово 场 *cháng* (5):

(5) 上个月我生了一场病, 不过现在没事了。

Shàng gè yuè wǒ shēng-le yī-cháng
Прошлый CLF.штука месяц 1SG породить-PFV один-CLF
bìng, bùguò xiànzài méi shì le.
болезнь, однакосейчас NEG дело MOD
'В прошлом месяце я заболел, но сейчас уже все в порядке'.

Именной компонент может и сам выступать в качестве квантификатора действия (6):

(6) 很多人来这里就是想见他一面。

Hěnduō rén lái zhèlǐ jiùshì xiǎng jiàn
Много человек приходить здесь как_раз хотеть видеть
tā yī miàn
3SG один лицо
'Многие люди пришли сюда как раз потому, что хотят увидеть его'.

Допускается и постановка счетных слов со значением меры (7-8):

(7) 今年雨水大, 每亩地要再多施几斤肥。

Jīnnián yǔshuǐ dà, měi mǔ dì yào zài
Этот_год дождь сильный, каждый му земля нужно еще
duō shǐ jǐ jīn fèi
много применять несколько цзинь удобрение
'В этом году сильные дожди, на каждый му земли нужно внести еще по несколько цзиней удобрений'.

(8) 他的手臂上受了三处伤。

Tā de shǒubì-shàng shòu-le sān-chù shāng
3SG.M ATTR рука-LOC.сверху подвергаться-PFV три-CLF рана
'Его рука была ранена в трех местах'.

Допустима постановка слов с количественной семантикой, которые вступают в атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом (9-10):

(9) 我做过很多梦, 可是醒来以后都记不清了。

Wǒ zuò-guò hěnduō mèng, kěshì xǐnglái yǐhòu
1SGделать-EXP много сон, однако пробуждаться после

dōu jì-bù-qīng le
все помнить-NEG-RES MOD

‘Мне снится много снов, но после пробуждения я их плохо помню’.

(10) 她吃了很多苦才获得了成功。

Tā chī-le hěnduō kǔ cái huòdé-le chénggōng
3SG.F есть-PFV много горечь только_тогда получать-PFV успех

‘Она пережила много страданий и только после этого добилась успеха’.

Допускается постановка указательных местоимений 这 *zhè* ‘этот’ и 那 *nà* ‘тот’ в препозиции к именному компоненту, который в результате такого оформления обретает определенную референцию (11-12):

(11) 抵抗力差的人很容易生这种病。

Dǐkàng lì chà de rén hěn róngyì
Иммунитет сила плохой ATTR человек очень легко
shēng zhè-zhǒng bìng
порождать DEM-CLF.вид болезнь

‘Люди со слабым иммунитетом очень легко могут подхватить эту болезнь’.

(12) 以后我们决不能再吃这种亏了。

Yǐhòu wǒmen jué bù néng zài chī
Впоследствии 1PL решительно NEG мочь опять есть
zhè-zhǒng kuī le
DEM-CLF.вид ущерб MOD

‘В дальнейшем мы ни в коем случае не должны еще раз понести такого рода ущерб’.

В препозиции к именному компоненту допускается постановка неопределенного/вопросительного местоимения 什么 *shénme*, которое, как правило, устанавливает атрибутивные отношения непосредственно с именным компонентом *лхэцы* данной группы и является маркером неопределенной референции (13-15):

(13) 只要跟他在一起, 无论吃什么苦, 也都是香甜的。

Zhǐyào gēn tā zài yìqǐ, wúlùn chī
Только_бы COM 3SG.M PREP вместе, независимо_от есть
shénme kǔ, yě dōu shì xiāng tián de.
какой горечь, также все COP ароматный сладкий ATTR

‘Лишь бы только быть с ним вместе, и не важно, какие трудности придется испытать – всё будет в радость’.

(14) 你自己都忙不过来了, 还会什么客啊?

Nǐ zìjǐ dōu máng-bù-guò-lái le, hái
2SGRFLX все спешить-NEG-RES-DIR MOD, еще
huì shénme kè a?
встречать какой гость MOD

‘Ты сам ничего не успеваешь, какие еще гости?’

(15) 你昨天晚上做了什么梦?

Nǐ zuótiān wǎnshàng zuò-le shénme mèng?
2SGвчера вечер делать-PFV какой сон
‘Что тебе вчера вечером снилось?’

Встречаются и случаи постановки вопросительного местоимения 多少 *duōshao* ‘сколько’ (16):

(16) 我不知道自己是吃了多少亏。

Wǒ bù zhīdào zìjǐ shì chī-le duōshao kuī
1SGNEG знать RFLX COP есть-PFV сколько ущерб
‘Я не знаю, сколько неудач я потерпел’.

В препозиции к именному компоненту допускается постановка прилагательных. Таким образом формируется свободное словосочетание (17-18):

(17) 我曾经做过一个奇怪的梦, 梦见我登上了月球。

Wǒ céngjīng zuò-guò yī-gè qíguài
 1SGкак-то делать-EXP один-CLF.штука удивительный
de mèng, mèng jiàn wǒ dēng-shàng-le yuèqiú.
 ATTR сон, сон видеть 1SG подниматься-RES-PFV Луна
 ‘Мне как-то снился удивительный сон, в котором я забрался на Луну’.

(18) 她不喜欢化浓妆。

Tā bù xǐhuān huà nóng zhuāng
 3SG.F NEG нравиться изменять насыщенный косметика
 ‘Она не любит насыщенный макияж’.

В препозиции к именному компоненту допустима постановка обстоятельств как определенной (19-20), так и неопределенной (21) длительности:

(19) 她生了三天的气。

Tā shēng-le sān tiān de qì
 3SG.F породить-PFV три день ATTR гнев
 ‘Она злилась три дня’.

(20) 昨晚睡觉, 我做了一晚上梦。

Zuó wǎn shuìjiào, wǒ zuò-le yī wǎnshàng mèng
 Вчера вечер спать, 1SG делать-PFV один вечер сон
 ‘Всю прошлую ночь мне снился сон’.

(21) 她生了几年的病, 到现在还没好。

Tā shēng-le jǐ nián de bìng, dào xiànzài hái méi hǎo
 3SG.F породить-PFV несколько год ATTR болезнь, DIR
 сейчас еще NEG хорошо
 ‘Она болеет уже несколько лет и так до сих пор и не выздоровела’.

Допустима постановка косвенного дополнения между компонентами лихэцы (22-23):

(22) 你再胡说, 我就要生你的气了。

Nǐ zài húshuō, wǒ jiù yào shēng nǐ de qì le
 2SGеще_раз болтать_вздор, 1SG вот-вот собираться
 породить 2SG ATTR гнев MOD
 ‘Если ты еще будешь нести ерунду, то я разозлюсь на тебя!’

(23) 今天要是还见不到他的面, 我就不走了。

Jīntiān yàoshi hái jiàn-bù-dào tā de miàn, wǒ jiù bù zǒu le
 Сегодня если еще видеть-NEG-RES 3SG.M ATTR лицо,
 1SGтогда NEG идти MOD
 ‘Если я сегодня опять не смогу увидеть его, то и не уйду’.

В целом, можно сделать вывод, что при расчленении *лихэцы*, в которых глагольный и именной компоненты употребляются в своих основных значениях, семантическая спаянность полисиллаба разрушается при формальном расчленении. «Соединение общего имени с актуализатором дает актуализированную именную группу, т.е. такую, которая обладает денотативным статусом и предназначена для референции» (Падучева – 2010). Так, при соответствующем оформлении именные компоненты как полноценные участники ситуации

обретают референциальный статус, а образованная конструкция становится свободным словосочетанием.

Признание отсутствия единого статуса (строго: или слово, или словосочетание) у раздельно-слитных единиц с различным характером семантических реляций между компонентами является не проблемой, требующей дальнейшего однозначного решения, а, напротив, эмпирически доказанным фактом и стимулом к изменению вектора исследования данных биномов с более глубоким анализом их комбинаторных возможностей.

Литература

1. 陆志伟. 汉语的构词法. 北京, 1957. Лу Чживэй. Словообразование китайского языка. Пекин, 1957.
2. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2010.

Источники

3. Корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aihanyu.org/spcorpus/CnCindex.aspx> (дата обращения 25.06.2020).
4. Корпус современного китайского языка Пекинского университета [Электронный ресурс]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения 25.06.2020).
5. 常用离合词用法词典 / 周上之主编. 北京, 2011. Словарь наиболее употребимых раздельно-слитных слов лихэцы в современном китайском языке / Под. ред. Чжоу Шанчжи. Пекин, 2011.

ВАЛЕНТНОСТНЫЕ КЛАССЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Настоящий доклад нацелен на описание предикатно-актантных структур в современном китайском языке, в которых синтаксическим центром клаузы выступает прилагательное. Такие структуры могут иметь от одного до трех именных зависимых, кодируемых предложно или беспредложно (линейным порядком). Кроме того, основной участник ситуации может «смещаться» с исходной синтаксической позиции, эксплицируясь в предложении через заполнение валентностей других слов. В зависимости от общего числа валентностей и средств их оформления можно выделить валентностные классы и подклассы прилагательных в китайском языке.

Abstract

This paper describes predicate structures in modern Chinese, in which the adjective is the syntactic center of the clause. We analyze the lexico-semantic properties of Chinese adjectives, their valency classes, the regularities in their valency patterns and the valency alternations. The number of arguments controlled by a Chinese adjective varies from one to three. Some valency patterns seem to be specific, when a peripheral argument appears in the privileged syntactic position and the core argument moves to oblique status.

В настоящем докладе на корпусном материале рассматриваются классы и подклассы прилагательных в современном китайском языке с точки зрения морфосинтаксических средств оформления их валентностей. Эта проблема до сих пор в отечественной синологической литературе практически не разрабатывалась, между тем адекватный анализ грамматических явлений в области синтаксиса невозможен без учета семантики соответствующих единиц.

В современном китайском языке прилагательные могут быть полноценным предикатом. По ряду грамматических признаков они схожи с глаголами, называя ситуацию, изменяющуюся во времени, оформляются некоторыми аспектуальными показателями и фазовыми модификаторами. Как предикатные слова прилагательные имеют валентность (валентности), одинаковые стратегии их заполнения дают нам распределение адъективной лексики по классам.

В данном языке можно выделить следующие классы и подклассы адъективных единиц.

Одноместные прилагательные имеют одну единственную валентность, выраженную субъектом. Адъективные лексические единицы в этом классе обозначают признак какого-либо предмета или лица. Их единственная валентность называет носителя соответствующего признака, выступающего как абсолютный, то есть не реализуя (и не предполагая) никаких именных распространителей в клаузе. Обязательному участнику ситуации в клаузах с подобными прилагательными приписывается семантическая роль Темы. Например:

- (1) 这事很奇怪。 *zhè shì hěn qíguài* ‘Это дело странное’.
- (2) 这事很秘密。 *zhè shì hěn mìmi* ‘Это дело секретное’.

Этот не очень многочисленный класс прилагательных в китайской лингвистике принято называть 绝对性质的形容词 *juéduì xìngzhì de xíngróngcí* «прилагательные абсолютного признака».

У отдельных прилагательных этого класса, обозначающих эмоциональные состояния, в результате семантического сдвига развилось каузативное значение и набор участников

расширился. В таких контекстах описывается не факт наличия того или иного признака у носителя, а ситуация приобретения этого признака в результате каузации со стороны. Для таких ситуаций набор участников оказывается схож с набором партиципантов каузативных ситуаций, отражаемых предикатом соответствующего типа, предполагая каузатора, каузируемый объект и признак, приобретенный объектом в результате каузации (Храковский 1973: 41). При этом позиция каузатора может заполняться неагентивным существительным или именной группой (ИГ), а каузируемый объект заполняется одушевленным существительным или существительным 人 *rén* ‘человек, люди’ со скрытоопределенной референцией. Ср. (3) и (4), (5) и (6):

(3) 这事真恶心。 *zhè shì zhēn ěxīn* ‘Это отвратительно’

(4) 这事太恶心人了。 *zhè shì tài ěxīn rén le* ‘Это вызывает отвращение (у людей)’

(5) 老王很恼怒。 *Lǎo Wáng hěn nǎonù* ‘Лао Ван зол’

(6) 这可恼怒了老王。 *zhè kě nǎonù le Lǎo Wáng* ‘Это разозлило Лао Вана’

Семантико-грамматический анализ этих единиц выявил в их значении релевантные в грамматическом отношении категориальные признаки, которые подводят нас к выводу о том, что в таком окружении предикатное слово не является прилагательным. В данном типе предикатно-актантных структур представлен адеквативный переходный глагол, поскольку наличие прямого дополнения является грамматическим признаком глагольных единиц. Кроме того, с точки зрения дистрибуционных критериев категориальной принадлежности, для адеквативной лексики в китайском языке типично оформление наречием 很 *hěn* ‘очень’ (Чжу 1982: 55-56), а эти единицы в контекстах, подобных (4) и (6), такой сочетаемости не обнаруживают.

У ряда прилагательных абсолютного признака, также встречающихся только в одноместных структурах, имеется ограничение по синтаксической функции в предложении: они могут употребляться только атрибутивно (в позиции определения) и не могут самостоятельно (без специального синтаксического оформления) выступать в роли сказуемого. Такие ограниченные по набору синтаксических функций единицы в системе лексико-грамматических классов слов (частей речи) в китайской грамматической теории выделяются в отдельный (под)класс «дифференцирующих слов» (区别词 *qūbiécí*). Еще одно ограничение по сочетаемости, обнаруживаемое у этих единиц – невозможность их оформления наречием 很 *hěn* ‘очень’. К этому классу слов относятся такие единицы, как: 假 *jiǎ* ‘ложь’, 生 *shēng* ‘сырой’, 横 *héng* ‘горизонтальный’, 紫 *zǐ* ‘фиолетовый’, 温 *wēn* ‘теплый’, 永久 *yǒngjiǔ* ‘постоянный’ и др.

Неодноместные прилагательные, у которых имеется более одной валентности.

В рамках этого класса в зависимости от количества валентностей и стратегий их кодирования можно выделить следующие подклассы:

типичные двухместные прилагательные, имеющие только две валентности и не имеющие иных распространителей;

двухместные прилагательные с периферийными валентностями, у которых могут иметься распространители в виде ИГ (предложных или беспредложных), причем для разных классов прилагательных эти распространители будут специфичны.

Рассмотрим эти классы подробнее.

Двухвалентные прилагательные имеют две семантические и синтаксические валентности, так, прилагательные 远 *yuǎn* ‘далекий’ и 近 *jìn* ‘близкий’ обозначают пространственные отношения, то есть наличие расстояния, между двумя объектами – Траектором и Ориентиром соответственно. Для предикатных структур с этими прилагательными валентность пространственного ориентира заполняется предложно-именной группой с 离 *lí* ‘от’:

(7) 东南亚离中国很近。 *Dōngnányà lí Zhōngguó hěn jìn* ‘Юго-восточная Азия от Китая недалеко’.

У тех прилагательных, в семантику которых включен градуируемый по степени выраженности признак, он может описываться не только сам по себе, но и в отношении к другому объекту, выступающему в качестве эталона/стандарта сравнения. Сравнимый объект и эталон сравнения, как правило, относятся к одному и тому же или схожему типу явлений окружающего мира, в клаузе они выражаются синтаксически равноправными группами (именной или глагольной). Например:

(8) 城里很热闹 => 城里比乡下热闹

chéngli hěn rènao => chéngli bǐ xiāngxià rènao

‘В городе шумно’ => ‘В городе более шумно, чем в сельской местности’

Компаратив в современном китайском языке выражается аналитически. Стандарт сравнения реализуется предложными группами – препозитивно с предлогом 比 *bǐ* (9) или постпозитивно с помощью 于 *yú* (10) и входит :

(9) 他比我聪明 *tā bǐ wǒ cōngmíng* ‘Он умней меня’

(10) 业绩差于“一般” *yèjī chà yú “yībān”* ‘достижения хуже «посредственных»’.

Из особенностей функционирования прилагательных в этом подклассе отметим снятие ограничений на категориальную однородность объекта и эталона сравнения для конструкций сравнения с прилагательными 早 *zǎo* ‘ранний’, 晚 *wǎn* ‘поздний’, например, когда объект сравнения выражается названием события, а эталон – темпоративом, как в (11) :

(11) 放学比往常早 *fàngxué bǐ wǎngcháng zǎo* ‘Каникулы (начались) раньше обычного’

Беспредложно реализуется периферийная валентность множества в компаративных конструкциях, в которых с помощью наречия 最 *zuì* ‘самый’ выражается превосходная степень как высшая степень проявления признака (12), при этом ИГ со значением множества может оформляться локативом (中 *zhong*, 里 *li* и др.) (13) или быть выражена ИГ с пространственным значением (14):

(12) 体育练习最复杂的动作 *tǐyù liànxí zuì fùzá de dòngzuò* ‘самое сложное движение в спортивной тренировке’

(13) 语言中最大的语法单位 *yǔyánzhōng zuìdà de yǔfǎ dānwèi* ‘самая крупная грамматическая единица в языке’

(14) 天空中最明亮的星 *tiānkōng zhōng zuì míngliàng de xīng* ‘самая яркая звезда на небосклоне’.

Трехместные структуры с прилагательными предполагают не только сопоставление объекта и эталона сравнения по определенному признаку, но и количественное выражение имеющегося различия. Разница в выражении признака, или дифференциал, передается адвербиальными интенсификаторами 一点儿 *yīdiǎnr* ‘немного’, 多 *dūo* ‘гораздо’ и др., количественными группами X 倍 *X bèi* ‘в X раз’ и др., выступающими в рамках предикатно-актантной структуры данного типа распространителями. С точки зрения линейной организации предложения, дифференциал ставится после называющего признак прилагательного. Например:

(15) 他比别的孩子聪明一点儿。 *Tā bǐ biéde háizi cōngmíng yīdiǎnr* ‘Он немного умнее других детей’

(16) 他比别的孩子聪明十倍。 *Tā bǐ bié de háizi cōngmíng shí bèi* ‘Он умнее других детей в десять раз’

В китайской грамматической традиции такому постпозитивному члену предложения соответствует синтаксическая роль компонента (补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент, дополнительный член’), который может быть выражен группой с точным или неопределенным количественным значением.

В случаях когда в ситуации имеется указание на дифференциал, обнаруживается вариативность линейной организации средств выражения идеи сравнения, поскольку, кроме уже описанных структур предложного типа, аналитический компаратив может быть построен и беспредложно – за счет порядка слов. Ср. в (17):

(17) 哥哥比我大五岁。=> 哥哥大我五岁。

Gēgē bǐ wǒ dà wǔ suì => Gēgē dà wǒ wǔ suì

‘Брат старше меня на пять лет’.

В современном китайском языке существует еще одна стратегия оформления участников ситуации, называемой параметрическим прилагательным, когда в клаузе формально представлен качественно-характеризующий, ограничительный или уточняющий параметр признака (соответствует высокий *по росту* в русском языке). В таких контекстах существительное, называющее эксплицированный параметр признака, занимает позицию подлежащего в клаузе, а носитель признака смещается в позицию определения к нему:

(18) 老王个儿很矮。 *Lǎo Wáng gèr hěn ǎi* ‘Лео Ван низкий по росту’.

(19) 弟弟年龄很小。 *dìdì niánlíng hěn xiǎo* ‘Младший брат маленький по возрасту’.

Такое смещение главного участника является принудительным, т. е. единственно возможным способом реализации субъектной валентности при наличии в клаузе экспликации параметра признака 个儿 *gèr* ‘рост’, 年龄 *niánlíng* ‘возраст’ и т.п. Выполняющие функцию конкретизации, уточнения отдельных аспектов ситуации распространители прилагательных не меняют значения предикации в целом, при этом периферийному участнику представляется синтаксически самая престижная позиция в клаузе.

У некоторых параметрических прилагательных этого подкласса (с экспликацией параметра признака) обнаруживается запрет на возможность их реализации со значением положительной степени (в отвлечении от степени его проявления в отношении других объектов), для них оказывается допустимым употребление исключительно в сравнительных конструкциях. Ср. (20а) -(20в) и (21а) -(21в):

(20а) 爸爸年纪很大。 *Bàba niánjì hěn dà* ‘Папа престарелый по возрасту’

(20б) 爸爸比我大三十五岁。 *Bàba bǐ wǒ dà sānshíwǔ suì* ‘Папа старше меня на 35 лет’

(20в) 爸爸大我三十五岁。 *Bàba dà wǒ sānshíwǔ suì* ‘Папа старше меня на 35 лет’

(21а) *王钢年级很低。 *Wáng Gāng niánjí hěn dī* ‘Ван Ган младший по курсу’

(21б) 王钢比我低两个年级。 *Wáng Gāng bǐ wǒ dī liǎng gè niánjí* ‘Ван Ган младше меня на два курса’

(21в) 王钢低我两个年级。 *Wáng Gāng dī wǒ liǎng gè niánjí* ‘Ван Ган младше меня на два курса’

Собранные нами сведения о предикатно-актантных структурах с прилагательными в качестве синтаксического центра клаузы представляют предварительные наблюдения над языковым материалом и пока что не подвергались систематической статистической обработке. Изложенная классификация и некоторые сопутствующие ей обобщения основаны на качественном, а не на количественном анализе эмпирических данных китайского языка, поэтому требуют дальнейшего уточнения и проверки на более широком языковом материале.

Литература

1. Храковский В. С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М.: Наука, 1973. С. 489–507.
2. Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Коммерческая пресса, 1982. 朱德熙 语法讲义, 北京: 商务印书馆. 1982年. *Zhū Déxī. Yǔfǎ jiǎngyì. Běijīng: Shāngwù yìnshūguǎn. 1982 nián.*

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» НА ПРИМЕРЕ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

In this paper, we considered the national and cultural specificity of a zoomorphic metaphor, which is used to characterize own and alien nations on the base of Japanese and Russian languages. When using a zoomorphic metaphor, respondents (as the Japanese as the Russian) paid attention to the different characteristics of the same animal. We identified zoomorphic metaphors that were used for various purposes: for mutual characteristics, for characteristics exclusively Russian and for characteristics exclusively Japanese. In addition, zoomorphic metaphors typical for the Japanese and for the Russians were found.

Противопоставление «свой–чужой» по мысли Ю.С. Степанова «в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов – 2004).

Эта оппозиция является базисной при категоризации окружающего мира и находит свое проявление в языке, например, в семантике лексических единиц. «Свое» мы начинаем лучше осознавать при столкновении с «чужим», свою культуру мы начинаем лучше понимать при столкновении с другой культурой. Ранее Т.М. Гуревич и Н.Н. Изотова выявили специфику зооморфного кода японской культуры (Гуревич, Изотова – 2018). Н.В. Кутафьева и А.А. Гладких рассмотрели использование зооморфной метафоры на примере фразеологизмов (Кутафьева, Гладких – 2016). В данной работе мы продолжаем исследовать национально-культурную специфику зооморфной метафоры, используемой в японской и русской лингвокультуре для характеристики человека.

Цель работы – выявить, какие зооморфные метафоры используются японцами и русскими для персональных характеристик другой нации,

Для сбора материала мы составили анкету, в которой были использованы наименования животных, значимые для обеих культур, такие как *тануки* (енотовидная собака), лисица, черепаха, обезьяна, собака, кошка, лошадь, бык (корова), заяц, медведь, волк, пчела, муравей, а также наименования, не имеющие большого значения, такие как слон, белка, хомяк, мышь. В анкете содержалась просьба ответить на вопрос: «Как Вы представляете себе японцев и русских, выберите, пожалуйста, из списка одно или два названия животных и объясните, почему Вы выбрали это животное. Если в списке подходящее на Ваш взгляд животное отсутствует, пожалуйста, добавьте его». В опросе участвовали по 100 студентов и преподавателей японских университетов (Сайтама и Дохо) и Новосибирского государственного университета.

После анализа полученных данных были получены следующие результаты.

1. Зооморфизмы, используемые японцами по отношению к русским, связаны со следующими параметрами:

- размером (большие),
- качеством (сильные),
- местом обитания (живут в холоде, надевают много одежды, устойчивы к холоду),
- внешним видом (красивые, высокие, белые),
- поведением (медлительные, не обращают внимания на окружающих).

На периферии остается такой параметр, как характер (хитрые).

Эти характеристики связаны со следующими зоонимами:

Большой – медведь, слон, тигр, северный олень,

Сильный – медведь, белый медведь, пчела, северный олень,

Живут в холоде – медведь, белый медведь, волк, лиса, заяц,

Белый цвет – лиса, заяц, лошадь, белка, хомяк,

Внешний вид (красивый) – кошка, белка, собака (хаски), лебедь, (высокий) – лошадь, жираф.

Медлительные, не обращают внимание на окружающих – кошка, черепаха, корова.

Хитрые – мышь.

Для японцев в отношении русских важными являются внешний вид и место обитания, связанное с холодом, затем поведение и характер. У зоонимов, используемых для наименования русских (медведь, лиса, заяц, лошадь, хомяк), уточняется цвет (белый), ассоциативно связанный с цветом кожи.

2. Зооморфизмы, используемые **русскими для характеристики японцев**, связаны со следующими параметрами:

– с социальным поведением (трудолюбивые, коллективизм, строгая иерархия общества, скрывают свои чувства).

– характером (хитрые, спокойные).

На периферии остаются такие параметры, как

– внешний вид (грациозные, милые):

– характер (умные):

– поведение (суетливые)

– размер (маленькие).

Эти характеристики связаны со следующими зоонимами:

Трудолюбивые – муравей, пчела,

Коллективизм – муравей, пчела,

Скрывают свои чувства – лиса, кошка,

Хитрые – лиса, заяц

Милые, грациозные – лиса, кошка, хомяк

Спокойные – слон, корова

При оценке японцев для русских важными являются социальное поведение и черты характера.

3. При описании другой нации (русских) для японцев типичными зоонимами являются медведь (белый медведь) волк и лиса.

При описании другой нации (японцев) для русских типичными зоонимами являются муравей, пчела и лиса.

4. Были найдены зоонимы, которые японцы и русские используют для взаимной характеристики. Как правило, для характеристики себя и другого на первый план выступают разные ассоциации, связанные с одним и тем же животным, хотя характеристики могут и пересекаться.

Лиса обладает общим качеством и для японцев и для русских – хитростью.

Лиса для японцев в отношении русских – живут в холодном месте, устойчивы к холоду, белые. Уточняется цвет животного, ассоциативно связанный с цветом кожи человека, ассоциации также связаны с местом обитания и качеством. Лиса для русских в отношении японцев – милые, но хитрые и изворотливые, скрывают свои чувства, распространены в японской мифологии (ассоциации связаны с хитростью и представлением чего-то японского).

Кошка для японцев в отношении русских – не обращают внимания на окружающих, совершенно отличаются от японцев, красивые (ассоциации связаны с поведением и внешностью). Кошка для русских в отношении японцев – грациозные, закрытые, делят общество на свой и чужой, непонятно, что у них на уме (ассоциации связаны с внешностью и поведением).

Пчела для японцев в отношении русских – сильные, но опасные. Пчела для русских в отношении японцев – трудолюбивые, коллективизм, строгая организация жизни (ассоциация с пчелиным роем).

Лошадь для японцев в отношении русских – высокие, выглядят солидно, белая лошадь. Уточняется масть лошади (ассоциации связаны с внешним видом, а именно, с цветом кожи). Лошадь для русских в отношении японцев – свободный нрав (ассоциации связаны с характером).

Заяц для японцев в отношении русских – белый, холод (ассоциации связаны с местом обитания и внешним видом, цветом кожи). Заяц для русских в отношении японцев – быстрые, шустрые, хитрые (ассоциации связаны с характером и поведением).

Слон для японцев в отношении русских – большие, тяжеловесные, сильные (ассоциации связаны с размером и качеством). Слон для русских в отношении японцев – спокойные, невозмутимые, полные (ассоциации связаны с характером, поведением и внешним видом, несмотря на то, что в русском языке существует устойчивая ассоциация, связанная с размером).

Мышь для японцев в отношении русских – хитрые, жуликоватые (ассоциации связаны с характером). Мышь для русских в отношении японцев – тихие и скромные, маленькие, живут в маленьких норках, как японцы (ассоциации связаны с характером и размером, а также с небольшим размером японских квартир).

Черепашка для японцев в отношении русских – неторопливые, ищут свою выгоду (ассоциации связаны с поведением). Черепашка для русских в отношении японцев – мудрые.

Гепард для японцев в отношении русских – энергичные, живут отдельно от других, сильные (ассоциации связаны с поведением и качеством). Гепард для русских в отношении японцев – скорость (скорость гепарда ассоциируется со скоростью прогресса).

Корова для японцев в отношении русских – медлительные, пьют алкоголь и шатаются. Корова для русских в отношении японцев – спокойная.

5. Зоонимы, которые японцы используют исключительно для русских.

Медведь обладает таким качеством, как сила.

Медведь со стороны японцев в отношении русских – большие, сильные, живут в холоде, русские надевают много одежды и становятся похожими на медведя, страшные (ассоциации связаны с размером, местом обитания и качеством).

Волк также обладает силой.

Волк со стороны японцев в отношении русских – волки живут в холодном месте, устойчивы к холоду, русские надевают много шерстяной одежды, сильные (ассоциации связаны с местом обитания, качеством, внешним видом, по смежности: шерсть – много шерстяной одежды, как и в случае с зоонимом медведь).

Кроме того, используются следующие зоонимы:

- гепард (энергичные, живут отдельно от других, сильные),
- северный олень (живут в холоде, большие, сильные и стройные),
- жираф (высокие и красивые),
- тигр (большие и сильные),
- лебедь (красивые, вероятно, связано с русским женским фигурным катанием).

6. Зоонимы, которые русские используют только в отношении японцев.

Муравей для русских ассоциируется с работой.

Муравей для русских в отношении японцев – коллективизм, соблюдается система иерархии, как в муравейнике, всегда в движении, их много (строение муравейника и роли муравьев ассоциируются с японским обществом).

Пчела для русских в отношении японцев – трудолюбивые, коллективизм, строгая организация жизни, как в рое (строение роя ассоциируется с японским обществом).

Тануки ассоциируется у русских с чем-то японским.

Итак, мы рассмотрели зоонимы и зооморфизмы, которые используют японцы и русские для характеристики другой нации. При характеристике другой нации японцы и русские обращают внимание на разные параметры. Были выявлены зооморфизмы, которые используются с различными целями:

- для взаимной характеристики;
- для характеристик исключительно русских;
- для характеристик исключительно японцев.

Кроме того, были найдены зооморфизмы типичные для японцев и русских.

В дальнейшем мы планируем провести исследование зооморфизмов, которые японцы используют в отношении себя и русских, а также зооморфизмов, которые русские используют в отношении себя и японцев, и провести между ними сравнение.

Литература

1. Антонова А.Б., Ким Ч. Структурно-семантические особенности анималистических фразеологизмов, описывающих внешний облик и характер человека в русском и корейском языках. *Международный информационно-аналитический журнал "Crede experto: транспорт, общество, образование, язык"*. № 3 (14). 2017.
2. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Дис. ...канд. филол.н. Смоленский гос. университет. Смоленск, 2016. http://smolgu.ru/files/doc/D212_254_01/disser/Bicher.pdf Дата обращения 21.12.2019.
3. Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Специфика зоологического кода японской культуры. *Culture and Civilization*. 2018, Vol. 8, Is. 2A. <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2018-2/4-gurevich-izotova.pdf> Дата обращения 19.12.2019.
4. Кутафьева Н.В., Гладких А.А. Зооморфизмы в японском языке // *Материалы XII Международной конференции «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Западной Африки»*. М., 2016.
5. Мецзяков А.Н. *Книга японских символов*. М., 2008..
6. Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры*. М., 2004.

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Cambodian is an isolating language with fixed word order (SVO) where all positions are meaningful, omissions are undesirable, and adverbials are used sentence-finally or sentence-initially, with determinants following their heads. Cambodian has no grammatical categories, including category of voice and a number of grammatical meanings can be expressed by special function words. This article addresses the Cambodian passive constructions formed by special auxiliary verbs *trəw* and *ba:n*.

Категория залога (имеется в виду оппозиция активный залог-пассивный залог), как известно, связана с выражением тема-рематических отношений. Выбор пассивной глагольной формы указывает на то, что в качестве темы говорящий выбирает не производителя действия, а его объект. В кхмерском языке – языке изолирующего типа – для выполнения данного коммуникативного задания используются специальные пассивные конструкции (ПК).

Преобразование активной конструкции (АК) в ПК, т.е. перевод субъекта с центральной синтаксической позиции подлежащего осуществляется с помощью вспомогательных глаголов *trəw* (этимологически ‘подвергаться’) и *ba:n* (этимологически ‘получать’). Эти глаголы²⁵ или их сочетание *trəw ba:n* занимают позицию между подлежащим ПК и агентивным дополнением. Ср.:

1. *lɔ:k-kru: thvɔ:-tɔ:h səh khcil khlah*
учитель наказывать ученик ленивый несколько
«Учитель наказал нескольких ленивых учеников»
2. *səh khcil khlah trəw lɔ:k-kru: thvɔ:-tɔ:h*
ученик ленивый несколько PASS учитель наказывать
«Несколько ленивых учеников были наказаны учителем»

В (2) позицию подлежащего занимает существительное ‘ученики’, называющее объект действия ‘наказывать’. Название субъекта этого действия ‘учитель’ оказывается в позиции дополнения к глаголу *trəw*, но в то же время сохраняет позицию подлежащего по отношению к глаголу ‘наказывать’. В связи с этим отметим, что в кхмерских ПК «понижается в ранге» не просто подлежащее АК, но сама эта конструкция, которая становится зависимой от глагола *trəw* или *ba:n*.

В подавляющем большинстве случаев ПК образуются от АК с переходными глаголами. Лексический состав этих глаголов практически неограничен. Интересно, что оценка называемого ими действия как благоприятного или неблагоприятного для объекта может оказывать влияние на выбор вспомогательного глагола: *trəw* употребляется при неблагоприятном или нейтральном действии, сочетание *trəw ba:n* (порядок слов именно такой) – при нейтральном или благоприятном действии, *ba:n* – только при благоприятном действии. Ср. (2), неблагоприятное действие с (3), нейтральное действие и (4) благоприятное действие.

3. *kumnuut prɔsaw teaj nuh trəw-ba:n koun-proh trɔŋ jɔ:k*
мысль великолепный весь тот PASS сын честный брат

²⁵ Аналогичные глаголы служат для образования пассивных конструкций в лаосском, тайском, вьетнамском, бирманском языках (Морев – 1964), (Быстров, Станкевич – 1974), (Касевич – 1974)

ba:n ja:ŋ bɔrebu

получать вид полный

«Все эти замечательные мысли были полностью восприняты честным сыном»

4. *kɔat ba:n kromhun dɔmlauŋ prak-khae*

он PASS фирма увеличивать зарплата

«Фирма увеличила ему зарплату»

Подлежащим ПК может быть как одушевленное, так и неодушевленное существительное, которое в исходной АК выполняло функцию прямого или косвенного дополнения. Семантические роли подлежащего ПК достаточно разнообразны – это объект создаваемый или разрушаемый, перемещаемый или изменяемый, приобретаемый или отторгаемый, объект суждения или какой-либо «нефизической» деятельности, объект чувств или чувственного восприятия, объект каузации-деятель, адресат речи или действия, бенефициент, обладатель или целое по отношению к части.

Позиция агентивного дополнения ПК – между вспомогательным и знаменательным глаголами – может быть заполнена только одушевленным существительным (2, 3) или существительным-наименованием «макрообъекта» – социальной структуры, стихийной силы (4). Неодушевленное существительное занимает позицию после знаменательного глагола, типичную для дополнения причины и инструментального дополнения.

5. *kɔncɔk bɔŋɔuɔc trɔw baek daoj-sa: bal*

стекло окно PASS разбивать INSTR мяч

«Оконное стекло было разбито мячом»

Перемещение в эту позицию одушевленного существительного в роли агентивного дополнения служит усилению, подчеркиванию значения субъекта действия.

6. *siɔwphɔw nih trɔw-ba:n nɔcɔn lauŋ daoj neak-nɔcɔn lɔbei-lɔba:n*

книга этот PASS сочинять 'подниматься' INSTR писатель известный

«Эта книга написана известным писателем»

В ряде случаев вспомогательный глагол *trɔw* (и только он) сочетается с непереходным глаголом:

7. *kɔat trɔw slap*

он PASS умирать

«Он погиб»

Эта конструкция образована от АК (8) для того, чтобы подчеркнуть, что действие произошло не само по себе, а по какой-то внешней причине.

8. *kɔat slap*

он умирать

«Он умер»

При данном преобразовании (8) в (7) не происходит перемещения в другую позицию подлежащего АК, оно продолжает оставаться подлежащим и в ПК. Вследствие этого позиция агентивного дополнения ПК ничем не может быть заполнена, она как бы отсутствует.

Конструкция с такими характеристиками может быть иногда образована и от переходного глагола:

9. *neak-chneah nuŋ trɔw-ba:n tɔtuəl rɔŋvɔan*

победитель IRR PASS получать награда

«Победители будут награждены»

Ср. возможность описания той же ситуации при помощи АК (10) и при помощи стандартной ПК с агентивным дополнением и переходным глаголом (11):

10. *neak-chneah nuŋ tətuał rəŋvəan*
 победитель IRR получать награда
 «Победители получают награды»
11. *neak-chneah nuŋ trəw-ba:n kɛ: aoj rəŋvəan*
 победитель IRR PASS ‘они’ давать награда
 «Победителям будут вручены награды» или «Победители будут награждены»

Неопределенно-личное местоимение *kɛ:* в позиции агентивного дополнения не отражается в переводе

Таким образом, в конструкциях типа (7), (9) есть формальный показатель пассива – вспомогательный глагол, но не происходит изменения диатезы по сравнению с исходными конструкциями (8) и (10). Подобные преобразования возможны в отношении только таких исходных АК, где позицию подлежащего занимает имя не производителя действия, не агенса, а пациенса, что определяется семантикой глагола типа ‘умереть’, ‘получать’, ‘падать’... Изменения диатезы фактически не требуется, так как исходная конструкция уже пассивна по своему содержанию. Введение в нее вспомогательного пассивного глагола только эксплицирует, формализует эту пассивность.

Материал кхмерского языка представляет определенный интерес в связи с дискуссией по вопросу об отнесении категории активного/пассивного залога к синтаксису или морфологии. В кхмерском языке значение пассивного залога выражается при помощи синтаксической конструкции, образованной специальным вспомогательным глаголом. Опускание этого глагола в ПК с агентивным дополнением не только изменяет залоговый статус глагола, но также приводит к изменению синтаксических отношений: подлежащее ПК будет восприниматься как инверсированное дополнение, а агентивное дополнение – как подлежащее АК. Ср (3) ... «Все эти замечательные мысли были полностью восприняты честным сыном» и (12):

12. *kumnut prəsaŋ teaŋ nuh koun-proh trəŋ jɔ:k ba:n ja:ŋ bəreboŋ*
 мысль великолепный весь тот сын честный брат получать вид полный
 «Все эти замечательные мысли честный сын воспринял полностью»

Опускание вспомогательного глагола в ПК без агентивного дополнения приводит к превращению конструкции в активную, но не изменяет синтаксические отношения между существительным и глаголом – отношения подлежащего и сказуемого. Ср. (13) и (14):

13. *kəat trəw sɔmlap*
 он PASS убивать
 «Он был убит»
14. *kəat sɔmlap*
 он убивать
 «Он убил»

Анализ ПК кхмерского языка говорит о двойственном характере категории залога, так как эти ПК одновременно выражают синтаксические отношения и модифицируют грамматическое значение глагола.

Список сокращений

INSTR показатель инструмента IRR ирреалис PASS пассив

Литература

1. Морев Л. Н. Основы синтаксиса тайского языка. М., 1964.
2. Быстров И. С., Станкевич Н. В. К вопросу о пассиве и пассивных конструкциях во вьетнамском языке // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.
3. Касевич В. Б. Пассивные конструкции в бирманском языке // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В БАЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Negation is one of language universals and can be expressed by multi level means. Different languages provide a specific set of means to express negation. As for Balinese it uses morphological (e.g. prefixes) and lexical (e.g. negative particles) means. Besides standart negation, Balinese distinguishes prohibitive, contrastive, argumentative negations as well as the negation of completeness. Balinese has at least two registers (low register and high register) and different sets of means of negation correspondingly.

Основой грамматической категории отрицания является логическое отрицание – небытие, инобытие, различие, лишенность и др. В то же время отрицательные языковые формы не всегда выражают логическое отрицание, а положительные языковые формы могут выражать логическое отрицание (холост = неженатый, слепой = незрячий). Вместе с тем в содержание языкового отрицания могут входить и другие денотативные частные значения, например, несогласие, возражение, опровержение, отказ, запрет, протест и некоторые другие. (Бондаренко – 1983, с.77-78)

Отрицание является языковой универсалией, которая в разных языках может быть проявлена на разных уровнях – лексическом, грамматическом и фонетическом. (Бондаренко – 1983, с.195)

В статье описывается грамматическая категория отрицания в балийском языке и выделяются разноуровневые языковые средства ее оформления. Помимо собственно логического отрицания данные средства оформляют и другие связанные с отрицанием значения – запрет, отрицание завершенности и др.

Прежде чем приступить к описанию любой грамматической категории в балийском языке, необходимо отметить, что балийский язык имеет три социально обусловленных языковых регистра – низкий, средний и высокий. К среднему регистру относятся сравнительно мало слов, в том числе служебных, большая же часть слов относится либо к низкому, либо и высокому регистрам. Высокий регистр языка характеризуется большим количеством заимствований из санскрита. Поскольку лексика, и, в некоторой степени, морфология высокого и низкого регистров различается в той мере, чтобы говорящие на них не понимали друг друга, то описание необходимо вести имея в виду это различие.

Категория отрицания в балийском языке имеет морфологическое и лексическое оформление.

1. К морфологическим средствам отрицания относятся префиксы, которые присоединяются к существительным и предикативам. В составе дериватов эти префиксы выражают либо отрицание, либо – новый признак. Дублеты – дериваты, образованные от одного корня с разными префиксами и с одним значением – найдены не были. Все префиксы с отрицательной семантикой заимствованы из санскрита. При этом часто заимствуется дериват полностью.

В балийском языке данный способ образования распространен не широко, употребление отрицательных префиксов ограничивается определенными лексемами, которые относятся к высокому регистру языка.

1.1. Префикс *a-*

Данный префикс может присоединяться как к существительному, так и к предикативу. Причем образовавшийся дериват по конверсии может переходить в другую часть речи:

a-dharma (NEG-хорошие поступки) ‘плохие поступки’, *a-himsa* (NEG-причинять вред) ‘не причинять вред; непричинение вреда’, *a-kroda* (NEG-сердиться) ‘не сердитый’.

1.2. Префиксы *nir/nis-*, *dur-/dus-*

Вариант этих префиксов зависит, согласно законам грамматики санскрита, от начальной производящей основы (*nir-* и *dur-* – перед звонкими согласными, *nis-* и *dus-* – перед глухими согласными).

Аффиксы *nir-/nis-* участвуют в образовании предикативов от существительных: *nir-don* (NEG-намерение) ‘напрасный’, *nir-mala* (NEG-грязь) ‘чистый, святой, совершенный’; *nir-guna* (NEG-выгода) ‘невыгодный, бесполезный’; *nis-teja* (NEG-блеск) ‘тусклый’, *nis-kama* (NEG-корысть) ‘бескорыстный’.

Аффиксы *dur-/dus* участвуют в образовании предикативов от производящих основ-предикативов:

dur-sila (NEG-иметь хорошие манеры) ‘быть невоспитанным’, *dus-kerta* (NEG-хорошо поступать) ‘очень плохой; очень плохой поступок’.

От предикатива с отрицательным префиксом по конверсии может быть образовано существительное (см. *duskerta* выше).

2. Лексические средства

К лексическим средствам оформления категории отрицания относятся отрицательные частицы, которые используются во всех трех регистрах языка и являются основным средством оформления отрицания.

Отрицательные частицы различаются сочетаемостью – сочетаются либо с предикативами, либо с существительными, либо и с предикативами и с существительными. Только одна частица – *tusing* и ее укороченный вариант *sing* – сочетается как с предикативами, так и с существительными.

Помимо простого отрицания выделяются также запретительное, противопоставительное, аргументирующее отрицания и отрицание завершенности. Отрицательные частицы всех указанных подвидов имеются в низком и высоком регистрах языка.

Чаще всего частицы стоят непосредственно перед отрицаемым словом, но могут находиться в дистантной препозиции или в постпозиции к нему (при двойном отрицании – см. п.4).

2.1. Простые отрицательные частицы

2.1.1. Отрицание к глаголам

Низкий регистр

Простое отрицание: *tusing, sing, tuara, byana, tani*

Наиболее употребительным из простых отрицаний является *tusing*.

- (1) Dadi *tusing* nyak nyuti gura I Jenet?
Следовательно NEG хотеть изменять внешность ART Джанет
‘То есть не хочет изменяться Джанет?’
- (2) Tiang *sing* Ø-dadiang=a mabakti.
Я NEG ERG-делать=3.Ag служить
‘Меня не заставили служить.’
- (3) Ubad-é *tuara* ja mudah.
Лекарство-DEF NEG PART дешевый
‘Это лекарство не дешевое.’

Высокий регистр

Простое отрицание: *nenten, ten, tan, tanwenten, kan*

- (4) Ampura titiang *nenten* makta(N-bakta) amplop.
Извините я NEG АСТ-нести конверт
‘Извините, у меня нет письма.’
- (5) Peteng-é nika tiang *ten* nyidayang pules.
Ночь-DEF тот я NEG мочь спать
‘Той ночью я не мог заснуть.’

- (6) Paripolah-e punika tan pendah maraga
 Поведение-DEF тот NEG обещать иметь.тело
 brahmacari.
 вести.аскетический.образ.жизни
 ‘Такое поведение не говорит о том, что он ведет аскетический образ жизни.’

2.1.2. Отрицание к существительным

Низкий регистр

Простое отрицание: *tidong, dong, edong*

- (7) Yening ada anak kauk-kauk *tidong* meme, da pesan ampakin-a!
 Если быть человек звать NEG мама PRON очень открывать-PAS
 ‘Если кто-то позовет, кроме мамы, ты не открывай дверь.’
- (8) *Dong* totonan ia.
 NEG это он
 ‘Не это (этот человек) он.’

Высокий регистр

Простое отрицание: *boya, dudu*

- (9) Ento *boya* empas, to tain sampi tuh.
 Это NEG черепаха это предполагать бык сухой
 ‘Это не черепаха, это высохший бычок.’

Средний регистр

Простое отрицание: *tusing*

- (10) *Tusing* tikas manusa ada-ne ento.
 NEG отношение человек имя-3.POS тот
 ‘Это не называется поведение человека.’

2.1.3. Отрицание к местоимениям

С личными местоимениями используются те же отрицательные частицы, что и с существительными. Обобщенно-отрицательное значение образуется отрицанием наличия (или другого действия или состояния) с использованием обобщенного местоимения, которое образуется путем удвоения вопросительного местоимения.

- (11) ... *tan* hana aran-aran.
 NEG быть что-либо
 ‘...нет ничего.’

2.2. Частицы отрицания завершенности ‘еще не’

Низкий регистр

Отрицание завершенности: *tonden*

- (12) Wayan Sereg neked jumlah tumben nyagjagin(N-jagjain) paon yadiastun
 ART Серег прийти дом редко АСТ-подходить.к кухня если
 basang-ne *tonden* seduk.
 живот-3.POS NegComp голодный
 ‘Ваянг Серег, придя домой, редко шел на кухню, если не был еще голоден.’

Высокий регистр

Отрицание завершенности: *durung, dereng*

- (13) Wénten patut, wénten taler sané *durung* mamargi antar.
 Быть подходящий быть также REL NegComp идти хорошо
 ‘У некоторых получалось, некоторые еще не справились.’

2.3. Частицы запретительного отрицания ‘не (делай)’

Низкий регистр

Запретительное отрицание: *eda, da*

(14) *Beli eda nyalit(N-salit) kayun*
Ты ПРОН АСТ-менять мысль
‘Не думай иначе.’

(15) ...*da ja ng-aku awak sakti.*
ПРОН PART АСТ-признавать себя святой
‘... не думай, что ты святой’

Высокий регистр

Запретительное отрицание: *sampungan*

(16) *Sampunang lali sangkaning arta.*
ПРОН забывать PREP имущество
‘Не забудь о вещах’

2.4. Противопоставительное отрицание

Отрицательные частицы могут выделять и отрицать с противопоставлением предикативы и имена, а также все предложение, противопоставляя предыдущей информации. В качестве противопоставительных используются те же отрицательные частицы, которые используются при отрицании существительных.

Средний регистр

Противопоставительное отрицание: *tusing*

(17) *Tusing ubad Ø-baang=a.*
NEG лекарство ERG-нести=3.Ag
‘А не принесли лекарство.’

Высокий регистр

Противопоставительное отрицание: *boya*

(18) *Boya nga-margiang sasana.*
NEG АСТ-совершать действие
‘А не [для того чтобы] совершать действия.’

2.5. Аргументирующее отрицание ‘разве не’

Аргументирующее отрицание стоит в начале предложения и оформляется теми же отрицательными частицами, которые используются при отрицании существительных: *tidong* (низкий регистр), *boya* (высокий регистр).

(19) *Boya ke nika raplajahan indik ngeret indria, Kak?*
NEG PREP этот учеба PREP сдерживать чувства брат
‘Разве это не о контроле над разумом, брат?’

3. Поскольку отрицание имеет, в том числе, выделительную функцию, то чаще оно выделяет сказуемое. В постпозиции к отрицаемым словам (сочетаниям слов) возможно использование других выделительных частиц (*dogen* ‘только’ и др.).

3.1. Отрицание при сказуемом

(20) *Polisi tusing nyak majalah ng-ejuk maling.*
Полиция NEG хотеть учиться АСТ-ловить вор
‘Полиция не хочет учиться ловить воров.’

3.2. Отрицание при подлежащем

(21) *Tusing ia dogen ngelah pasukan.*
NEG он PART иметь войско
‘Не только у них есть войско.’

3.3. Отрицание при обстоятельстве времени

При трицании обстоятельство времени выносится в начало предложения.

- (22) *Sing ibi ia ngalih(N-kalih) Ketut*
NEG вчера он АСТ-искать Кетут
'Он искал Кетута не вчера.'

3.4. Отрицание при определении

Отрицаемое определение вводится соотносительным служебным словом *ane* 'который'.

- (23) *Ene tukang waris dadi ng-aba salah ane tuara beneh?*
Этот мастер наследство стать АСТ-нести поведение REL NEG хороший
'Это тот специалист по наследству, который стал нехорошо себя вести?'

4. Двойное отрицание в балийском языке имеет выделительную функцию, при этом задействована выделительная просодика – интонационно выделяется предшествующее слово/сочетание. (I Wayan Arka – 2018)

- (24) *Sing Ketut sing Ø-alih=a*
NEG Кетут NEG ERG-искать=3.Ag
'Не Кетута он ищет.'

5. Кроме категоричного отрицания в балийском языке используется также смягченное, не категоричное отрицание 'недостаточно'. Это отрицание также имеет варианты в низком и высоком регистрах языка: *kuang* (низкий регистр), *kirang*, *tuna* (высокий регистр).

- (25) *Akeh jadma sane kirang teliti ritatkala nge-wacen*
много человек REL недостаточно внимательный когда АСТ-читать
daging gatra...
содержимое новость
'Многие невнимательно читают новости...'

- (26) *Keneh-e ane kuang nyumpuang(N-cumpuang) pula-pali*
мысль-DEF REL недостаточно соответствовать правило
yadnya maorten ringkes nyiriang liunan Manusa
церемония иметь.основу кратким означать много человек
Bali-ne konden saser ...
балийский-DEF NegComp усталый
'Мысли, которые недостаточно соответствуют правилам церемонии,
будут недолгими, что означает, что многие балийцы не устанут...'

- (27) *Saget Ø-tepukin=a I Kekua berag akig, sajan*
Вдруг ERG-видеть=3.Ag Art черепаха тощий очень действительно
mirib tuna amah.
на.сагом.деле недостаточно есть
'Вдруг увидел он очень худую черепаху, которая действительно
недоедала.'

Следующие два примера иллюстрируют морфологический и лексический способы оформления категории отрицания: *dursila* 'невоспитанный' и *tuna sila* 'невоспитанный (недостаточно воспитанный)'. Первый пример передает категорическое, а второй – смягченное отрицание.

6. Отрицание в балийском языке имеет как грамматическое (префиксы), так и лексическое (отрицательные частицы) оформление. Все отрицательные префиксы заимствованы из санскрита и характеризуют высокий регистр языка. Префиксы могут присоединяться как к предикативу, так и к существительному. Отрицательные частицы делятся по сочетаемости с существительными и с предикативами, есть также отрицательная частица, которая

сочетается как с существительными, так и с предикативами. Кроме простого отрицания, в балийском языке выделяются запретительное, противопоставительное, аргументирующее отрицания и отрицание завершенности. Все виды отрицания, кроме отрицания завершенности, выражаются одними и теми же отрицательными частицами.

Сокращения

3.Ag	Агнс 3 лица
3.Pos	Посессивное местоимение 3 лица
ACT	Показатель актива переходного глагола
ART	Артикль
DEF	Показатель определенности
ERG	Показатель эргатива переходного глагола
NEG	Отрицание
NegComp	Отрицание завершенности
PART	Частица
PAS	Показатель пассива глагола
PREP	Предлог
PROH	Запретительное отрицание
REL	Соотносительное служебное слово

Литература

1. I Wayan Arka, I Ketut Artawa & Asako Shiohara On the syntax and pragmatics of negation in Balinese. Thesis in 14 ICAL 2018. – Режим доступа: http://jakarta.shh.mpg.de/14ICAL/abstracts/14ICAL_paper_29.pdf
2. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: «Наука», 1983.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ТАГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

The article is devoted to the role of the particles *ang* and *ay* in several types of the Tagalog complex sentences. These particles are usually used in simple sentences as markers of subject and predicate or topic and focus. But sometimes we can see them in complex sentences where a clause is used instead of a subject or predicate. They can be also found in sentences with adverbial clauses of cause or reason, time, condition, object and concession.

Синтаксис тагальского языка всегда вызывал особый интерес лингвистов в силу его своеобразия и многозначности используемых средств, число которых, на самом деле, весьма ограничено. Сначала его изучали испанские исследователи, потом с начала XX века, когда Филиппины стали колонией США, американские языковеды. Среди них были Леонард Блумфилд, Р. Блейк, П. Шахтер, Ч. Ли, С.А. Томпсон, Э.Л. Кинэн, М. Нунэн и другие. При описании синтаксиса тагальского языка американских ученых в первую очередь интересовали особенности бинарной конструкции.

Вслед за ними и филиппинские лингвисты (Теодоро Льямсон, Риккардо Ноласко, Рести Мендоса Сена и другие) уделяли и уделяют основное свое внимание построению простых предложений в тагальском языке.

Российские языковеды (Л.И. Шкарбан, Г.Е. Рачков, И.В. Подберезский и др.) также интересовались синтаксисом тагальского языка и описывали основные модели предложений, причем уже не только простых, но и сложных. Их работы особенно интересны тем, что они основывали все свои исследования на оригинальных текстах на тагальском языке.

Прежде всего российские лингвисты сделали очень важный вывод о том, что служебные слова *ang* и *ay* являются не только показателями подлежащего и сказуемого, но и показателями актуального членения в тагальском предложении и что актуальное членение, как правило, определяет и подчиняет себе синтаксическое членение. Показатель *ang* – это показатель подлежащего или темы или топики (п.т.), а показатель *ay* – это показатель сказуемого или ремы или фокуса (п.р.). При прямом порядке слов в предложении показатель темы ставится перед темой или топиком, а показатель ремы – перед ремой или фокусом. При обратном порядке слов, когда сказуемое стоит перед подлежащим, используется только показатель темы. Кроме того, показатель темы не ставится, если она выражена личными или указательными местоимениями, а также личными именами, перед которыми используются другие специальные служебные слова.

Описывая порядок слов в простом предложении, Л.И. Шкарбан вслед за И.В. Подберезским (Подберезский – 1971) приходит к выводу о том, что порядок слов в тагальском языке участвует в формировании единиц синтаксического и супрасинтаксического уровней (предложений, сообщений и их частей) и что эти два уровня в тагальском значительно ближе друг к другу, чем во многих других языках. Она подчеркивает, что эти два уровня выделяются, но между ними мало несовпадений и они обслуживаются единым инвентарем служебных средств (Шкарбан – 1989).

Из данного утверждения можно сделать вывод о том, что к этому инвентарю относятся не только порядок слов, но и синтаксические показатели *ang* и *ay*. Однако роль этих служебных слов на уровне сложного предложения до сих пор не исследована. Все уже выявленные особенности использования этих показателей относятся к их роли в простом предложении, употребленном как самостоятельно, так и в составе сложного. Однако в оригинальных текстах на тагальском языке эти служебные слова явно используются и на

уровне сложного предложения для соединения его частей, что можно продемонстрировать рядом примеров:

1. Предложения, в которых один из членов бинарной конструкции выражен целым простым предложением. Такого рода предложения встречаются и давно описаны во многих других языках, например, в китайском, вьетнамском, индонезийском, малайзийском, тайском и т.д.. В этих языках они называются усложненными предложениями или предложениями с включенной частью. Их обычно считают разновидностью сложных, так как в них обнаруживаются два предикативных центра.

В тагальском языке довольно редко встречаются предложения с включенным подлежащим, чаще употребляются предложения с включенным сказуемым, тем не менее, в текстах можно найти примеры обоих типов.

1а. Предложения с включенным подлежащим, например: *Kaakibat ng tungkulin ng gobyerno **ang** masigurong naparaunlad **ang** kalidad ng edukasyong ito batay sa pangangailangan at mithiin ng bansa* ‘В обязанности правительства входит обеспечение стабильного развития качества образования на основе потребностей и стремлений страны [досл.: В обязанностях правительства (п.т.) уверенно развивается (п.т.) качество этого образования на основе потребностей и стремлений страны]’.

1б. Предложения с включенным сказуемым, например: ***Ang** anumang kopya ng diksiyongaryong ito nang walang tunay na lagda ng Punong Editor at ng Direktor ng UP SWF **ay** ilegal **ang** pagkakalimbag at di-authorized **ang** pinagmulan*. ‘Любая копия этого словаря, не имеющая оригинальной подписи главного редактора и директора ИЯФ УФ является незаконно изданной и имеющей неизвестный источник [досл.: (п.т.) Любая копия данного словаря, не имеющая настоящей подписи главного редактора и директора Центра языка филипино УФ (п.п.) незаконна (п.т.) публикация и не авторизован (п.т.) источник]’

В таких предложениях показатели *ang* и *ay* также указывают на актуальное членение, но уже как на уровне всего сложного предложения, так и на уровне включенной части.

2. Довольно часто служебное слово *ay* соединяет части сложноподчиненного предложения. В таких конструкциях можно найти несколько типов придаточных предложений, которые, как правило, стоят перед главным и вводятся соответствующими союзами или бессоюзно, то есть с использованием только показателя ремы. При этом в главном предложении, как правило, используется обратный порядок слов и в каждом простом предложении есть собственные тема и рема, обозначенные соответствующими синтаксическими показателями.

2а. Предложение с придаточным причины, например: *Hindi komo aalis **ang** Pilipinas sa anino ng US **ay** dapat lumipat ito sa ilalim ng kaaway na Tsina* ‘Филиппины не должны переместиться под крыло своего врага Китая только из-за того, что они уйдут из-под крыла США [досл.: Не из-за [того, что] уйдут (п.т.) Филиппины из тени США (п.п.) должны переместиться они под врага, то есть Китай]’.

2б. Предложения с придаточным условия, например: *Kung diyalekto man ng Tagalog **ang** Filipino ng kamaunilaan **ay** pansamantala lamang naman ito* ‘Если филипино все же является диалектом тагальского языка региона Манилы, то это только временно [досл.: Если все-таки является диалектом тагальского (п.т.) филипино региона Манилы, только временно это]’. Перед словом *ito* ‘это’ нет показателя темы, так как она выражена указательным местоимением.

2с. Предложения с придаточным уступительным, например: *Kahit na mukhang matipuno **si** Gusting **ay** may malaking kapansanan siya*. ‘Хотя Густин выглядел полным, он был серьезно болен [досл.: Хотя выглядел плотным / полным (п.т., используемый перед личными именами) Густинг, (п.п.) имел серьезную болезнь он]’.

2д. Предложения с придаточным времени, например: *Anu’t anuman, bago maisakatuparan ng World Bank **ang** layon nila sa atin **ay** mahalagang magkaroon muna tayo ng katatagang-pulitikal ...* ‘Как бы то ни было, прежде чем Мировой банк достигнет своей цели в нашей

стране, важно, чтобы у нас установилась политическая стабильность [досл.: Как бы то ни было, прежде чем будет достигнута Мировым банком (п.т.) их цель в отношении нас, (п.р.) было важно, чтобы приобрели сначала мы политическую стабильность...]

Если все предыдущие примеры содержали соответствующие союзы, то в следующем примере союз отсутствует и тип придаточного предложения можно определить только по смыслу: *Sinusulat ko ito ay nakasampa na sa \$17B ang panlabas na utang ng Pilipinas* ‘Пока я это пишу, внешний долг Филиппин уже превысил 17 млрд. долларов [досл.: Я это пишу (п.р.) превысил уже 17 млрд. дол. (п.т.) внешний долг Филиппин]’.

2e. Придаточные дополнительные, например: *Akala ba namin ay kayo ang nagprotesta na kayo ang dinaya ...* ‘Разве мы думали, что именно вы протестующие и будете обмануты [досл.: Разве мы думали, (п.р.) вы (п.т.) протестующие которые вы (п.т.) были обмануты...]’ Это тоже пример бессоюзного присоединения придаточного предложения.

Таким образом, основываясь на этих примерах, можно сделать вывод, что во всех сложноподчиненных предложениях, части которых соединяются с помощью показателя *ay*, кроме предложений с придаточным дополнительным, придаточное предложение является темой на уровне всего сложного предложения, а главное предложение – ремой, то есть актуальное членение в них осуществляется на двух уровнях, а показатели темы *ang* и ремы *ay* функционируют как на уровне бинарной конструкции, так и на супрасинтаксическом уровне. При этом сложные предложения, построенные таким образом, оказываются более эмоционально окрашенными, то есть такие конструкции употребляются для эмфатического выделения разных частей предложений. В предложениях с придаточным дополнительным главное предложение стоит на первом месте (как и на уровне простого предложения прямое дополнение в тагальском всегда стоит после глагола, к которому относится) и, соответственно, является темой, а придаточное – ремой.

Следует также отметить, что показатель *ay* практически не используется для связи частей сложносочиненных предложений.

Изучение разных конструкций простых и сложных предложений тагальского языка необходимо для его практического применения и могло бы помочь более детально определению функций синтаксических показателей данного идиома. Рассмотрение большого количества текстов показывает, что одни и те же синтаксические показатели в тагальском языке могут передавать весьма многочисленные и разнообразные значения именно в зависимости от способа их употребления.

Литература

1. Подберезский И.В. Двусоставное предложение в современном тагальском языке // *Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса*. М., 1971. С. 236 – 243.
2. Рачков Г. Е. Служебное слово *ay* в тагальском языке // *Исследования по филологии стран Азии и Африки: сборник статей*. Л.: ЛГУ, 1966. С. 89-94.
3. Шкарбан Л. И. Порядок слов в тагальском языке // *Очерки типологии порядка слов*. М.: Наука, 1989. С. 75-108.
4. Cena R. M., Nolasco R. M. D. *Gramatikang Filipino*. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2011.
5. Malicsi J. C. *Gramar ng Filipino. Sentro ng Wikang Filipino, Unibersidad ng Pilipinas*. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2013.

ИНСПИРАТОРНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ВОКАЛИЗМЕ МЭСЯНЬСКОГО И ШАНХАЙСКОГО ДИАЛЕКТОВ И ИХ ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ РЕТРОФЛЕКСНЫЕ ГЛАСНЫЕ В ВОКАЛИЗМЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА

Изучение фонологических систем китайских региональных языков (фаньянь) является актуальным и в 21 веке. Создание алфавита и звукобуквенного стандарта слова государственного китайского языка путунхуа является эпохальным событием в истории китайской цивилизации. Фонологические системы южнокитайских региональных языков Уюй, Кэцзяюй, Юэюй, Миньюй характеризуются наличием инспираторных гласных. В традиционной китайской фонологии слоги с инспираторными гласными определяются термином «жушэн» «входящий голос», в отличие от слогов с экспираторными гласными «пиншэн» (ровный), «шаншэн» (восходящий), «цюйшэн» (нисходящий). Инспирация как реверсивное движение звукопроизводящей струи воздуха соотносится с артикуляционным движением апекса в звукопроизводстве ретрофлексных гласных и согласных путунхуа.

Summary

The study of the phonological systems of Chinese regional languages (fangyan) is relevant in the 21st century. The creation of the alphabet and sound-letter word standard of the state Chinese language Mandarin is a landmark event in the history of Chinese civilization. The phonological systems of the South Chinese regional languages Uyu, Kejiayu, Yueyu, Minyu are characterized by the presence of inspiratory vowels. In traditional Chinese phonology, syllables with inspiratory vowels are defined by the term “rusheng” “incoming voice”, as opposed to syllables with expiring vowels “pingsheng” (smooth), “shangsheng” (ascendant), “qusheng” (downward). Inspiration as a reverse movement of the sound-producing air jet correlates with the articulation motion of the apex in the sound production of retroflex vowels and consonants .

Согласно универсальной теории артикуляционно-акустического порождения согласных и гласных или теории согласно-гласной (СГ) коартикуляции согласные производятся за счёт отрицательных значений раствора челюстного угла (РЧУ), а гласные – за счёт положительных значений РЧУ по формуле $-1 \dots < 0 < \dots +1$ (Алексахин – 1990, Алексахин – 2015). Согласные и гласные китайских фонологических систем государственного китайского языка путунхуа и региональных китайских языков Сяньюй, Ганьюй, Уюй, Кэцзяюй (хакка), Юэюй, Миньюй обнаруживают универсальные свойства согласных и гласных, обобщаемые формулой РЧУ. Согласные не реализуются в речи без гласных звуков или согласные образуют слоги только в сочетании с гласными звуками. Подтверждается, что «Единственной реальной произносительной единицей является открытый слог» (Бондарко – 1977).

Противоречащим этому универсальному выводу кажется определение звуков, реализующихся в исходе слогов южнокитайских региональных языков, которые в терминах традиционной китайской фонологии относятся к тоновой категории «жу» (входящий). В буквенной записи указанных звуков в фонологических системах китайских региональных языков кэцзяюй, юэюй, миньюй, уюй они обозначаются латинскими буквами p (b), t (d), k (g) и определяются как импловивные смычные согласные, т.е. как согласные без третьей рекурсионной фазы артикуляции. Отнесённость к согласным конечнослоговым звукам слогов тоновой категории «жушэн» строится на взаимоисключающих основаниях. В определении

Б. Карлгрена подчёркивается «узость» этих звуков. И он считал весьма неудачным определение этих звуков как имплозивных смычных (Karlgren – 1915). В данных определениях не объясняется глотательный («swallow») характер движения звукопроизводящей струи в артикуляции этих звуков и сопутствующее отсутствие повышения внутриротового воздушного давления. А эти две составляющие артикуляции, несовместимые с согласными, являются неизменными приметами конечнослоговых звуков кратких слогов тоновой категории «жу» в центральном представителе регионального китайского языка кэцзяюй – мэсяньском диалекте, так и в других родственных фонетических системах. На глотательный характер звукопроизводящей струи («swallow») в артикуляции рассматриваемых звуков обращается внимание в описаниях регионального китайского языка Юэюй (Cantonese Dictionary – 1970). Существенно, что именно «вхождение голоса» 入声 «жушэн» фиксирует и термин традиционной китайской фонологии «иньюньсюэ» 音韵学. Противоречивость в описаниях рассматриваемых звуков, вероятно, объясняется невольным отождествлением этих конечнослоговых звуков по признакам случайного сходства с артикуляциями звуков, близких иноязычному наблюдателю. Адекватный ответ на это вопрос может дать только фонологический анализ положения этих звуков в соответствующих фонологических системах. Фонологическая система является определяющей по отношению к фонетическим данным. Аудитивная сегментация звуков речи в словах осуществляется по правилам фонологической системы данного языка. При определении звуков речи человек пользуется фонемной классификацией. Поэтому понятно, почему в китайских учебных пособиях, предназначенных для носителей северокитайских, в которых не реализуются отрывистые слоги с рассматриваемыми конечнослоговыми звуками, специально оговаривается, что -р, -т, -к, которые встречаются в исходе слогов южнокитайских диалектов, с трудом узнаются на слух людьми, в языках которых эти звуки не представлены. Но ведь согласные р, т, к в инициальной позиции реализуются в слогах северокитайских диалектов, и их перемещение (как это допускается в современных пособиях) в исход слогов не может менять их до неузнаваемости для фонологического слуха, сформированного на основе родственной фонетической системы. Дело в том, что как показывает фонологический анализ фонетических систем мэсяньского и шанхайского диалектов, в исходе кратких слогов реализуются звуки иной категориальной отнесённости – инспираторные гласные, которые одинаково трудно узнаются на слух и носителями северокитайских диалектов, и носителями, например русского или английского языков именно потому, что в фонологических системах родных языков этих аудиторов инспираторные гласные фонемы не представлены.

Реализация в исходе слогов инспираторных узкорастворных гласных переднего, среднего и заднего рядов приводит к качественной перестройке фонологической структуры слогов. Слогообразующими сильными гласными оказываются конечнослоговые инспираторные гласные, а реализующиеся перед ними экспираторные широкорастворные, среднерастворные и узкорастворные гласные реализуются в слабой позиции. Например, в фонологической системе мэсяньского диалекта в этой позиции происходит нейтрализация оппозиций шести тоновых серий и четырёх тоновых корреляций, в которые включены двадцать четыре гласных фонем. А сильные инспираторные гласные реализуются в трёх тоновых сериях и двух тоновых корреляциях (Алексахин – 2015, с. 127).

В языке Шанхая произошло падение инспираторных гласных в переднем и заднем рядах. Сохранилась только тоновая серия в верхнем и нижнем регистрах голосового диапазона. Поэтому инспираторные гласные подвергаются ассимиляции по ряду со стороны препозитивных экспираторных гласных: центральные после слабых экспираторных гласных заднего и среднего рядов и передние после препозитивных гласных переднего ряда. В языке Шанхая в слабой позиции для экспираторных гласных перед экспираторными по тоновому признаку (по признаку градуальной дифференциации тонопроизводящих масс связочных укладов гласных) нейтрализуются тридцать экспираторных гласных фонем, а в соседней сильной позиции действуют новые родственные тоновые оппозитивные серии

и корреляции, редуцированные в языке Шанхая до системно допустимого минимума, т.е. до одной оппозитивной по этому признаку пары: верх и низ голосового диапазона (Алексахин – 2015, с. 152).

В языке Пекина, являющимся центральным представителем государственного китайского языка путунхуа, тоновая категория входящего тона не представлена (Алексахин – 2019). Согласно традиционной исторической фонетике тоновые корреляции гласных а языке Пекина обозначаются терминами 阴平 иньпин, 阳平 янпин, 上声 шаншэн, 去声 цюйшэн и 轻声 циншэн. Слоги тоновой категории 入声 «жушэн» (входящий голос) распределились по слогам этих тоновых категорий. Но артикуляционная идея инспираторного (назад, в противоположном направлении) движения звукопроизводящей струи воздуха из лёгких как идея обратная экспираторному (вперёд) движению трансформировалась в фонологической системе языка Пекина в формирование реверсивного (назад) движения кончика языка в артикуляции серии ретрофлексных гласных и серии ретрофлексных согласных. Речь идёт о четырёхчленной тоновой серии ретрофлексных среднерастворных гласных центрального ряда «ə», которые по случайному отдалённому сходству со звучанием смычно-проходного вибрирующего согласного русского языка в русскоязычных описаниях называют «эризованными финалями» китайского языка. Что вводит в заблуждение русскоязычных, изучающих китайский язык путунхуа, невольно и вольно отождествляющих диаметрально противоположные артикуляции гласной китайского языка и согласной русского языка. Это усугубляется ещё и двубуквенными орфограммами слов путунхуа для обозначения однофонемных слов, образуемых ретрофлексными гласными фонемами. Например, èr /e⁵¹/ «два» 二, но rè /r e⁵¹/ «горячо» 热, где слово образовано двумя фонемами: ретрофлексной апикально-переднетвердонёбной согласной /r/ и среднерастворной гласной центрального ряда /ə⁵¹/. Очевидно, что буква «r» в орфограмме слова èr «два» используется для обозначения ретрофлексной гласной фонемы /ə⁵¹/ Ретрофлексные артикуляции представлены в консонантизме китайского языка путунхуа пятичленной серией, что в китайском алфавите обозначается следующими буквами: l, zh, ch, r, sh (Алексахин -2019). Закономерно, что в фонологических системах южнокитайских региональных языков Уюй, Кэцзяюй, Юэюй, Миньюй ретрофлексные согласные и гласные артикуляции не существуют.

Литература

1. Алексахин А.Н. Структура слога китайского языка как проявление систе-мообразующих свойств согласных и гласных (Теория согласно-гласной коартикуляции) // Вопросы языкознания. – 1990. №1.
2. Алексахин А.Н. Китайские фонологические системы в межцивилизационном контакте Востока и Запада. М., 2015. С. 67-86.
3. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
4. Karlgren В. Etudes sur la phonology chinoise // Archives d` études orientales. Vol. 15. Stockolm, 1915. P. 261-262.
5. Cantonese Dictionary. Cantonese – English, English – Cantonese. By Par-ker Po-fei huang. – New-haven and London. 1970. P. 11.
6. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква-Фонема-Звук речи-Слог-Слово. М., 2019.

ЯПОНСКИЕ КОННЕКТОРЫ ЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются основания для построения максимально полного описания различных формальных средств, служащих экспликации идеи каузации, (коннекторов) в современном японском языке. Отталкиваясь от существующих классификаций, мы предлагаем свой вариант и указываем приоритетные факторы семантико-прагматической природы, определяющие различие между квазисинонимами внутри получившихся групп.

Ключевые слова: японский язык, коннектор, корпусные данные, причинность, цель, прагматические факторы.

Abstract

This paper deals raises the issue of the scope of criteria necessary for a full description of causative connectors in contemporary Japanese. Based on existing classifications, I propose a new synthetic mix of them, designed so as to prioritize semantic / pragmatic features relevant to fine-grained distinction between synonyms in larger groups.

В данной статье предпринимается попытка продвинуться в решении задачи внутреннего структурирования подкласса японских коннекторов со значением логического развития. Под коннекторами понимаются двухвалентные (с пропозициональными актантами) единицы различной морфологической структуры, эксплицирующие определённый тип логической связи между этими релятами. В нашем случае речь идёт о семантических областях обусловленности (P1>P2), которая включает в себя области причинности и цели. В этой области наблюдается и взаимный перелив со смежными зонами – времени, присоединения, парафразы и даже противительности, все из которых окрашивают значение отдельных единиц, входя в них на правах вторичных сем.

Единицы, способные выражать этот тип связи, изучены неравномерно: подавляющее большинство исследований концентрируется на различении наиболее частотных показателей в полипредикативных структурах – в первую очередь союзов *kara*, *node*. В то же время с точки зрения синтаксической синонимии, возможности последствий замены единиц на-сущно необходимо изучение как можно более полного списка выразительных средств. Насколько известно автору, пока такая комплексная задача не реализована, если, конечно, не считать освещения в грамматических справочниках (Гуруупу Дзямасии 1998), отдельных организованных по такому принципу учебных пособий (Бессонова и др. 1998; Чиронов 2014) и, пожалуй, в наименьшей мере – страдающих традиционной цикличностью дефиниций в толковых словарях.

Понятие коннектора позволяет рассматривать на функциональных основаниях пучки единиц, укладываемых в определённый набор формальных моделей (Чиронов 2018). Картину, правда, усложняют свои системы, проявляющиеся там, где различные варианты проявляют неравноценные прагматические или даже семантические черты – например, *dakara* развивает дискурсивные функции, совершенно независимые от исходного союзного варианта *kara* (Мэйнард 1998). Помимо разных конфигураций выбора из возможных вариантов, единицы заметно различны и по своему синтаксису. В идеале полное описание массива коннекторов должно не только включать исчерпывающий перечень как всех допустимых конструктивных вариантов, так и возникающих с ними искажений, – но и объяснять в конечном итоге те или иные формальные свойства единиц.

Исходной точкой для рассуждений о структурировании описываемого массива коннекторов служат всеобъемлющие классификации японских союзов (в широком смысле) на функциональных основаниях (Исикава 1978, Ассоциация 2009, Ито 2014). В них так или иначе выделяется обозначенная зона – в японской терминологии, как 順接 *junsetsu* «последовательное (логическое) развитие», составляющая бинарную оппозицию с противительностью («противоречивого развития» 逆接 *gyakusetsu*). Этот термин более удачный, чем распространённые понятия причинно-следственных отношений или каузальной связи, не охватывающие всего богатства значений заявленной зоны – как, например, известной дедуктивной функции *kara* (причинно-следственная связь здесь направлена в обратную сторону, $P2 > P1$), ср. рус. *был дождь, потому что дороги мокрые*. В наиболее свежей работе (Ито 2014) предлагается разбить всю данную область («кластер С» в общей линейке коннекторов) на 3 зоны, выделяя пары по прототипическим отношениям P1 и P2: «цель-средство», «причина-следствие» и «процесс-последствие». Разграничение первых двух групп абсолютно понятно, ведь дихотомия телеологии и каузации уходит корнями в философское осмысление мира, отражая разделение мира вещного, царства материи – где царит причинность, и мира человеческого, царства духа – где возможна свобода, а значит, цель (Богуславская 2004). Более того, именно в силу тесной взаимосвязи и взаимного перетекания этих категорий друг в друга даже формальные средства для их выражения в японском, как и во многих других языках, в значительной своей части общие (хотя и, конечно, с некоторыми нюансами). Третья же из предлагаемых зон представляется маргинальной, так как за критерий принимается вторичная сема временной последовательности (Хонда 1998). Кроме того, «мимо» намеченной классификации «проваливается» второй же по частотности показатель каузальной связи *node* – именно потому, что он обозначает логический ход «наискосок», от объективных обстоятельств к (свободному, телеологичному) действию субъекта. Всё это значит, что номенклатуру можно усовершенствовать, что и делается ниже с опорой на типологические наработки (Заика 2019).

Зона 1. Причина – следствие. Это объективная внешняя причинность: (*P/da*) *kara*, (*P/sono*) *tame*, (*P ga*) *uue*, (*P/sore*) *dakeni*, *shitagatte* (по Ито 2014), (*P/sono*) *kekka* (結果) (Сиодзава 1997), также *hiite* (*wa*), *N ni yotte*. Оценочно окрашены *okage de*, (*N no/P*) *sei de*. Сюда же относится и универсальный маркер предикатного конъюнкта *-te*, который только в этом случае образует регулярный трансформ *P-te no koto*. Иконичный прямой порядок следования P1 и P2 сохраняют с номинализатами *N ni michibiku*, *N o motarasu*, *N o yobiokosu*, *N o hikiokosu*, *N o yobu*, обратный (с фокусацией на причину) задаёт *N ni kiin-suru*, *N ni yoru*.

Зона 1а. Признак – явление. Инферентивная (дедуктивная) связь, обратная (1). Здесь возможно P *kara* (но уже без клефта) и (*koto/N*) *kara*, а также единицы с семой эвиденциальности (опора на неполные доступные данные) – *N kara shite*, *N kara mite*, где P1 = как событие, так и параметрическое название критерия.

Зона 1б. Частичная причина – следствие. Сам способ активно используется как средство снижения категоричности высказывания: *N mo atte*, *N to aimatte*, *N ni karande*, *P to ka de*.

Зона 1в. Событие – позже наступающее (следствие), куда входят (*suru*) *uchi ni*, (*suru*) *to* (Ито 2014) – оба с семой обманутых ожиданий (ситуация получает парадоксальное развитие). Близки к этой области выражения так называемой запаздывающей одновременности *N ni tsurete*, *N ni tomonatte*, выражающие и временные, и каузальные отношения.

Зона 2. Цель – средство. Обслуживают те же *kara* (в P1 только волитив или деонтическая модальность), *tame* (иной синтаксис (Алпатов 2008)). Лексические операторы *N o mezashite*, *N o neratte*, *N o hakatte*, *N o mokuteki* (目的) *ni*. К показателям цели, особенно в описательных контекстах, вполне допустимо отнести и оптативные *shiyoo to*, (*su*)*beku*. Периферийное положение занимают тривиальные сочетания волитива с ментальными глаголами, допускающие парафраз через *tame*. С другой стороны, из приводимых в этой группе (Ито 2014) *sorede*, *sokode*, первое можно отнести с оговорками, второе же явно относится к (2а).

Зона 2а. Повод – действие. P1 фактивно и эксплицирует (проблемную) ситуацию, требующую реакции – P2. Операторы *sokode*, (*koto/N*) *kara*, *N o ukete*, *N o fumaete*, *N ga kikkake ni*, *N o ki ni*, а также группа единиц (*sore*) *ni mukete*, (*sore*) *o nirande*, (*sore*) *o hikaete* с четкими селективными ограничениями на P1.

Зона 2б. Основание – действие. P1, в отличие от (2а), здесь принадлежит не фактам внешнему миру, а создано самим человеком. Операторы *N ni motozuite*, *N ni sotto*, *N ni rikkyaku* (立脚) *shite, joo*. Действуют селективные ограничения на N, факторы природы связей (*sotte* – менее строгая),

Зона 2в. Контрфактивная причинность в двух вариантах, по месту сбоя логики: неверное основание (*P to shite*, *N o riyuu* (理由) *ni*, *P to bakari omotte*) или неправильная логика (*P kara to itte*, *N o riyuu* (理由) *ni*).

Зона 2г. Иллокутивная причинность, где P2 представляет собой высказывание регуляторного типа «Мысль – Мир» (Сёрль/Вандервекен 1985), которое было бы неосуществимо без выполнения P1. Операторы (*da*) *kara*, (*na*) *node*.

Коннекторы, сами будучи формально неоднородным классом, соединяют единицы различного смыслового развития – от единиц уровнем выше предложения, предложений и придаточных до малых клауз, словосочетаний и именных «свёрток» пропозиций. Селективные признаки в этой области сами входят в число принципов организации субполей, как, например, возможность объединения предикатов или даже именных групп, возможная через *hiite* (*wa*), но недопустимая для классических союзов. Иную группу формальных признаков составляет модифицируемость – возможность взаимодействия с ограничительными и выделительными частицами. Примечательно, что и здесь лишь стержневые элементы, такие, как *kara* и *tame*, допускают, с одной стороны, фокусирование (*dakara koso* = *именно поэтому*) (Ло 2006), так и прагматическое ослабление (*sono tame ni mo* = *уже хотя бы ради этой цели*), а также сочинительные связи и даже отрицание.

Семантическая селекция P1 и P2 составляет, пожалуй, самый мощный дифференцирующий фактор. Природа различий разнообразна. Например, обе пропозиции должны быть свершившимися фактами, а не гипотетическими событиями для *N* (*no/ga*) *tame*, но не для *N wo fumaete*. Это и когнитивные составляющие – скажем, P2 после *kekka* (結果) не может носить планового характера (то есть, составлять часть Цели), что делает из слова «ложного друга переводчика», самого «программирующего» недопустимое сочетание для фраз типа рус. *в результате опроса стало понятно* (для этого есть специальная конструкция когнитивного итога *P1* (*shita*) *tokoro*, где P1 – познавательная активность).

Различия могут касаться и состава компонентов сценариев (скриптов), активизируемых единицами. Так, для *N ni nirande* актуальным будет такой элемент, как Провал в случае недолжной Подготовки, для *N ni mukete* же он неактуален (действие P2 будет предприниматься из соображений добросовестности).

Степень реализации подобных участников референтной ситуации составляет интересный ограничитель во взаимозаменяемости единиц (см. рус. *a to*, неспособный указывать на причину иначе как при побуждении (Левонтина 2013)). Так, *hibiki* называет лишь параметр (成績 *seiseki* = *оценки*, 健康 *kenkoo* = *здоровье*), меняющийся в результате (негативного) воздействия P1, но не допускает вербализации конкретного результата P2 (точно как и в рус. *сказаться на* (чём)).

И каузатор, и каузируемое могут быть профилированы в высказывании. Для этого применяются как лексические средства (目的 *tokuteki* = *цель*, 手段 *shudan* = *средство*, 産物 *sambutsu* = *плод*, 理由 *riyuu* = *причина* и др.), так и различные конструктивные решения с одними и тем же составом (*N-o haikai* (背景)-*ni* = *на фоне N* / *N-no haikai-ni* = *причиной (является)*). Помимо этого, только в данной логической области из, пожалуй, всех коннекторов вообще возможна перестройка предложений с вынесением в фокус части, которая по общему правилу грамматики языков т.н. алтайского типа должна была бы оставаться слева (цель, причина). Почти все названные вариации действуют только в двух основных зонах,

косвенно подтверждая их центральный статус (тогда как другие, не развивающие полных синтаксических потенций, остаются периферийными).

По признаку экспликации субъективного отношения говорящего коннекторы делятся на констативные и экспрессивные (Хааг 2004: 61). Пример вторых – *okage de* = *благодаря*, маркирующие положительное отношение к P2. Негативная оценочность заимствуется из грамматикализуемых единиц *karande* ← *karami* = *путаться*, *nirande* ← *nirami* = (*злобно, с опасением*) *вглядываться*.

Ещё одним различительным критерием становится доступность P1 и P2 для темы и ремы, старой и новой информации – тема, изначально хорошо разработанная в контексте французского языка (Васильева 2018). Так, введения нового, неизвестного А требует *shitagatte*, *yue*, *tame*, а *dakara*, интенсивно поддерживаемое определённым интонационным рисунком (и грамматикой концовок), гарантированно преподносит уже известную А информацию.

В каком-то смысле дуализм причины и цели возможно рассматривать и в темпоральном аспекте как сплошной континуум каузаторов (из предшествующего на событие в текущий момент влияет причина, а из будущего – цель). Тогда объяснится и ряд синтаксических ограничений на формы из разных смысловых зон, например, *yameta tame* = *поскольку перестал* (прошедшее) vs. *yameru tame* = *чтобы перестать* (непрошедшее). Релевантным с точки зрения понимания каузальной зависимости оказывается и не просто временное соотношение, но временное удаление: скажем, в *sokode*, оно минимальное, в *no yobi* – куда больше.

Стилистические характеристики, как правило, выводимые из семантических особенностей единиц, составляют ещё один критерий дифференциации внутри зон. Так, даже не научному, а школярскому (например, в росписи решения задачи) свойственен союз *yotte*, ср. рус. *отсюда* вместо *shitagatte* = *следовательно*, гораздо меньше ограниченного регистрово.

С учётом всех названных параметров и должно строиться полное описание японских коннекторов, эксплицирующих идею причинности, что, безусловно, пока остаётся задачей на будущее.

Литература

1. Алпатов, В.М. Теоретическая грамматика японского языка. В 2 т. / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская. М.: Наталис, 2008. Т2. 264 с.
2. Бессонова Е.Ю., Корчагина Т.И., Кудряшова А.В., Нечаева Л.Т. Японский язык для продолжающих, часть 1. 2016 192 с.
3. Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68-88
4. Васильева Н.М. Сложноподчинённое предложение с причинной связью в ком-муникативном аспекте (на материале французского языка) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. №3. С. 74-81.
5. Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания 2019. № 4
6. Левонтина И. Б. О причинном значении союза *a to* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. Диалог-13. 2013. С. 434-446.
7. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
8. Чиронов С.В. Японские контрастивные дискурс-маркеры: проблемы и возможности исследования с использованием корпусных данных. Материалы XIII Междуна-родной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (LESEWA-13) 2018. С. 212-220.
9. Чиронов С.В. Японский язык. Устный и письменный перевод. МГИМО-Университет 2014. 480 с.
10. Maynard S. Principles of Japanese discourse. A handbook. CUP. 1998 320 p.
11. Searle J., Vanderveen D. Foundations of Illocutionary Logic. CUPress, 1985. 227 p.

12. 市川孝「国語教育のための文章論概説」教育出版 (Итикава Т. Теория текста в преподавании японского языка. Кёйку сюппан) 1978. 349 с.
13. 伊藤光史「接続詞分類の上位概念: 「したがって」「つまり」「このように」を通した一考察」『日本語・日本文化研究』(Ито М. Классификация союзов и концепт верхнего уровня – наблюдения на примере shitagatte, tsumari, kono yooni. Нихон Нихон-бунка кэнкю) 2014, № 24. С. 136-147.c
14. 伊藤俊一、阿部純一「接続詞の機能と必要性」『心理学研究』(Ито Дз., Абэ Дз. Функции и востребованность союзов. Синригаку кэнкю) 1991, № 62 (5). С. 316-323.
15. グループ・ジャマシイ「日本語文型辞典」くろしお出版 (Груупу Дзямасии. Сло-варь грамматических форм японского языка. Куроисио) 1998. 658 с.
16. 塩澤和子「順接型接続詞の意味と用法 (1)ーダカラ・ソノ結果・従ッテ・スルト・ソコデ・ソレデー」『文藝言語研究言語篇』(Сиодзава К. Значение и употребление союзов логического развития -1: dakara, sono kekka, shitagatte, suruto, sokode, sorede. Бунгэй гэнго кэнкю.) 1997. № 31. С. 23-55.
17. 日本語記述文法研究会編「現代日本語文法 7 第部「談話・待遇表現」くろしお出版 (Ассоциация описательной грамматики японского языка (ред.) Грамматика современного японского языка, часть 7: Дискурс / Адрессив. Куроисио) 2009 – 338 с.
18. 萩原孝恵「だからとそれだとそこでの使い分け」『群馬大学留学生センター論集』(Хагивара Т. Различия в употреблении dakara, sorede, sokode. Центр стажёров ун-та Гумма) 2006. №. 6. С. 1-11.
19. 本多真紀子「接続詞スルトについて: 命題レベル/判断・発話レベルの観点から」『待兼山論叢. 日本学篇』(Хонда М. Союз suruto. Дискурсивный, модальный и иллоку-тивный уровень. Труды Матиканэяма. Серия японских исследований) 1998. №32. С. 17-32.
20. 劉怡伶他「接続語 「だから」 の意味・用法: 前件と後件に因果関係が認められる 「だから」を中心に」『世界の日本語教育. 日本語教育論集』(Лю Илин. Значение и употребление союза dakara. Случаи семантической связи протазиса и аподозиса. Сэкай но Нихонго кёйку. Серия преподавания японского языка) 2006. №16. С. 125-137.

**ЯЗЫК ХАУСА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
ЛИНГВИСТИКИ И ФИЛОЛОГИИ
HAUSA LANGUAGE FROM A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE
OF LINGUISTICS AND PHILOLOGY**

This study reviews achievements of Hausa linguistics and philology from the general perspective of African linguistics on the basis of materials of the most prominent writings in the field. Two fundamental explanatory bilingual Hausa dictionaries, the ones by *G.P. Barger* and *R.C. Abraham*, and two most complete and comprehensive Hausa grammars, the ones by *Ph.J. Jaggat* и *P. Newman*, have been used as review targets. The study also deals with certain aspects of the Old Testament translation strategy based on the materials of three versions in Hausa language. Reference has been made to the lexical aspect, namely the specifics of using the God's name Allah and derivative names in the Bible translations and everyday Hausa speech. The situation in Hausa has been compared to a similar situation in the Swahili language.

Язык хауса занимает исключительное место в лингвистическом пространстве Африки. По численности говорящих это второй язык в Африке южнее Сахары после суахили, ведущий язык межэтнического общения в Западной Африке. Общая численность говорящих на хауса, видимо, составляет более 50 млн. Становлению высокого коммуникативного статуса языка хауса в качестве языка межэтнического и письменного общения способствовали несколько факторов. Прежде всего в регионе с существенным преобладанием ислама народ хауса имеет статус правоверных мусульман и составляет основу мусульманского населения этого региона. Высокому престижу народа и языка хауса способствуют важные социальные факторы. Хауса известны как народ, ведущий активную и широкую коммерческую деятельность. Их торговые колонии распространены во многих странах Африки от сахельских регионов до лесов Тропической Африки, что стало существенным фактором распространения хауса как лингва франка. В мире ислама торговля всегда считалась достойным занятием, что способствовало росту престижа языка хауса у носителей других языков. Кроме того, в странах хауса социально-политическая система характеризуется высоким уровнем урбанизации, развитием системы городов-государств хауса (см. известную традицию о семи истинных и семи «ложных» хауса). Разумеется, все сказанное выше широко известно и не нуждается в аргументации. Этот параграф должен послужить основой для характеристики некоторых особенностей языка и словесности хауса, а также лингвистических и филологических трудов, посвященных этому языку.

Общий корпус научной литературы, посвященной этому языку, видимо, занимает исключительное место в рамках африканских лингвистических и филологических исследований в целом. В данном докладе нет возможности для представления очерка истории изучения языка хауса, насчитывающей уже около двух столетий. Мы ограничимся рассмотрением лишь самых высших достижений в этой области, которые в определенном смысле занимают весьма достойное место в общей панораме изучения языков мира. Прежде всего это два фундаментальных словаря языка хауса, известных как словари Барджер (Barger – 1951) и Абрахама (Abraham – 1968). Первые публикации этих словарей относятся к 1934 г. и к 1946 г., т.е. разрыв между первыми публикациями этих словарей со-

ставляет всего около десяти лет. Это означает, что работа над обоими словарями велась практически одновременно, при этом сами словари представляют совершенно самостоятельные работы: достаточно указать на то, что их авторы придерживались разных позиций относительно тональной системы хауса. Оба труда представляют собой фундаментальные толковые словари с развернутыми содержательными словарными статьями, включающими богатейшую лексическую информацию, идиоматику и сочетаемость различных лексем. Таким образом, эти словари находятся на самом высоком уровне больших толковых словарей ведущих европейских языков, но при этом они являются двуязычными словарями младописьменного языка с комментариями на английском языке, а в случае со словарем Барджери также с англо-хауса указателем, открывающим удобный доступ к данным о синонимах хауса для всех представленных в указателе лексем, которые содержатся в основном корпусе словаря. Разумеется, язык хауса располагает и обычными двуязычными словарями на различных языках.

Что касается грамматических описаний хауса, то здесь имеется большой корпус работ на разных языках, в том числе и на хауса. Здесь также мы ограничимся двумя трудами, которые представляют несомненный интерес не только как фундаментальные грамматики младописьменного языка, но и в общем контексте грамматических описаний языков мира. Мы имеем в виду энциклопедическую грамматику хауса Пола Ньюмена (Newman, 2000, 760 стр.) и грамматику хауса Филиппа Джаггара (Jaggar, 001, 754 стр.). Оба труда вышли в свет почти одновременно и оба опираются на многолетний опыт полевой работы авторов этих трудов с носителями языка хауса в Нигерии и на прекрасное практическое владение ими этим языком, в чем могли лично убедиться авторы настоящего очерка; но эти грамматики принципиально различаются по своей концепции и структуре. Грамматика Ньюмена содержит 80 глав, расположенных в алфавитном порядке по энциклопедическому принципу. Каждая глава делится на разделы, представленные уже в соответствии с их тематикой. При знакомстве с этим трудом возникает естественное чувство недоумения. Нам неизвестны другие подобные работы. Для начального изучения языка такая структура едва ли удобна, т.к. в ней отсутствует традиционное последовательное описание языковых феноменов. Но для глубокого проникновения в конкретные системы и подсистемы языка хауса эта структура оказывается исключительно рациональной, поскольку при большом объеме всего труда читателю не приходится долго искать, где анализируется интересующий его конкретный аспект или проблема. Это также очень плодотворно для типологических исследований. Нетрудно представить, настолько трудоемким было исполнение этого замысла. Напротив, грамматика Джаггара представляет собой очень подробный и всеохватывающий анализ языка, снабженный исключительно большим количеством текстовых примеров и иллюстраций. При этом в аннотации к книге справедливо отмечено, что эта содержательная грамматика дает подробное описание языковых структур *“in theory-neutral terms”*. В контексте лингвистической парадигмы второй половины прошлого века подобный подход при подготовке фундаментальных грамматических описаний скорее являлся исключением. Более принятым был анализ в рамках одной из доминирующих в соответствующую эпоху и в различных школах теоретических моделей и терминологических систем (ср., например, очень интересную грамматику хауса (Caron, 1991), в предисловии к которой автор отмечает: «Ce travail s’est développé dans le cadre d’une linguistique de l’énonciation, qui se donne pour objectif “l’étude du langage à travers la diversité des langues naturelles” (A. Culioli)»). Благодаря развитию типологических исследований жесткое следование определенным теоретическим моделям постепенно стало смягчаться. Поскольку грамматика Джаггара представляет большой интерес для широкого круга африканистов, занимающихся различными аспектами истории, культуры и словесности хауса, а не только для лингвистов, подобный подход, по нашему мнению, безусловно заслуживает высокой оценки. Однако декларация отказа от теоретических моделей в аннотации столь фундаментальной работы требует определенной интеллектуальной смелости.

Выше рассматривались некоторые выдающиеся достижения в области лексикологии и грамматики языка хауса. Что касается корпуса письменной словесности на этом языке, то мы рассмотрим лишь один специфический аспект, который также представляет уникальный феномен в своей области. Речь идет о переводах Библии на язык хауса. Хотя, как отмечалось выше, социум хауса преимущественно принадлежит к миру ислама, христианство также достаточно широко распространено в ареале хауса, особенно среди многочисленных гетерогенных этнических групп, использующих хауса как первый или второй язык, или как лингва франка.

Имеются три независимых версии перевода Библии на язык хауса. Первая опубликована в тридцатые годы прошлого века, вторая в семидесятые годы, а третья в первое десятилетие нынешнего века. В рамках совместных исследований стратегий переводов Ветхого Завета на различные языки одного из настоящих авторов и французского семитолога и библеиста профессора Филиппа Кассюто были выделены две основные стратегии перевода в тех случаях, когда отдельные лексемы и пассажи канонического текста *Biblia Hebraica*, сформировавшегося на протяжении многих столетий первого тысячелетия до н.э., не соответствовали более поздним монотеистическим принципам иудаизма и христианства, причем в письменном каноническом тексте не допускаются никакие изменения. При переводе возникает проблема выбора стратегии перевода: 1) полностью сохранять оригинальный текст; 2) редактировать эти пассажи в соответствии с поздними монотеистическими принципами. Первую стратегию мы назвали филологической, а вторую идеологической. В проведенных нами исследованиях переводов Библии на различные языки обычно встречаются обе стратегии, часто с преобладанием одной из них. Три версии Библии на языке хауса в этом смысле представляют уникальный случай. Первая версия перевода использует исключительно филологическую стратегию. Напротив, вторая версия полностью следует идеологической стратегии, тогда как в третьей версии представлены обе стратегии, как во всех остальных рассмотренных нами переводах на различные языки. Значение переводов Библии для развития письменной словесности в младописьменных языках очевидно. При этом в данном случае переводы на язык хауса обнаруживают исключительные особенности, выделяющие его в общей типологической перспективе. Этим совместным с Ф. Кассюто исследованием с полной библиографией посвящена подготовленная к печати статья В.Я. Порхомовского «Проблемы перевода канонических текстов в пространстве языка и культуры».

В заключительной части этой работы мы рассмотрим один важный лексический аспект в контексте версий Библии на языке хауса.

При переводе Ветхого Завета на язык хауса основное имя Верховного Единого Бога в *Biblia Hebraica* *'elohim* передается как Allah. В исламе это имя означает Единого Бога, поэтому использование этого имени вне контекста ислама является абсолютно закономерным. В языке хауса это обозначение Единого Бога было полностью интегрировано в лексический фонд хауса и широко употребляется в различных идиомах и словосочетаниях в разговорном контексте, как в заимствованных из Корана, так и в чисто хаусанских, например:

Allah kuwa? *Да ну? В самом деле?*; Bismillah – *во имя Аллаха! С богом!*; Allahu akbar *Велик Аллах!* Также восклицание, выражающее удивление или жалость; Allah yakuba *альтернативное выражение для Бога, используемое членами культа бори*; Inshaallahu = in sha Allahu *По воле Аллаха*; Allah wadai *проклятие*, yi Allah wadai *проклинать, осуждать* (здесь можно отметить параллель с французским 'sacre, sacré,' *священный и проклятый*, *sacredieu черт побери*); Allah ba mu (Allah ya ba mu) *приветствие, произносимое женщиной, когда она входит в дом*; Alabai = Allah ya ba mu wanda ya ba mu *Да пошлет/даст нам Аллах того, кто даст нам (имя которое давалось рабу или рабыне)*; Allah-cishe-mu *Бог подаст!* Ответ на просьбу подать милостыню; Allagamtu = Allah ya gata mi, Allah ya kai mi *обмен приветствиями при прощании*; Alarufi asirimmu Allah ya rufi asirimmu! *Да скроет Аллах нашу тайну!*; Alajikammu = Allah ya ji kammu! *Да смилостивится над нами Аллах!*; Alakiyemu

= Allah ya kiyauye mu! *Да сохраним нас Аллах!*; Ala-so-mu = Allah ya so mu! *Да возлюбим нас Аллах!*;

Ala ba mu = Allah ya ba mu lafiya *Да даст Аллах нам здоровье!*; Ala biya = Allah ya biya mana bukata! *Да исполнит Аллах наши пожелания!*; Alaraishi/Alaraita = Allah ya raye shi! Allah ya raye ta! Пожелание ребенку при наречении имени: *Да вырастит его (ее) Аллах!*; Allah-ya-halakun употребляется в выражении Ya tafi Allah-ya halakun *он умер*.

Следует отметить, что в повседневной жизни хауса очень часто упоминается Аллах, например: Allah Sarki! выражение удивления. Ba wanda sai Allah *Никто, кроме Аллаха*, выражение беспомощности, покорности судьбе.

Имя Allah может присоединять генитивный показатель, личные местоимения или аффиксы, например, allahntaka *божественность*.

Следует особо отметить, что в языке хауса имя Аллах может употребляться со строчной буквы и без конечного *h* для обозначения языческого бога или духа, и в этом значении образует множественное число по модели морфологии хауса *alloli*. Эта форма представлена в некоторых словарях хауса. Наконец, в первой и третьей версиях Ветхого Завета на языке хауса нам встретилась форма женского рода от имени *Allah* для обозначения языческой богини Ашторет, образованная по морфологической модели хауса в одном случае, и с согласованием по женскому роду в другом:

Масоретский текст Biblia Hebraica: 1 Kings 11,5 '*ashtoret' elohe tsidonim* (Ашторет, божество сидонцев).

Первая версия Библии на хауса: *Ashtoreth allahiya ta Zidonyawa*

Третья версия Библии на хауса: *gunkin nan Ashtoret, siffar wata allah ta mutanen Sidon* (здесь *wata* и *ta* – формы женского рода, согласованные с именем *allah*).

Рассмотренные выше примеры употребления имени Аллах в языке хауса полностью противоречат ситуации в языке суахили, который также принадлежит социуму с преобладанием ислама. Однако в переводах Библии на язык суахили (нами были изучены три версии Библии на языке суахили) имя Аллах как соответствие библейскому '*elohim* никогда не употребляется. Более того, в имеющемся издании Корана с параллельным переводом на язык суахили в версии на суахили имя Аллах также не зафиксировано. Употребляются суахилийские имена Wana Mungu, Mwenyezi Mungu. Разумеется, во всех религиозных и богослужебных контекстах в исламе используется исключительно арабский язык, как священный язык Корана, а переводы на другие языки осуществляются только в информационных целях для мусульман, не владеющими арабским языком. Возможно, причиной подобной ситуации может служить именная классификация в языках банту, что может вызывать отторжение необходимости включать имя Верховного Бога ислама в конкретный именной класс.

Литература

1. Abraham R.C. *Dictionary of the Hausa Language*. London, 1968
2. Bargery G.P. *A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary*. Oxford, 1951.
3. Caron B. *Le Haoussa de l'Ader*. Berlin, 1991.
4. Jaggar Ph.J. *Hausa*. Amsterdam/Philadelphia, 2001.
5. Newman P. *The Hausa language. An Encyclopedic Reference Grammar*. New Haven & London, 2000.

ЧТО СКРЫВАЮТ КИТАЙСКИЕ ПАЛИНДРОМЫ

In alphabetic languages, palindromes are formed by rearranging letters or whole words and demonstrate axial or linear symmetry. The phonotactics of Modern Standard Mandarin (MSM), with its high percentage of missing syllables, does not allow free reverse phoneme order, resyllabification process, and the usage of a consonant alone. The paper aims to analyse morphosyntactic, semantic, and phonological characteristics of word- and phrase-length *ambinym*s (palindromes *par excellence*) and *reversals* (e.g., 故事 *gùshì* – 事故 *shìgù*), both traditionally referred to as 回文 *huíwén*. Prosody not only constrains morphology, causing syntactic resegmentations and keeping the same rhythmic groups in phrase-length palindromes when reading in reverse direction, it is also part of morphology, and as such, it always operates with the central stressed syllable in both directions, each time subordinating different components. Some palindromes demonstrate MSM words' homophony and elasticity. Chiasmus, a version of parallelism, is either included into the 回文 *huíwén* category, or referred to as 回环 *huíhuán* and usually translated into English as “regression”. Chiasmic structures occur in tongue twisters, sayings, antithetical couplets, and advertising slogans.

1. Вводные замечания²⁷

Палиндром – слово, фраза или стих, имеющие одинаковый смысл при чтении слева направо и справа налево. Термин, как известно, восходит к корням греческого происхождения – *palin* ‘обратный’ и *dromos* ‘путь’. В алфавитных языках палиндром образуется путём перестановки как букв (форма буквенного палиндрома), так и целых слов (форма словесного палиндрома) (Гаспаров – 2001, Blake – 2011), демонстрирует осевую (звуковые, сегментные, лексические повторы) или линейную симметрию (Бубнов – 2002).

В китайской лингвистической традиции палиндромы называются 回文 *huíwén*. Этимологически первая морфема имеет значение ‘вращаться, возвращаться, кружить’, а вторая – ‘узор, знаки, письмена, текст, изящная словесность’.

Палиндромы, которые читаются одинаково в обе стороны, мы вслед за М. Эпштейном (2009) будем называть *амбинимами*. Примерами амбинимов могут быть отдельные слова (рус. *заказ*, англ. *level*), предложения (рус. *У дуба буду*, англ. *Borrow or rob?*) и целые стихотворения²⁸. Слова-амбинимы, строятся как по осевой, так и по линейной симметрии, тогда как предложения-амбинимы в основном по линейной. Интересен тот факт, что упорядоченная структура слога CVCVC (где C – согласный, V – гласный) в русской палиндромии не прослеживается в английской ни на уровне фоники, ни на уровне графики (Бубнов – 2002).

В случае словесного палиндрома структурной единицей во флективных языках является не лексема, а словоформа. Решающую роль здесь играет зеркально-симметричная инверсия:

5.1. “(...) // Спаси Бог ее, Бог спаси” (А. Бергер, цит. по Бубнову – 2002).

²⁶ ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8147-3800>

²⁷ Автор выражает признательность профессору К. Харбсмайеру (Christoph Harbsmeier, University of Copenhagen) и анонимному рецензенту за ценные комментарии, А.Ю. Вихровой (ИСАА МГУ) за помощь в получении доступа к некоторым материалам.

²⁸ Поэтические произведения, созданные в этом изощрённом стиле, получившем название 回文体 *huíwéntǐ* ‘стиль обратных письмен’, имеются в творчестве китайских поэтов разных эпох и являются частым предметом исследований.

5.2. “Darling, my love // Is great, so great; // (...) // Great, so great is // Love, my darling” (J.A. Lindon, цит. по Bergerson – 1973).

Пример словесного палиндрома присутствует в строке известной китайской скороговорки:

5.3. 十四不是四十, 四十不是十四

shísì bùshì sìshí, sìshí bùshì shísì

‘четыренадцать’ NEG COP ‘сорок’, ‘сорок’ NEG COP ‘четыренадцать’

“Четыренадцать – не сорок, сорок – не четыренадцать”.

Когда в обратном порядке осмысленно читается слово (рус. *шорох* – *хорош*, англ. *star* – *rats*), словосочетание или предложение, принципиально отличное исходного, то в этом случае мы имеем дело с “оборотнем”, *реверсором*:

5.4. “Я нем и нежен” – “Не жени меня” (С. Федин, цит. по Изотову – 2015).

В англоязычной традиции такие перевертни называются по-разному: *semordnilap* (образованное в результате ретроскрипции слова *palindromes*), *half-palindrome*, *antigram*, *inversion*, *reversal pair/sentence*, *heterodrome* и др. (Puder – 2000), устоявшейся терминологии нет. В китайской лингвистической традиции реверсоры включены в значение вышеуказанного общего термина 回文 *huíwén*, то есть рассматриваются как палиндромы в широком значении.

В ряде случаев реверсор представляет собой полупалиндром: так, например, реверсор “Он хам, но...” легко превращается в палиндром, будучи дополненным обратным прочтением (Изотов – 2015) (“\” соответствует границе исходного полупалиндрома):

5.5. “Он хам, но \ он Махно”.

Реверсоры оказываются полностью тождественными в формальном плане, но различаются в смысловом отношении. В китайском языке к реверсорам относятся все двузначные числа²⁹, записанные иероглифами (см. пример 1.3).

Верхом совершенства палиндромической формы считается латинский палиндром *Sator agere tenet opera rotas*, который демонстрирует как осевую, так и линейную симметрию. Вписанная в квадрат 5x5 (известный как “квадрат SATOR”, часто называемый магическим), эта фраза из пяти пятибуквенных слов читается как минимум по десяти направлениям³⁰:

S	A	T	O	R
A	R	E	P	O
T	E	N	E	T
O	P	E	R	A
R	O	T	A	S

В контексте рассматриваемой темы принципиально и то, к каким фонологическим единицам обращено языковое сознание природных носителей того или иного языка в процессе палиндромотворчества. В языках неслоговых (фонемных) наиболее важную роль играют отдельные звуки речи. В языках же слоговых, каким является китайский, процедуре переворачивания подвергаются слоги целиком (а не их инициалы, централи или финалы) (Рыбин – 2007). Структура китайского слога подчинена строгим правилам и не подлежит

²⁹ Кроме тех, которые имеют “редупликативный” вид, в этом случае они, как и при записи арабскими цифрами, являются амбинимами (напр., 八十八 *bāshíbā* ‘88’).

³⁰ Слева направо и справа налево по рядам (2), по колоннам (2), горизонтальной и вертикальной змейкой от первого и до последнего S в обоих направлениях (2 x 2), по кругу по часовой (1) и против часовой стрелки (1). Кроме того, слова, начинающиеся с гласных, складываются в AREPO и OPERA при направлении чтения, напоминающем латинские U и L, вырисовывая тем самым фигуру, похожую на знак «#», TENET читается по центру в форме креста.

преобразованиям. Существуют определенные ограничения на сочетаемость согласных с гласными, согласных с согласными (отсутствуют консонантные кластеры), в кодовой позиции могут быть только *n* и *ng*, конечнослоговым назальным *ng* не может быть начальнослоговым, согласный в потоке речи не употребляется без опоры на гласный звук³¹. Кроме того, за последние 1500 лет китайский язык утратил более 50% слогов, в настоящее время их количество составляет всего 1334 (включая тоны), 200 из которых используются очень редко (Duanmu – 2008). Для сравнения: в современном английском насчитывается 15831 слог (Barker – 2008), то есть почти в 12 раз больше.

В китайском языке слогоделение морфологически значимо, иными словами, слог, как правило, соответствует морфеме³². Ресиллабификация китайского слова невозможна. Например, лексема 昏暗 *hūn-àn* ‘сумрачный’ со слоговой структурой CVC-VC (“-” соответствует границе морфемы) ни при каких обстоятельствах не примет вид *CV-CVC **hū-nàn* (см. Feng – 2017). Слово с такой слоговой структурой (при условии, если оно вообще существует) должно записываться уже совсем другими иероглифами. Слоговая структура сокращенного названия площади Тяньаньмэнь 天安门 *Tiān-ān-mén* CVVC-VC-CVC не может быть модифицирована в **Tiā-nān-mén* *CVV-CVC-CVC.

2. Двусложные амбинимы и реверсоры

В современном китайском языке (СКЯ) существует большое количество не только слов, но и словосочетаний двусложной структуры, которые почти не меняют своего смысла при перестановке компонентов. Такого рода пары некоторые исследователи называют палиндромами (см., напр., Воскресенский – 1971, Chén – 2003, Мяо – 2017):

- 5.1. 互相 *hùxiāng* ‘взаимный’ и 相互 *xiānghù* ‘обоюдный’;
- 5.2. 展开 *zhǎnkāi* ‘развернуть, раскрыть’ и 开展 *kāizhǎn* ‘развертывать, ширить’;
- 5.3. 算错 *suàncuò* ‘ошибиться в вычислениях’ и 错算 *cuòsuàn* ‘просчет’;
- 5.4. 早来了 *zǎoláile* ‘рано пришёл’ (давно пришёл, к моменту говорения находится в данном месте в течение достаточно долгого времени в процессе ожидания кого/чего-л.) и 来早了 *láizǎole* ‘пришёл рано’ (к открытию какого-л. учреждения или раньше назначенного времени) (了 *le* – суффикс результата действия).

Слова и словосочетания такого типа являются образованиями с обратным порядком следования составляющих (морфем или односложных слов). Согласно данным А.А. Хаматовой (2003), в “Словаре современного китайского языка” (现代汉语词典) зафиксировано 521 таких пар. Большинство из них в той или иной степени различается как в семантическом, так и в грамматическом плане (см. примеры 2.1-2.4), а часть таких слов не имеет ничего общего между собой, кроме записи морфем одинаковым иероглифом:

- 5.5. 故事 *gùshi* ‘сказание, история, прецедент’ и 事故 *shìgù* ‘случайность, инцидент, авария’.

При изменении порядка следования морфем (в том случае, когда это ведет к образованию нового слова) можно говорить об особом словообразовательном приеме в рамках способа словосложения (Хаматова – 2003). Иными словами, мы имеем дело с ретроскрипцией, результатом действия которой оказывается окказиональный двусложный реверсор (слово или словосочетание), содержащее тот же набор составляющих, что и производящее слово (или словосочетание), но имеющий иное значение (Изотов – 2015). В тех случаях, когда реверсор даёт в обратном прочтении осмысленную языковую единицу, можно говорить, что в нём формальное тождество сочетается с содержательным сходством (особенно в тех случаях, когда прямое и обратное прочтение сопрягаются).

³¹ Этот факт демонстрируется в повседневной жизни, в частности, тем, как китайцы произносят размеры одежды, обозначенные латинскими буквами. Одиночные согласные S, M, L превращаются в двуслоги *эсу*, *эму*, *элу*, ударяется всегда только первый слог.

³² Тем не менее язык не лишен морфем, состоящих из двух и более слогов, “Словарь современного китайского языка” (2005) фиксирует их в количестве 849 (3%) (Feng – 2017).

Нейролингвистический эксперимент с использованием метода вызванных потенциалов показал, что реверсоры (была продемонстрирована пара из примера 2.5) вызывают значительно большее увеличение амплитуды компонента N400³³, чем обычные двуслоги, не имеющие реверсивной пары. Сам факт реверсивности такого двусложного слова, доступ к составляющим его корнеслогам (самостоятельным односложным словам) 故 *gù* ‘старый’ и 事 *shì* ‘дело’, интерпретация общего значения в зависимости от порядка следования этих составляющих – всё это усложняет процесс распознавания реверсоров (Vai и др. – 2011).

Пример реверсора, превращенного в палиндром, есть в упомянутой (в примере 1.3) скороговорке (“-” соответствует слоговой границе, “/” – границе между словами; в строке (a) приводится перевод слогоморфем, в строке (b) – поглоссовый):

5.6. 十四是十四, \ 四十是四十

shí-sì/shì/shí-sì, sì-shí/shì/sì-shí

(a) десять-четыре /есть / десять-четыре, четыре-десять /есть / четыре-десять

(b) ‘четырнадцать’ сор ‘четырнадцать’, ‘сорок’ сор ‘сорок’

“Четырнадцать – это четырнадцать, сорок – это сорок”.

Графическими и семантическими амбинимами на уровне двуслогов следует считать слова, образованные в результате редупликации однослоговых морфем (например, 纷纷 *fēnfēn* ‘смешанный, перепутанный’ x 2) ‘всевозможный; беспорядочный’).

Теперь что касается фонологического аспекта. Невозможно говорить ни о какой фонологической симметрии, например, в двусложных вариантах китайских терминов родства, образованных в результате редупликации (哥哥 *gēgē* ‘старший брат’), где второй слог произносится нейтральным тоном и с меньшей длительностью (Duanmu – 2017). Как справедливо отмечает В.В. Рыбин, даже в таких языках как русский и английский, где в процессе переворачивания роль основных сегментов играют звуки речи (\approx фонемы), нельзя говорить об абсолютной одинаковости звучания исходного и перевернутого текстов. Звуковая симметрия невозможна, так как каждый отдельный звук речи сам по себе имеет разные фазы артикуляции (экскурсия, выдержка и рекурсия), что делает его асимметричным в принципе (Рыбин – 2007).

3. Трёхсложные амбинимы

По своему семантико-морфологическому строению двусложные и многосложные слова изоморфны свободным словосочетаниям. Слово отличается от словосочетания лишь более тесной стяженностью (скоартикулированностью) его слоговых морфем. Типы связи одни и те же, но качественно различны: в словосочетаниях (между словами) связи синтаксические, в словах (между слоговыми морфемами) – квазисинтаксические (Румянцев – 2007).

Китайские амбинимы трёхсложной структуры функционируют по такому же принципу, как словесные палиндромы в алфавитных языках (см. примеры 1.1, 1.2). Так, графически следующие примеры демонстрируют как осевую, так и линейную симметрию:

5.1. 龙生龙 *lóng shēng lóng* (‘дракон’ + ‘порождать’ + ‘дракон’) ‘у дракона рождается дракон’ (обр. в знач. ‘у хорошего отца и сын хороший’);

5.2. 一对一 *yīduìyī* (‘один’ + ‘противоположный’ + ‘один’) ‘один на один; индивидуальный (курс, обучение)’;

5.3. 人上人 *rénshàng rén* (‘возвышающийся над людьми (‘человек’ + ‘сверху’)’ + ‘человек’) ‘человек высокого положения и статуса’.

Но если примеры 3.1 и 3.2 симметричны еще и семантически, и синтаксически, то с примером 3.3, образованным по атрибутивной модели, ситуация сложнее. Определяющая, за-

³³ Компонент N400 (где N используется для обозначения негативности, а число обозначает латентный период пика в миллисекундах) связан с эффективностью обработки семантической информации, отражает процессы рассогласования информации с контекстом. У здорового человека в ситуации пассивного чтения и в ситуации релевантности слов обнаружена большая амплитуда волны N400 на псевдослова, чем на слова, в лобно-центральных областях обоих полушарий мозга (Марьина – 2011).

висимая основа здесь двусложная, а главная, определяемая – односложная, иными словами, просодическая морфологическая структура имеет вид “2+1”. При обратном прочтении важно учитывать не только то, что “все китайские слоги-слова, оставаясь пунктуально на своих местах, играют уже другие синтаксические и семантические роли” (Алексеев – 1951), но и помнить о “перевернутой” морфологической просодии³⁴.

4. Предложения-амбины

Что касается палиндромотворчества на уровне фраз, то здесь необходимо отметить следующее. Как известно, основным синтаксическим средством выражения связей между словами в китайском языке является порядок слов. Именно порядок слов определяет грамматическую категорию односложных слов и может конкретизировать очень общую абстрактную семантику изолированного иероглифа (Мяо – 2017). Рассмотрим следующий пример (“/” соответствует паузе, “()” – ритмическим группам):

(26) 1. 上海自来水来自海上

(Shàng-hǎi)/(zì-lái-shuǐ)/(lái/zì)/(hǎi/shàng)

(a) верхний-море/сам-приходить-вода//приходить/из/море/на

(b) ‘Шанхай’/‘водопроводная вода’//‘происходить из’/‘морской’

“Шанхайская водопроводная вода – из моря”.

Ритмические группы организованы по схеме “2+3//2+2”, осевым компонентом является трёхсложное слово 自来水 *zì-lái-shuǐ* (букв. ‘сам-приходить-вода’) ‘водопроводная вода, вода из-под крана’ с просодической морфологической структурой “2+1” (сравн. с примером 3.3). Как известно, ритмический рисунок трёхсложного слова (или словосочетания), присущий пекинской произносительной норме, имеет вид “2-3-1”, где “1” обозначает самую высокую степень длительности (сильного) ударного слога, “3” – самую низкую (Duanmu – 2017). Таким образом, сильнейшим ударным (и поэтому центральным не только с точки зрения графической симметрии) слогознаком во всей фразе является 水 *shuǐ* ‘вода’. Двуслог 上海 *Shànghǎi* ‘Шанхай’ имеет ударение на первом слоге, а его реверсор – на втором. Пауза оперирует с центральным ударным составляющим 水 *shuǐ* ‘вода’, подчиняя ему при обычном прочтении одни знаки, а при обратном – другие. В результате такой пересегментации происходят синтаксические пертурбации, переворачивается ударение в реверсоре, но общий ритмический рисунок фразы “2+3//2+2” сохраняется.

Как отмечал Д. Н. Воскресенский, в китайском языке слово, особенно если оно односложно, активно и довольно свободно участвует в комбинационной словесной игре, каждый раз вступая в новые связи. К тому же, китайскому слову присуща большая “ассоциативность”, которая порождает многозначность и в свою очередь ею порождается (Воскресенский – 1971). Комбинационная игра в примере 4.1 проявляется по обе стороны центрального знака: во-первых, искусно обыгранна многозначность морфемы 自 *zì*, которая может выступать как в роли полупрефикса существительных СКЯ в значении ‘сам, свой, авто-’, так и в роли предлога ‘из’, выкристаллизовавшегося из значения ‘идти из, происходить от’, в котором часто употребляется в классическом литературном языке. Во-вторых, Шанхай (上 *shàng* ‘верхний’ + 海 *hǎi* ‘море’) в ретроскрипции превращается не только в реверсоры ‘на море, над морем, морской’, но и в реверсор-словосочетание ‘в Шанхае’, созвучное и синонимичное 沪上 *Hù shàng* ‘в Шанхае’³⁵ (沪 *Hù* – альтернативное историческое название Шанхая). Поэтому данный палиндром можно перевести еще и так: “Шанхайская водопроводная вода – из Шанхая”.

5. Фразовые палиндромы с использованием слогознаков-омофонов

Утверждение, что “только в условиях китайской иероглифической письменности и китайского иероглифического языка возможно писать в любом количестве превосходные во

³⁴ Просодическая морфология напрямую взаимодействует с синтаксисом и де-факто является частью морфологии, в связи с чем её следует рассматривать как морфологическую просодию (Feng – 2017).

³⁵ Большой китайско-русский словарь онлайн // URL <https://bkrs.info/slovo.php?ch=海上>

всех отношениях палиндромы” (Алексеев – 1951) справедливо в отношении как стихов-палиндромов, написанных на классическом литературном языке, так и в отношении тех немногих современных палиндромов, которые написаны однослоговыми словами. Тем не менее современный язык внёс в палиндромотворчество определенные коррективы.

Как отмечалось выше, СКЯ обладает очень скромным арсеналом слогов. При этом одному слогу соответствуют в среднем четыре (иногда намного больше³⁶) морфемы, что осложняет язык огромным количеством омофонов. Несмотря на то что 70,6% слов в современном языке являются двусложными (Feng – 2017), не следует забывать, что “большинство китайских слов эластичны, могут иметь как однослоговую, так и двуслоговую форму” (Duanmu – 2017). Кроме этого, свою лепту внесло и возникновение в пекинской произносительной норме лёгкого, нейтрального тона, который языковая эволюция, начиная примерно с XVII-XVIII вв., противопоставила четырём существующим контурно-регистровым полным тонам (Румянцев – 2007). Перечисленные особенности СКЯ присутствуют в следующих примерах:

5.1 心上人让人伤心

(xīn-shàng-rén)/(ràng/rén)/(shāng-xīn)

сердце-на-человек//заставлять/человек/ранить-сердце

‘любимый (близкий) человек’//‘заставлять кого-л.’/‘страдать’

“Любимый(ая) приносит страдания”.

5.2 画上荷花和尚画

(huà/shàng)/(hé-huā)/(hé-shàng/huà)

рисовать/на/водяная.лилия-цветок//буддийский.монах/рисовать

‘картина’/‘на’/‘цветок лотоса’//‘буддийский монах’/‘рисовать’

“Цветы лотоса на картине нарисованы монахом”.

В примере 5.1 с ритмической структурой “3//2+2” мы видим симметрично расположенные омофоны (хотя и не омотоны) 上 *shàng* и 伤 *shāng*. Четвёртый (падающий) тон у слогоморфемы 上 *shàng* в составе трёхслога 心上人 *xīnshàngrén* ‘любимый человек’ нивелируется, а у 伤 *shāng* первый тон по времени звучания равен либо чуть короче следующего за ним слога в слове 伤心 *shāngxīn* ‘горевать’ (ритмическая модель “1 тон + 1 тон”), но не нивелируется (см. Румянцев – 2007).

В примере 5.2 у 上 *shàng* тон сохраняется, в то время как у его зеркального омофона 尚 *shàng* (второго слогознака в составе 和尚 *héshàng*³⁷ ‘буддийский монах’) он нивелируется. Начальный и последний слогознаки выступают и искусно обыграны в качестве конверсионных омонимов ‘рисовать’ и ‘картина’³⁸. Рассматриваемый палиндром является классическим примером просодии китайского предложения с нечётным количеством слогов, когда ритмические группы формируют двуслоговые единицы (стопы), а последний, “блуждающий” слог прикрепляется к последней стопе (Feng – 2017). Ритмическая структура предложения имеет вид “2+2//3”.

6. Хиазм

К словесному палиндрому (см. примеры 1.1-1.3) структурно примыкает хиазм (греч. *chiasmus* – крестообразное расположение в виде греческой буквы X) – обращённый *параллелизм* с расположением аналогичных частей в обратной последовательности, обычно – со

³⁶ Так, например, слогу /yi/, произнесённому только в четвёртом (падающем) тоне, соответствуют 90 омофонов (среди которых 艺 *yì* ‘искусство’, 义 *yì* ‘справедливость’, 益 *yì* ‘выгода’, 议 *yì* ‘обсуждение’, 意 *yì* ‘намерение’, 译 *yì* ‘переводить’, 亿 *yì* ‘сто миллионов’ и др.) (Zhang и др. – 2006).

³⁷ Двусложная морфема, искажённое редуцированное не прямое заимствование: санскр. *urādhyāya* > пракр. *uvajjhā* > кашгар. (или хотан.) **vajhā* (Pelliot – 1959) > среднекит. *hwadzyangH* (Baxter – 2014). Изначально записывалось как 和上 (Pelliot – 1959).

³⁸ Интересно отметить, что в этом примере присутствует слово, которое может быть эластично, сравн.: 画 *huà* ‘рисовать’ @ 画画 *huà huà* ‘рисовать’, ‘нарисовать картину’.

значением *антитезы* (Гаспаров – 2001), который Бубнов (2002) называет *лексемным палиндромом*. Примеры использования хиазма:

6.1 “Please’s a sin, and sometimes sin’s a pleasure” (G. Byron).

6.2 “На детях гениев природа отдыхает, а дети гениев отдыхают на природе!” (М.О. Ефремов)³⁹

Китайские лингвисты либо включают хиазм в понятие палиндрома (Ji – 2009, Zōng и Lǐ – 2017), либо обозначают его термином 回环 *huíhuán* (в котором первая морфема та же, что и в слове 回文 *huíwén* ‘палиндром’, а вторая этимологически имеет значение ‘кружить, опоясывать, кольцо’), букв. ‘вращающиеся кольца’, который обычно на английский они переводят как *regression* (Ji – 2009, Wǔ и Zhāng – 2009, Wú – 2010).

Примеры хиазма распространены в древних китайских текстах. Д.Н. Воскресенский (1971) называет его частичным палиндромом, который даёт возможность автору текста подчеркнуть и заострить мысль, сделать её ярче благодаря перестановке отдельных элементов фразы, которая, в свою очередь, своей лаконичностью и образностью приближается к афоризму:

6.3 “知者不言，言者不知” (“Дао дэ цзин”)

zhī zhě bù yán, yán zhě bù zhī

‘знать’ NMLZ NEG ‘рассуждать’, ‘рассуждать’ NMLZ NEG ‘ведать’

“Умный не болтлив, болтливый не умён”.

Хиазмические структуры часто встречаются в скороговорках, народных речениях (пример 6.4), в вертикальных парных надписях 对联 *duìlián*, а также в рекламных текстах (пример 6.5):

6.4 “小会议做大决定，大会议做小决定” (цит. по Link – 2013)

xiǎo huìyì zuò dà juéding, dà huìyì zuò xiǎo juéding

‘маленький’ ‘собрание’ ‘делать’ ‘большой’ ‘решение’, ‘большой’ ‘собрание’ ‘делать’ ‘маленький’ ‘решение’

“На малых собраниях принимаются большие решения, на больших собраниях – малые”.

6.5 “长城电扇，电扇长城” (цит. по Wú – 2010)

chángchéng diànshàn, diànshàn chángchéng

‘Великая китайская стена’ ‘электрический вентилятор’, ‘электрический вентилятор’ ‘Великая китайская стена’

“Great Wall вентиляторы – [если] вентиляторы, то [только марки] Great Wall”.

В заключение необходимо отметить, что рассмотренные примеры китайских перевертней отражают не только, “палиндромно-хиазмически говоря, и семантику игры, и игру семантики” (Бубнов – 2002), умные шалости, шаловливые умности и головоломки, но и фонологические, лексические, грамматические и синтаксические особенности китайского языка.

Литература

1. Алексеев В.М. Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании // Памяти академика Л.В. Щербы. – Л.: Изд. гос. ун-та, 1951. – С. 95-102.
2. Большой китайско-русский словарь онлайн // URL <https://bkrs.info>
3. Бубнов А.В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: Дисс. ... докт. филол. наук. – Орёл, 2002.
4. Воскресенский Д.Н. Китайский палиндром и его жизнь в литературе // Народы Азии и Африки. – 1971. – № 3. – С. 106-115.

³⁹ Михаил Ефремов “В гостях у Дмитрия Гордона” 2/2 (2011) // URL <https://www.youtube.com/watch?v=15FR6Hf-PvA>

5. Гаспаров М.Л. Перевертень // Литературная энциклопедия терминов и понятий, под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК “Интелвак”, 2001.
6. Изотов В.П. Ретроскрипция, реверсор, палиндром: тождество, сходство, различие // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – С. 153-157.
7. Марьина И.В. Вызванные потенциалы коры больших полушарий на вер-бальные стимулы у здоровых испытуемых и больных шизофренией: Ав-тореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2011.
8. Михаил Ефремов “В гостях у Дмитрия Гордона” 2/2 (2011) // URL <https://www.youtube.com/watch?v=15FR6Hf-PvA>
9. Мяо Чунь. Палиндром в современном китайском языке // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 17 апреля 2017 г.) – М.: Тезаурус, 2017. – С. 138-139.
10. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
11. Рыбин В.В. Фонологический компонент японских палиндромов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – №3.1 – С. 115-118.
12. Эпштейн М. Палиндромия в словотворчестве: к философии и лингвистике обратного слова // Другое полушарие. – 2009. – №8. – С. 77-83.
13. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. – М.: Муравей, 2003.
14. Bai C., Cai S., Schumacher P.B. Reversibility in Chinese word formation influences target identification // Neuroscience letters. – 2011. – Vol. 499 – №1. – P. 14-18.
15. Barker, Chris. How many syllables does English have? // URL <http://web.archive.org/web/20160822211027/http://semarch.linguistics.fas.nyu.edu/barker/Syllables/index.txt> – 2008.
16. Baxter, William H. Baxter-Sagart Old Chinese reconstruction, version 1.1 (20 September 2014) // URL <http://ocbaxtersagart.lsa.umich.edu/> – 2014.
17. Bergerson, H.W. Palindromes and anagrams. – NY: Dover Publications, 1973.
18. Blake, B.J. Secret language. – Oxford University Press, 2010.
19. Duanmu San. Syllable Structure: The Limits of Variation. – Oxford University Press, 2008.
20. Duanmu San. Syllable structure // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics, ed. by R. Sybesma, W. Behr, Y. Gu, Z. Handel, C.-T. J. Huang, and J. Myers. – Leiden: Brill, 2017. – Vol. 4. – P. 230-236.
21. Feng Shengli. Prosodic morphology // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics, ed. by R. Sybesma, W. Behr, Y. Gu, Z. Handel, C.-T. J. Huang, and J. Myers. – Leiden: Brill, 2017. – Vol. 3. – P. 467-473.
22. Link, P. An anatomy of Chinese: Rhythm, metaphor, politics. – Harvard University Press, 2013.
23. Pelliot, P. Notes on Marco Polo. Vol. 1. – Paris: Imprimerie Nationale, 1959.
24. Puder, J. Seventeen synonyms of Semordnilap // Word Ways. – 2000. – №33.1. – P. 28-30.
25. Zhang Yaxu, Wu Ningning, Yip M. Lexical ambiguity resolution in Chinese sentence processing // The Handbook of East Asian Psycholinguistics, Vol. 1: Chinese. – Cambridge University Press, 2006. – P. 268-278.
26. Chén Xiángliáng 陈祥梁. 英汉语言中的回文 [Палиндромы в английском и китайском] // 福建师范大学福清分校学报. – 2003. – №62. – P. 129-132.
27. Jì Sūnà 纪苏娜. 汉英回文 (环) 修辞格浅析 [On the Figures of Speech “Pal-indrome / Regression” in Chinese and English] // 琼州学院学报. – 2009. – Vol. 16. – № 3 – P. 138-139+158.
28. Wú Jìnqiū 吴劲秋. 汉英回环·思维·语言张力 [Regression, Thinking and Tensile Strength of Language] // 外语学刊. – 2010. – № 3. – P. 125-129.
29. Wǔ Jīnfèng 武金凤, Zhāng Jīnghuá 张敬华. 是回文还是回环 [Palindrome or regression?] // 沧州师范学院专科学校学报. – 2009. – Vol. 25. – № 4. – P. 54-56.
30. Zōng Tíngǔ 宗廷虎, Lǐ Jīnlíng 李金苓. 试论汉语回文修辞格的主要审美功能 [Об основных эстетических функциях палиндрома как стилистической фигуры китайского языка] // 焦作大学学报. – 2017. – № 2. – С. 19-22.

SENEGALESE SABAR – IS IT A DRUM LANGUAGE?

Abstract

Current research focuses on the Senegalese drum language – Sabar. Sabar rhythms are derived from speech in Wolof and therefore represent verbal utterances. This paper reports a study that is meant to uncover regularities between Wolof units and Sabar strokes given a dataset collected in Senegal. Research materials include drum and speech recordings collected during field trips to Senegal. This data is analysed, and the first analysis is presented in the article.

In some African cultures, drumming is used for expressing linguistic meanings. For example, the Yoruba people of Nigeria use different drums to mimic the spoken Yoruba language (Villepastour – 1988), in Ghana drumming was widely used among the Akan people to express the spoken Akan language (Nketia – 1963).

Our research focuses on the Senegalese drum language – Sabar. Senegalese drummers show the practice of playing drums in correlation to speech. These drummers are part of the social class of *griots* (Hale – 1998, Tang – 2012), and their most common drum is a single-headed drum known as *sabar*. Griots are generally known as the masters of the spoken word and unlike griots from other ethnic, Wolof griots are also masters of the *sabar* drum. In Senegal, *sabar* drumming appears in different sorts of events such as sport events, life-cycle ceremonies, political events. Rhythmic phrases played on the *sabar* drums are originated from speech in Wolof, so that the drums “speak” through rhythmic representations of linguistics meanings (Tang – 2012).

Although now *sabar* drums are rarely used as a speech surrogate and their main function is to affect the listener rather than to convey a message, it is clear that the practices of playing the *sabar* still involve a close connection to linguistic expressions. In personal interviews griots say that “the *sabar* can speak” and utter spoken expressions in correlation to *sabar* rhythms they play (Winter – 2014).

The main question of my research is whether the drum language can be considered to be a language (from a linguistic point of view). If *Sabar* can be considered to be a language, my main goal in the current research is to understand how this language works. Mapping between *Sabar* and Wolof is not as clear as in more well-known cases of speech surrogacy on drums. For example, spoken Yoruba has three contrastive tones: high, low and middle, and tone counters formed by a combination of two of the tones. The tones and counters of spoken Yoruba can be represented by the notes of the Yoruba drums, so the drums literally mimic the spoken utterances. Rhythms and tones produced on *atummpan* – “talking” drum used by the Akan people in Ghana – also closely correspond to the rhythms and tones of the Akan language. *Sabar* clearly works different as Wolof is not tonal.

Playing the *sabar* involves at least 9 different drum strokes (hand strokes, stick strokes or their combination), which can be seen as the basic phonemic units of the genre (Winter – 2014). These strokes compose different longer *Sabar* rhythms which can be correlated with spoken utterances in Wolof. Research materials is the data collected during previous expeditions to Senegal: *bàkks* (classical phrases in *Sabar*, not improvised on the spot) and improvisations in *Sabar* and their translations to Wolof.

I am approaching this problem by finding out the regularities between Wolof utterances and *Sabar* rhythms. First, we tested the hypothesis on phonological mapping between the two languages, meaning that each syllable has a stroke associated to it, where the nature of the correspondence depends purely on the phonetic properties of the syllable: length, position and

openness of a vowel in a syllable. In order to test this hypothesis, the data was restructured. Wolof words were syllabified (Ka – 1988), we came up with a table where in each row there was a specific stroke, an associated syllable and its properties: length (short/long), position (front/central/back) and openness (open/middle/closed). In total there appeared to be 5454 pairs of Wolof syllables and Sabar strokes.

Some regularities have been found, for example, *la* ('you) is correlated with the 'tan' stroke (stick stroke at the center of the drum that bounces off) in 82 out of 122 cases:

- (1) Man dama la nob (Wolof)
 rwan tan tan pax pax (Sabar)
 'I love you'

Bi ('the') is correlated with the 'gin' stroke (hand stroke at the edge of the drum) in 45 cases (and only once with 'tan'):

- (2) Adduna bi (Wolof)
 tan tan gin gin (Sabar)
 'this world'

My first statistical analysis has already shown some correlations.

A chi-square test of independence was conducted between the stroke type and the *length* of the vowel in the corresponding syllable. All expected cell frequencies were greater than five. There was a statistically significant association between the stroke type and the length of the vowel in the corresponded syllable, $\chi^2(7) = 193.94$, $p < .0005$. Cramer's V of .189 might be considered to indicate a weak strength of association (Cohen – 1988).

A chi-square test of independence was conducted between the stroke type and the position of the vowel in the corresponding syllable. All expected cell frequencies were greater than five. There was a statistically significant association between the stroke type and the position of the vowel in the corresponded syllable, $\chi^2(14) = 1274.9$, $p < .0005$. The association was moderately strong (Cohen, 1988), Cramer's V = .342.

A chi-square test of independence was conducted the between stroke type and the *openness* of the vowel in the corresponding syllable. All expected cell frequencies were greater than five. There was a statistically significant association between the stroke type and the openness of the vowel in the corresponded syllable, $\chi^2(14) = 2476$, $p < .0005$. The association was greatly strong (Cohen, 1988), Cramer's V = .476.

The statistical analysis therefore shows that some regularities between Sabar strokes and Wolof syllables exist, namely the following (I have only taken out the results with absolute adjusted standardized residuals greater than 3):

Strokes' preferences for vowel length (weak association)

- gin – short
- rwan – long

Strokes' preferences for vowel position (moderate association)

- ce – front
- gin – back (and front)
- pax – central
- rwan – central
- tac – front
- tan – central

Strokes' preferences for vowel openness (strong association)

- ce – middle
- gin – closed
- pax – open
- rwan – open
- rwe – middle

tac – middle

tan – open

The association was weak for the strokes' preferences for vowel length, moderately strong for vowel position and greatly strong for vowel openness, therefore I suggest to take into account only the results for the vowel position and openness for now. These results suggest there is indeed a Wolof-Sabar correspondence that depends on the phonetic properties of the syllable.

The current analysis reveals some regularities in the data: the vowel position and the vowel openness affect the preference of an associated stroke with moderate and large strength of association respectively. A definite description of the correlation between the spoken Wolof language and the Sabar drum language will need further research, however this work already reveals some important regularities. This work and further research is expected to lead to a step forward in our understanding of drum languages the language-music connection in human cognition.

References

1. Cohen, J. 1988. *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). New York: Psychology Press.
2. Hale, Thomas A. 1998. *Griots and griottes*. Bloomington: Indiana University Press.
3. Ka, Omar. 1988. Wolof Syllable Structure: Evidence from a Secret Code. *Proceedings of the Eastern States Conference on Linguistics 5th*, Philadelphia, PA, September 30-October 1988.
4. Nketia, J. H. K. 1963. *Drumming in Akan communities of Ghana*. Edinburgh: Published on behalf of the University of Ghana by T. Nelson.
5. Tang, Patricia. 2007. *Masters of the sabar: Wolof griot percussionists of Senegal*. Philadelphia: Temple University Press.
6. Villepastour, Amanda. 2010. *Ancient text messages of the Yorùbá bàtá drum: Cracking the code*. Surrey: Ashgate.
7. Winter, Yoad. 2014. On the Grammar of a Senegalese Drum Language. *Language* 90.3.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН ХОРИ-БУРЯТ ЦАГАНСКОГО РОДА (САГААНУУД)⁴⁰

Аннотация

На материале ревизских описей Государственного архива Забайкальского края 1830-1831 гг. освящена часть исторических антропонимов хори-бурят Цаганского рода в научном плане. С опорой на 10-томный тибетско-русско-английский словарь Ю.Н. Рериха (1983 – 1987) предварительно описаны лексические значения и семантическая интерпретация некоторых бурятских личных имен рода Сагаанууд. Исследование показало, что личные имена тибетского происхождения в лексическом отношении претерпели изменения под влиянием бурятского, монгольского и русского языков. В плане семантической интерпретации имена носят благопожелательный характер.

Впервые об именах собственных в бурятском языке упоминается в работах Б.Р. Буянтуева, В.Ф. Балабанова и В.О. Куликова 1950-х годов. Вклад в изучение мотивов и особенностей номинации, семантики и словообразования антропонимов внесли публикации Н.Б. Алдаровой (1976), А.Г. Митрошкиной (1987) и Л.В. Шулуновой (1985).

Началом исследования монгольской антропонимии стали 1960-е годы. Основные аспекты генезиса онимов монгольского языка были освещены в работах таких ученых, как Н. Жамбалсурэн, Ж. Крюгер, И. Шуберт, Ч. Содном, Б. Сумьяабаатар, Ж. Тумэрцэрэн, Д. Энхбат. Они выделили древнемонгольский, ламаистский и современный пласты личных имен монголов.

Ц.Б. Цыдендамбаев отмечал, что имена, зафиксированные в родословных таблицах хоринских бурят, можно разделить на четыре пласта: 1) монголо-бурятские и тюркские имена; 2) бурятские и тунгусо-маньчжурские имена; 3) бурятские и тибетские имена; 4) тибетские, бурятские и русские имена (Цыдендамбаев – 1972).

Исторические антропонимы хори-бурят Цаганского рода, представленные в ревизских описях 1830 – 1831 гг., в основном, тибетского и санскритского происхождения. Данная тенденция связана с интенсивным проникновением в конце XVII и начале XVIII в. ламаизма в Забайкалье.

Пласт бурятских личных имен предположительно тибетско-санскритского происхождения, встречающихся в ревизских описях 1830 – 1831 гг., состоит из 83 единиц, среди них наиболее употребительными являются такие имена, как Бадма – 45 раз, Намсарай – 21, Вашир – 39, Зодбо – 37, Абиду – 14, Аюша – 20, Даши – 15, Доржи – 16, Сыбык – 13, Сырын – 10.

Опираясь на работу Кристофера П. Атвуда, преподавателя факультета восточных языков и цивилизаций Университета Пенсильвании, автора энциклопедии Монголии и Монгольской империи, мы попытались привести в таблице личные имена хори-бурят, соотнести их с исконной тибетской основой и дать их лексикографические значения. В своей работе Кристофер П. Атвуд представил 1) имена в транскрипции Уайли; 2) гипотетическое тибетское произношение у основания монгольской транскрипции > 3) транскрипция аттестованного вертикального (уйгурско-монгольского) шрифта > 4) транскрипция современной кирилли-

⁴⁰ При финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят»

ческой версии, звездочкой (*) отметил тибетское произношение, поскольку оно является предположительным.

№	Личные имена хори-бурят	Модель лексического перехода тибетского онима в монгольское	Лексикографическое значение	Ссылка на лексикографический источник
1	Бабаев, Вабуев	Dpa'-po: *Babo>Babuu>Bawuu	«доблестный, героический»	(Рерих – 1985; стр. 212)
2	Бабосан	Pa-sangs: *Basang>Basang>Baasan	«пятница; наставник Венеры»	(Рерих – 1985; стр. 182)
3	Бадма, Бадму, Бадмаев, Бадмиев	Pad-ma	«лотос»	(Рерих – 1985; стр. 188)
4	Баламбай	Pha-lam: *Palam>Palam>Palam	«алмаз»	(Рерих – 1986; стр. 19)
5	Балдан, Балданов	Dpal-ldan: *Baldan>Baldan>Baldan	«великолепный, величественный»	(Рерих – 1985; стр. 220)
6	Бальжи(н)	Dpal-sbyin: *Baljin>Baljin>Baljin	«дарующий богатство»	(Рерих – 1985; стр. 222)
7	Ванжил	Dbang-rgyal: *Wangjal>Wangjil>Wanjil	«Царь Силы»	(Рерих – 1986; стр. 268)
8	Ванчиков	Dbang-phyug: *Wangchug>Wangchug>Wanchig	«могущественный, могучий»	(Рерих – 1986; стр. 274)

Представители различных лингвистических школ при изучении проблем принципов номинации в ономастике выделяют аспекты мотивации имянаречения. Так, к примеру, М.Э. Рут при изучении принципов номинации некоторых астрономических объектов выделяет из основных – метафору. Объясняет данное, во-первых, тесной связью представлений о звездном небе с мифологией, во-вторых, тем, что звездные объекты – созвездия представляют собой «очищенную» форму, несколько геометризованную, но вместе с тем достаточно причудливую (Рут – 1970).

М.В. Голомидова, занимаясь вопросами искусственной номинации в русской ономастике, наряду с социолингвистическим, прагматическим, ономасиологическим аспектами выделяет когнитивный. В аспекте когнитивной искусственной номинации есть целеполагающая именотворческая деятельность (Голомидова – 1998).

При рождении ребенка в традиционной культуре всех народов и этносов возникает желание дать имя, обладающее защитной функцией и благопожелательной установкой. Выбор имени для ребенка не менее важный шаг, как и его рождение. От выбора имени в действительности зависит как жизнь, так и судьба человека.

Благопожелательность значения имени – основной мотив имянаречения в тибет-монгольской антропонимической практике.

Представленные личные имена хори-бурят Цаганского рода, изъятые из ревизских описей 1830 – 1831 гг. по языковому происхождению являются тибетскими. Влияние бурятского и русского языков на трансформацию лексического облика имен очевидно (ср. *Бадма – Бадма-ев – Бадми-ев, Баба-ев – Вабу-ев, Балдан – Балдан-ов, Ванчик-ов*). В основу значений тибетских имен заложены традиции буддизма. Религиозное значение тибетских имен до сих пор можно назвать основой, по которой родители выбирают как назвать ребенка. Семантическая интерпретация антропонимов показывает, что большая часть имен – это имена с благопожелательной семантикой. В основе имянаречения лежит желание имядателя связать носителя имени с обозначаемым в его имени другим человеком, божеством, идеей или качеством.

Литература

1. Голомидова М. В. *Искусственная номинация в русской ономастике: Монография* / Екатеринбург, 1998.
2. Государственный Архив Забайкальского края. Фонд 284, опись 1, дело 50. «Имянной списокъ. В комиссию Восточной Сибири о составлении окладныхъ ясачныхъ книгъ для кочевыхъ и бродячихъ Иностранцевъ Иркутской губернии Верхнеудинского округу ведомства Хоринской степной думы Цаганского рода о кочевыхъ братскихъ инородцахъ. 7 юля дня 1831 года».
3. Митрошкина А.Г. *Словарь бурятских личных имен* / Улан-Удэ, 2013.
4. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels* / Ю. Н. Перих ; под общ.ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. – Москва : Наука, 1983-. – 21 см. Вып. 5: Na -Pa. – 1985. – 310, [2] с.
5. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels* / Ю. Н. Перих ; под общ.ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. – Москва : Наука, 1983-. – 21 см. Вып. 6: zΔ-□ = [Pha – Va]. – 1986. – 370, [2] с.
6. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями [Текст] = Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels* / Ю. Н. Перих ; под общ.ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. – Москва : Наука, 1983-. – 21 см. Вып. 7: Ma-Tsha. – 1986. – 320 с.
7. Рут М.Э. *Принципы номинации некоторых астрономических объектов* / Свердловск, 1970.
8. Цыдендамбаев Ц. Б. *Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование)* / Улан-Удэ, 1972.

М.И. КАПЛУН О ТОНАХ В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

The article is devoted to the contribution of Professor M. I. Kaplun to the theory of language, theoretical and applied linguistics, theoretical and experimental phonetics, and African studies. The study of tones in African languages, in particular in the Yoruba language, occupies a special place in the work of the linguist. The special attention is paid to describing the interaction of tones in the same rhythmic model, depending on the context. Another area of research of M. I. Kaplun is the use of synthesis methods, which allowed us to formulate the basic rules governing the tone organization of a syllable. Another area of his research is the search for typological similarities in the sound structure of the languages of Southeast Asia and West Africa.

М.И.Каплун – талантливый лингвист, фонетист-экспериментатор, внесший большой вклад в теорию языка, теоретическую и прикладную лингвистику, в теоретическую и экспериментальную фонетику, в африканистику. Изучение тонов в африканских языках, в частности в языке йоруба, занимает особое место в творчестве ученого. Язык йоруба относится к тональным языкам группы ква, определяющийся как слоговый и тональный, в силу того, что просодическое устройство базируется на так называемых слоговых интонациях – тонах и тоновых сандхи. Акустическая картина многоярусной просодической системы языка обычно основывается на соотношении следующих базовых просодических единиц: слог – слово – синтагма – высказывание (и, возможно, текст). Базовой единицей моносиллабических тональных языков является слогоморфема.

С точки зрения современной фонологии, тоны – сложный акустический феномен, «они представляют собой органическое, сложное, очень подвижное единство функциональных и нефункциональных в конкретном речевом контексте признаков, перекодировка которых происходит постоянно, и законы кодирования сигнала, корреляция функциональных и нефункциональных признаков специфичны для данной языковой системы.

Характер взаимодействия тонов в одной и той же ритмической модели в зависимости от контекста может подчиняться правилу либо регистрово-контурных противопоставлений (один из вариантов модели), либо правилу регистровых противопоставлений.

Как известно, основу тональной системы йоруба составляют три тона: высокий, средний, низкий. Помимо базовых тонов, в йоруба также функционируют так называемые «скользящие» тоны: восходящий и нисходящий, которые реализуются по своим правилам. Рассмотрим подробнее акустическую природу среднего, высокого и низкого тонов.

Средний тон рассматривается как нейтральный по отношению к высокому и низкому. По экспериментальным данным М.И.Каплуна (Каплун -1984), для среднего тона характерны следующие основополагающие признаки: 1) устойчивость в комбинациях с другими тонами; 2) ровный тональный контур; 3) большая длительность слога-тононосителя по сравнению с высоким и низким; 4) реализация в соответствующем регистре; 5) средний тон может оформлять полнозначные слогоморфемы; 6) ритмически подчиняет левую или правую слогоморфему (например, в двуслоге после среднего тона идет высокий восходящий, или низкий нисходящий)..

Высокий тон реализуется в двух частотных контурах: ровном и восходящем. Высокий тон принимает тот или иной контур в зависимости от фонетической позиции: ровный в тоноритмических моделях после высокого и среднего тонов и восходящий в тоноритмических моделях после низкого тона. В этом проявляется одно из правил сандхи. Итак,

возможны два варианта высокого тона: 1) ровный вариант реализуется в зоне высокого регистра; 2) начало восходящего контура находится в нижнем или среднем регистрах, а конец – в среднем или высоком. Таким образом, впечатление высокого тона создается за счет скольжения тона из низкого или среднего регистров в высокий.

Низкий тон. Для образования низкого тона необходимы следующие параметры: 1) регистровый признак; 2) нисходящий интервал; 3) скорость его образования. Низкий тон принимает тот или иной контур в зависимости от фонетической позиции: 1) ровный в низком регистре (первый слог двуслога перед средним тоном); 2) низкий падающий в конечной позиции.

Новый этап в описании тональной системы йоруба знаменуют методы синтеза, которые позволяют сформулировать основные правила, управляющие тоновой организацией в слове, выявить общую модель ритмической организации тонов. Так, в докладе М.И.Каплуна на XI Международном конгрессе фонетических наук в Таллинне, посвященном ритмической структуре двуслога в йоруба, впервые проблемы тоноритмики поднимаются на качественно новый уровень благодаря машинному синтезу речи. В качестве основной единицы тоноритмики в йоруба автором взят двуслог, так как «именно в этой лексической модели проявляются основные тоноритмические законы, регулируемые правилами сандхи» (Каплун – 1988). М.И.Каплун рассматривает 9 тоноритмических моделей двуслогов: С+С, С+В, С+Н, Н+Н, Н+С, Н+В, В+В, В+С, В+Н (В – высокий, С – средний, Н – низкий).

В результате формулируются три основных правила взаимодействия тонов в двуслоге, основанные на регистровых и регистрово-контурных противопоставлениях:

правилом регистровых противопоставлений регулируется взаимодействие тонов в тех ритмических моделях, в которых тоны, имея одинаковые ровные контуры, реализуются в разных регистрах, по которым они и противопоставляются в двуслоге;

регистрово-контурным правилом определяются те тоноритмические модели, в которых тоны, сочетаясь, противопоставлены по контуру и регистру;

третье правило касается равночастотного согласования начала последующего тона двуслога и конца предыдущего.

В заключение автор приходит к выводу о невозможности выделить ни один из акустических параметров в качестве определяющего ритмику той или иной модели, так как «... именно комплекс этих признаков создает известную устойчивость, эластичность ритмической модели в любых условиях контекста» (Каплун – 1988).

Другой заслугой М.И.Каплуна является поиск структурных сходств в звуковом и морфологическом строе целого ряда тональных языков Западной Африки и слоговых языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока не один раз предпринимали лингвисты. М.И.Каплун вместе с М.К.Румянцевым пришли к важному выводу о том, что языки, столь далекие друг от друга и генетически, и ареально, как, например, йоруба и китайский, обнаруживают между собой глубоко структурное сходство в интонационном различении предикации и номинации.

Литература

1. Каплун М.И. Синтез тонов йоруба // Вестник Московского университета, серия 13, востоковедение. 1984. № 2. – с. 58-63.
2. Каплун М.И. Основные принципы взаимодействия тонов в языке йору-ба // Вестник Московского университета, серия 13, востоковедение, 1988, № 4. – с. 53-61.
3. Каплун М.И. Опыт сопоставления тональных систем китайского языка и йоруба // У Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. – СПб: СПбГУ, 1999. – с. 63-66.
4. Каплун М.И. Тоны и тоноритмика слова языка йоруба. – М.: Гумани-тарий, 2013.
5. Каплун М.И., Суетина Ю.Г. Тоны хауса. – М.: ИССА при МГУ, 2013.

Научное издание

ЯЗЫКИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Подписано в печать 18.11.2020.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,5.

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93